

2021 | Том 13 | № 4

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

Тематический выпуск

ГОРОДА И СЕЛА БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА:

ОТВЕТЫ НА МИГРАЦИОННЫЕ

И ДРУГИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIJSKIJ REGION

2021 || Том 13 || № 4

ГОРОДА И СЕЛА БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА:
ОТВЕТЫ НА МИГРАЦИОННЫЕ И ДРУГИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Тематический выпуск

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта**

2021

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2021.
164 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236016, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
www.journals.kantiana.ru

© БФУ им. И. Канта, 2021

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., зам. главного редактора, БФУ им. И. Канта (Россия); *Й. фон Браун*, проф., Боннский университет (Германия); *И. М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); *А. Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *П. Йонниemi*, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); *Ф. Лебарон*, проф. социологии, Высшая нормальная школа Париж-Сакле (Франция); *К. Ляхто*, проф., Пан-Европейский институт высшей школы экономики, Университет г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., РАНХиГС (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); *П. Оппенхаймер*, проф., Крайст-Чёрч, Оксфордский университет (Великобритания); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); *А. А. Сергунин*, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); *К. К. Худолей*, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша)

Подписной индекс 32249

Тираж 1000 экз.

Дата выхода в свет 10.12.2021 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов..... 4

Переосмысление роли городов в современной экономике

Кузнецова О. В. Становление национальной городской политики в России в контексте европейского опыта7

Кузнецов А. В. Пространственная диффузия азиатских прямых инвестиций в североευропейских странах Европейского союза.....21

Приморский фактор

Михайлов А. С., Плотникова А. П. Побережья, на которых мы все живем: может ли быть единое определение приморской зоны?36

Соколова Ф. Х., Лялина А. В. Миграционная привлекательность приморской зоны Северо-Запада России: локальные градиенты54

Вопросы миграции

Воротников В. В., Габарта А. А. Миграция жителей постсоветского пространства в Польшу и страны Балтии: динамика и особенности79

Сарабьев А. В. Трудовые мигранты с арабского Востока в Швеции: изменение парадигмы95

Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С. Социально-политический аспект шведского исламизма как фактор формирования этноконфессионального «параллельного общества»111

Развитие сельских поселений в Балтийском регионе

Федоров Г. М., Киндер С., Кузнецова Т. Ю. О роли географического положения и изменениях занятости в динамике сельского расселения129

Гуменюк И. С. Гуменюк Л. Г. Транспортная связность как фактор преодоления периферийности: пример сельских поселений Калининградской области147

От редакторов

Роль городов в экономике и проблемы развития сельских поселений, приток мигрантов — вопросы, которые ученые изучают уже давно. Тем не менее жизнь преподносит исследователям все новые и новые сюжеты для анализа в этой области. Последние годы несомненный интерес для ученых представляет преломление актуальных проблем в условиях Балтийского региона, где соседствуют страны, демонстрирующие разные модели естественного движения населения, внутренних и внешних миграций, в том числе в рамках по-разному протекающих процессов урбанизации, а также различную национальную городскую и миграционную политику.

Очередной выпуск журнала «Балтийский регион» собрал в качестве авторов географов, историков и экономистов, которые продемонстрировали большую палитру разных подходов к исследованию регулирования развития территорий, активно вовлеченных в процессы притока/оттока инвестиций и населения. С экономической точки зрения это означает задачу изучения воздействия на развитие городов и сельской местности двух ключевых факторов производства — труда и капитала. Но при этом важную роль в такого рода анализе, безусловно, должен играть учет географических закономерностей — будь то приморское положение, иерархия систем расселения или состояние инфраструктуры.

Номер открывается статьей известного регионалиста, д-ра экон. наук Ольги Кузнецовой. Статья посвящена становлению национальной городской политики в России. Анализ европейского, прежде всего германского опыта, позволил автору сформулировать предложения по развитию национальной городской политики в Российской Федерации. В статье предложено перейти от практики поддержки федеральными властями только специфичных типов городов (монопрофильных, наукоградов) к комплексной и четко оформленной городской политике, нацеленной на снижение концентрации населения и экономической активности в Москве.

Вторая статья экономического блока также имеет дело с ролью крупнейших городских агломераций, но в фокусе ее автора чл.-корр. РАН Алексея Кузнецова находится проверка выявленных в 1970—1990-е годы географами и экономистами закономерностей пространственной экспансии прямых иностранных инвесторов, сопряженных с существующей иерархией городов. На примере азиатских компаний, работающих в Финляндии, Швеции, Дании и трех странах Балтии, автор показывает сохранение иерархически-волновой модели диффузии прямых иностранных инвестиций с доминированием столичных городских агломераций (Стокгольма и Хельсинки в рассматриваемом макрорегионе ЕС). Однако было также установлено, что доминирование в современных условиях в развитых странах слияний и поглощений как формы прямых капиталовложений приводит не только к искажению географического рисунка сетей дочерних предприятий компании-инвестора, но и к стремлению некоторых плохо знакомых с Балтийским регионом фирм продать провинциальные дочерние структуры, перенеся свою активность ближе к столицам.

Следующий раздел номера содержит две статьи, в которых рассматривается приморский фактор, столь важный для экономического развития Балтийского региона. В работе канд. геогр. наук Андрея Михайлова и Ангелины Плотниковой показано, что даже в пределах Балтики нельзя применять единый подход к делимитации приморской зоны. Исследователи отмечают, что наиболее активные «морехозяйственные» процессы протекают в зоне до 10 км от берега моря и до 30 км от портовой инфраструктуры, однако в случае ряда стран приморская зона может быть увели-

чена, причем для Германии — даже до 150 км от побережья. В статье д-ра ист. наук Флеры Соколовой и канд. геогр. наук Анны Лялиной на российском эмпирическом материале подтверждается привлекательность приморского положения для мигрантов. При этом не только Санкт-Петербург, приморские муниципалитеты Ленинградской и Калининградской областей, но даже приморские территории Архангельской области более миграционно привлекательны по сравнению с континентальными частями Северо-Запада России.

Самый большой раздел номера посвящен исследованию инокультурных мигрантов в Балтийском регионе. В статье канд. ист. наук Владислава Воротникова и канд. экон. наук Анджея Габарты проанализированы особенности миграции граждан государств постсоветского пространства в страны северо-восточной периферии ЕС (Польшу, Литву, Латвию, Эстонию). Авторы показывают, что в отличие от стран Западной Европы Польша и в меньшей степени страны Балтии стремятся привлечь мигрантов, имеющих географическую, культурную и языковую близость с центром притяжения рабочей силы, что в перспективе должно обеспечить интеграцию мигрантов в принимающее общество.

Швеция, которой посвящена работа канд. ист. наук Алексея Сарабьева, демонстрирует иную миграционную политику. Все большую роль в экономике и демографии страны играют арабские ближневосточные диаспоры, прежде всего иракская и сирийская. Автор показывает, что высокая деловая активность сирийцев-иммигрантов, их профессиональные навыки, уровень образования, широкие деловые связи дают основание предполагать выход этой диаспоры на лидирующие позиции среди арабов-иммигрантов, а также на глубокую интеграцию в шведский социум.

Шведская тема продолжается в статье Екатерины Талалаевой и д-ра филос. наук Татьяны Прониной, которые рассматривают появление элементов институционализированного мусульманского «параллельного общества» на «незащищенных территориях» — в маргинализированных иммигрантских районах крупных городов Швеции. В работе показано, что усилия шведских исламистских организаций, направленные на сохранение и укрепление «мусульманской идентичности», не только противодействуют культурной ассимиляции иммигрантов, но и во многом препятствуют полноценной реализации шведской интеграционной политики.

Две статьи посвящены сложным и обострившимся в последние десятилетия проблемам социального и демографического развития сельской местности.

Д-р геогр. наук, проф. Геннадий Федоров и канд. геогр. наук Татьяна Кузнецова в статье «О роли географического положения и изменениях занятости в динамике сельского расселения» рассматривают некоторые уже полученные результаты реализуемых ими научно-исследовательских проектов. Оба автора — известные специалисты в сфере региональных экономико- и социально-демографических исследований, которые Г. Федоров начал проводить под руководством профессора Н. Агафонова еще в 1970-е годы, а в 1980-е годы им предложена и обоснована известная концепция геодемографической обстановки. Т. Кузнецова в ее развитие в 2008 г. защитила кандидатскую диссертацию.

В статье рассмотрены экономико-демографические проблемы села на мезо- и микрорайонном уровнях. Показаны имеющиеся резервы перераспределения населения из села в город, созданные значительным высвобождением рабочей силы из сельскохозяйственного производства и организационными и технологическими изменениями в результате прошедших на селе процессов приватизации. Несмотря на предпринимаемые органами власти меры по созданию в сельской местности новых рабочих мест в несельскохозяйственных сферах, по мнению авторов, полностью решить за этот счет проблему сельской занятости в ближайшие годы не удастся, и данный фактор миграции сельского населения, по крайней мере какое-то время, будет

действовать. Но это, как отмечено в статье, не означает, что не следует усиливать меры по созданию в сельской местности новых рабочих мест и решению социальных проблем села (в качестве одного из путей решения последней задачи предлагается использовать разработанную еще в 1970-е годы профессором Б. С. Хоревым концепцию единой системы расселения).

Среди субъектов РФ (мезоуровень) выделены типы регионов, различающиеся геодемографической спецификой и требующие дифференцированного подхода к осуществлению мер по развитию сельской местности. Имеющиеся микрорайонные различия показаны на примере Калининградской области, где четко выделяется высокоразвитый урбанизированный запад (Калининградская агломерация) и отстающий восток. В статье предложены меры по развитию села, различающиеся для западной и восточной частей региона.

Статья канд. геогр. наук Ивана и Лидии Гуменюков «Транспортная связность как фактор преодоления периферийности: пример сельских поселений Калининградской области» рассматривает еще один аспект пространственной организации региона, так же связанный с решением задач улучшения социальных условий жизни на селе. При этом предложенная авторами региональная типология центров услуг с выделением трех иерархических уровней перекликается с отмеченной в статье Г. Федорова и Т. Кузнецовой концепцией единой системы расселения. Приведены интересные картосхемы транспортной связности локальных центров (малых городов) с Калининградом и доступности локальных центров со стороны прилегающих территорий.

Авторы отмечают, что Калининградская область по транспортной связности пространства превосходит среднероссийские значения. Тем не менее в регионе также имеют место негативные процессы пространственной поляризации расселения. Отмечается «стягивание» населения в пределы Калининградской агломерации, муниципальные центры теряют устойчивость, система сельских населенных пунктов деградирует. Происходит наблюдаемое в большинстве регионов России сжатие социально-экономического пространства.

Приглашенные редакторы выпуска

Алексей Владимирович Кузнецов

E-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru

Геннадий Михайлович Федоров

E-mail: GFedorov@kantiana.ru

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ ГОРОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА

О. В. Кузнецова

Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление РАН»,
117312, Россия, Москва, просп. 60-летия Октября, 9
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 01.09.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-1
© Кузнецова О. В., 2021

Статья посвящена анализу особенностей, недостатков, перспектив и ограничений национальной городской политики (НГП) в России в сопоставлении с актуальным зарубежным опытом. Цель статьи — сформулировать предложения по дальнейшему развитию НГП в стране. Основой для анализа стали зарубежные документы и публикации по НГП, особенно Германии, а также российские нормативно-правовые акты. Показано, что пандемия COVID-19 заставила больше внимания уделять устойчивости городов к кризисам и развитию в них зеленых пространств. Современная НГП в Германии появилась в 2007 году, ее отличает комплексность и встраивание в региональную политику. В России базовым документов НГП может считаться Стратегия пространственного развития РФ, однако в ней не раскрыт ряд значимых для развития системы городов вопросов; на практике федеральные власти поддерживают только специфичные типы городов (монопрофильные, наукограды); НГП не является комплексной (недостаточное внимание уделяется экономическим вопросам). Ограничениями для дальнейшего развития НГП становятся слабость информационной основы НГП и недостаточный уровень полномочий городских властей. Предлагается переход к комплексной и четче оформленной НГП в России, в рамках которой должны быть определены направления снижения концентрации населения и экономической активности в Москве, роль Санкт-Петербурга как центра экономического роста, перспективы развития экономики малых городов.

Ключевые слова:

национальная городская политика, региональная политика, Германия, Стратегия пространственного развития России

Введение. Постановка проблемы

Вопросам социально-экономического развития российских городов в последние годы уделяется в стране все больше внимания, в том числе в рамках федеральной политики регионального развития. Важнейший пример — появившаяся в начале 2019 года Стратегия пространственного развития России на период до 2025 года,

Для цитирования: Кузнецова О. В. Становление национальной городской политики в России в контексте европейского опыта // Балтийский регион. Т. 13, № 4. С. 7–20. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-1.

в которой одним из основных направлений пространственного развития страны, обеспечивающим ускорение ее экономического роста, научно-технологического и инновационного развития, названо социально-экономическое развитие крупных и крупнейших городских агломераций¹.

Начавшаяся в 2020 году пандемия COVID-19 сделала городскую проблематику еще более актуальной, поскольку именно города первыми столкнулись с ростом заболеваемости в силу своей открытости международным контактам и высокой плотности населения, именно города в наибольшей степени были затронуты введенными в связи с пандемией вынужденными ограничениями на ведение отдельных видов экономической деятельности. Эти обстоятельства стали не только новым вызовом для развития самих городов, но и поводом для дискуссий о будущей роли городов в системе расселения и экономике страны.

Одновременно в России продолжают появляться новые идеи о развитии городов: например, о создании новых городов в Сибири, формировании города-миллионника на Дальнем Востоке.

Все эти примеры говорят о все возрастающей роли городов как объектов федеральной социально-экономической политики и ставят вопрос о целесообразности формирования целостной городской политики (по аналогии с региональной политикой). Казалось бы, городская политика (и как термин, и как явление) существует уже десятилетия и не только в России, но и в других странах мира. Однако в зарубежной литературе, в том числе в ряде подготовленных в последние пять лет (2017—2021) обзорах ОЭСР, речь идет о том, что национальная городская политика представляет собой относительно новое явление и продолжает формироваться в большинстве стран мира, даже экономически развитых.

В связи со сказанным закономерно возникают рассматриваемые далее вопросы о том, что из себя в настоящее время представляет национальная городская политика за рубежом (прежде всего в отличающихся повышенным вниманием к вопросам пространственного развития странах ЕС), как в контексте этого опыта выглядит российская ситуация, что можно и нужно заимствовать в России из зарубежного опыта, в чем состоит российская специфика в рассматриваемой сфере в России, насколько она соответствует зарубежному опыту, что из него можно и нужно заимствовать, а в чем придерживаться своих особенностей. Особое внимание уделяется опыту Германии — в силу не только ее вхождения в Балтийский регион, но и признанного лидерства в развитии национальной городской политики.

Национальная городская политика в странах мира, ЕС, Германии (обзор литературы)

Итак, национальная городская политика (НГП) является одним из динамично развивающихся направлений деятельности властей разных стран. Это очень хорошо видно при сопоставлении обзоров ОЭСР (или совместных ОЭСР и ООН-Хабитат) о состоянии НГП в мире и в ОЭСР [1—3]. Так, еще пять лет назад — в 2017 году — из 35 стран ОЭСР вообще не было НГП в 5, четко сформулированная и хорошо проработанная НГП наблюдалась в 15 странах, тогда как в оставшихся 15 НГП была фрагментарной. На 2021 год НГП в том или ином виде присутствовала уже во всех странах. При этом эксперты констатируют, что определения НГП отличаются от страны к стране, но обычно речь идет о согласованном наборе решений, целенаправленном и управляемом органами власти процессе, объединяющем и ко-

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. №207-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ординирующем различных участников ради достижения общего видения и цели содействия преобразовательному, продуктивному, инклюзивному и устойчивому городскому развитию в долгосрочной перспективе.

Точкой отсчета в формировании современной НГП в европейских странах считается 2007 год, когда была принята Лейпцигская хартия устойчивого европейского города, и этот же год называется в качестве года формирования НГП в Германии. В настоящее время действует обновленная версия документа 2020 года — Новая Лейпцигская хартия². Кроме того, базовым документом для современной НГП является Новая Программа развития городов, принятая в 2016 году на Конференции ООН по жилью и устойчивому городскому развитию (Хабитат-III) [4].

Новизна НГП в определенной степени представляется условной. Например, применительно к Германии обзор ОЭСР по состоянию ее городской политики был опубликован еще в 1999 году [5]; близкое к приведенному выше определение городской политики Я. П. Силин давал еще в 2005 году³, хотя в целом российских работ, посвященных НГП в рассматриваемом ее понимании, немного (в качестве примеров можно привести [7; 8]). Были и фундаментальные работы по городской политике, например [9]. Иначе говоря, речь идет не столько о появлении городской политики как таковой, сколько о формировании современного ее облика. И в этом современном облике, на наш взгляд, важно выделить несколько значимых особенностей, которые должны учитываться и в России:

— городская политика — это, с одной стороны, совместная деятельность властей разных иерархических уровней, в федеративных государствах — федеральных, субъектов федерации и самих городов (органов местного самоуправления); с другой стороны, очень важно формирование четкого видения перспектив развития городов именно на национальном уровне, а также участие национальных властей в финансировании городской политики (эта составляющая НГП в Германии показана в [10]);

— городская политика рассматривается как важная составляющая региональной политики (в ЕС — как часть так называемой политики сплочения [11; 12]). НГП — это взгляд на города с точки зрения не только интересов самих городов, но и формирования сбалансированной пространственной структуры страны в целом;

— НГП осуществляется по очень широкому кругу направлений, т. е. городская политика является комплексной.

НГП заметно отличается по странам, даже европейским [13]. В мировом обзоре состояния НГП [2] эксперты называют следующие основные цели, которых стремятся достичь при реализации НГП (обобщение сделано на основе изучения 86 стран, в скобках приводится количество стран, где в НГП присутствует соответствующая цель):

- сбалансированное территориальное и городское развитие (47);
- согласованное видение национального городского развития (38);
- координация направлений отраслевой политики (27);

² *Nationale Stadtentwicklungspolitik / Netzwerk und Wissensplattform für integrierte Stadtentwicklung*. URL: https://www.nationale-stadtentwicklungspolitik.de/NSPWeb/DE/Home/home_node.html (дата обращения: 02.08.2021).

³ В его понимании «городская политика — это декларируемая, целенаправленная, институционально и законодательно оформленная деятельность (или система деятельности) властей всех уровней (международного, национального, регионального и местного), а также иных акторов (разнообразных общественных организаций, партий, союзов, корпораций, граждан), оказывающая регулирующее воздействие на развитие городов и их систем в рамках определенной концепции в интересах достижения поставленных целей» [6, с. 96].

- продуктивные и конкурентоспособные города с возможностями трудоустройства (24);
- достойное и доступное жилье (20);
- базовые городские услуги и инфраструктура (19);
- меньшее разрастание городов, более компактные и связанные города (17);
- связность городов и сельской местности (11);
- адаптация к климатическим изменениям (9);
- социальная сплоченность (8).

В целом возрастание внимания к городской проблематике связано, как представляется, с двумя обстоятельствами: значимостью городов как центров экономического роста (прежде всего в силу их наибольшего инновационного потенциала) и одновременно возрастанием проблем самих городов. Даже для самых благополучных крупнейших городов характерны проблемы, связанные с сильным социальным расслоением и притоком мигрантов (особенности развития городов рассматриваются во множестве работ, в том числе [14—17]). Неслучайно, в Лейпцигской хартии 2007 года двумя основными темами стали усиление комплексности политики городского развития и повышенное внимание к неблагоприятным городским районам.

Новая Лейпцигская хартия была принята 30 ноября 2020 года, и, конечно, она отражает те новые вызовы для НГП, которые связаны с пандемией COVID-19 (ее влияние на города показано в [18; 19]). В новом документе опять-таки подчеркивается комплексность городской политики, но тремя ее целями стали «зеленый город», «справедливый город» и «производительный город». Особое внимание уделяется также устойчивости (resilience) городов к кризисам⁴, созданию возможностей для местных властей справляться с предстоящими социальными, экономическими и экологическими проблемами. Также идет речь о цифровизации как важном инструменте решения стоящих перед городами задач.

В обзоре национальной политики ОЭСР/ООН-Хабитат [2] актуальные цели НГП формулируются похожим образом — устойчивые (resilient), зеленые и инклюзивные города.

В связи с влиянием пандемии COVID-19 на города упомянем также работу известных регионалистов/урбанистов [25], которые говорят о том, что пандемия не приведет к принципиальному изменению роли городов в экономике стран, но как раз выдвигает новые требования к самим городам, в том числе в отношении необходимых зеленых пространств.

Обращаясь к опыту НГП в Германии, важно отметить, что он дает пример решения задач комплексности НГП и координации ее реализации как по вертикали (деятельности органов власти разных уровней), так и по горизонтали (разных направлений социально-экономической политики). Так, есть специальный сайт, посвященный национальной городской политике (Nationale Stadtentwicklungspolitik)⁵, который представляет собой платформу для проектных идей и способствует диалогу по вопросам национального и международного городского развития; платформа служит и для обмена знаниями, и для стимулирования междисциплинарного курса о городском развитии.

Иллюстрацией внимания федеральных властей к НГП является наличие в стра-

⁴ Концепция устойчивости (или шокоустойчивости) территорий активно стала развиваться за рубежом с началом мирового экономического кризиса 2009 года [20—22], в том числе уделялось особое внимание устойчивости городов [23; 24].

⁵ *Nationale Stadtentwicklungspolitik / Netzwerk und Wissensplattform für integrierte Stadtentwicklung*. URL: https://www.nationale-stadtentwicklungspolitik.de/NSPWeb/DE/Home/home_node.html (дата обращения: 02.08.2021).

не ведомственного (подчиненного одному из федеральных министерств) Федерального исследовательского института строительства, городского хозяйства и пространственного развития⁶. На сайте этого института есть множество публикаций, касающихся оценки хода реализации НГП в Германии и пространственного развития в целом (включая базовый доклад об организации территории — Raumordnungsbericht [26]).

Анализ состояния национальной городской политики в России

В данном разделе мы анализируем состояние НГП в России, преимущественно на основе принятых нормативно-правовых актов. Зарубежный опыт показывает, что НГП может как оформляться специальными посвященными ей документами, так и встраиваться в документы общего характера по вопросам пространственного развития. Россия относится ко второму типу стран: ОЭСР в 2021 году назвала документом НГП уже названную нами Стратегию пространственного развития России (СПР) [2], а еще в 2018 г. экспертами ОЭСР говорилось о том, что по России нет информации о ее НГП [1]. Действительно, до появления СПР какой-либо документ, который можно было бы связать с НГП, назвать было невозможно. Причин у столь позднего появления НГП в России (только в начале 2019 года) можно назвать по меньшей мере две.

Первая — позднее становление федеральной региональной политики, которая является фундаментом для городской политики как минимум с точки зрения наличия традиций регулирования национальными властями пространственного развития. В силу ряда факторов, но прежде всего чрезмерно либеральных взглядов на государственное регулирование экономики, активное развитие федеральной политики регионального развития началось только с наступлением экономического кризиса 2009 года, заставившего искать новые возможности для обеспечения позитивной динамики развития страны и ее регионов [27].

Вторая причина — даже в рамках тех мер федеральной региональной политики, которые существовали до 2009 года, основным их объектом были субъекты Федерации. С муниципальными образованиями (к числу которых относятся почти все российские города, кроме трех городов федерального значения) федеральные власти, за редкими исключениями, не работали. Причин этого, в свою очередь, тоже несколько. Основная — дефицит статистической информации, которая нужна для принятия управленческих решений. Серьезные проблемы муниципальной статистики сохраняются до сих пор, но все-таки реформа местного самоуправления⁷ и информатизация позволили с конца 2000-х годов начать формировать базу данных муниципальных образований, представленную в настоящее время на сайте Росстата⁸. Появление хоть какой-то статистики по муниципальным образованиям позволило, среди прочего, провести анализ особенностей пространственного развития страны в рамках подготовки СПР.

Стратегия пространственного развития по своему замыслу может претендовать

⁶ *Bundesinstitut für Bau-, Stadt- und Raumforschung*. URL: https://www.bbsr.bund.de/BBSR/DE/startseite/_node.html (дата обращения: 02.08.2021).

⁷ Реформа местного самоуправления связана с принятием федерального закона от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», основные нормы которого вступили в силу с 1 января 2006 года, но еще сохранялся трехлетний переходный период 2006—2008 годов. Одна из важных новаций закона — упорядочение территориальных основ местного самоуправления в регионах страны, что привело к формированию более-менее унифицированной системы территориальных единиц для сбора статистических данных.

⁸ *База данных муниципальных образований / Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ykmb3eKg/munst.htm> (дата обращения: 17.08.2021).

на базовый документ по НГП, поскольку является одним из документов общей системы стратегического планирования в стране. Однако, на наш взгляд, в ее нынешнем виде СПР недостаточна для формирования целостной НГП, поскольку в ней нет ответов на принципиально важные вопросы развития городов и городской политики.

Прежде всего даже в отношении крупных и крупнейших агломераций остался непроработанным вопрос о снижении концентрации населения и экономической активности в гипертрофированно разросшейся столичной агломерации и развитии других городов-миллионников как альтернативных Москве точек роста. Должен ли Санкт-Петербург быть одной из таких точек роста, или же это приведет к гипертрофированному росту и этого города, нужно ли ограничиваться только городами-миллионниками, или надо делать ставку на более широкий круг городов (особенно учитывая отсутствие городов-миллионников на Дальнем Востоке) — вопросы открытые.

Отсутствие в СПР положений о необходимости децентрализации Москвы имеет вполне очевидную причину — политическую. Несмотря на кажущееся декларирование приоритетов пространственного развития, в СПР на самом деле от реального выбора приоритетов ушли. За счет включения в геостратегические территории всех приграничных регионов (в дополнение к традиционным объектам федеральной региональной политики — Дальнему Востоку, Арктике, Северному Кавказу, Крыму и Калининградской области) геостратегическими оказалось больше половины субъектов РФ — 51 из 85. Перспективные центры экономического роста, которых было предложено несколько типов, нашлись вообще во всех субъектах РФ: это разные по размерам 95 городов и городских агломераций, 27 минерально-сырьевых и агропромышленных центров, 20 центров экономического роста со сложившимися условиями для формирования научно-образовательных центров мирового уровня. Такой подход, конечно, неплох с точки зрения декларирования перспективности развития всех регионов, однако не позволяет обсуждать острые вопросы пространственного развития, к числу которых относится и не особо выгодное для самой Москвы снижение концентрации в ней населения и экономической активности.

Иначе говоря, тема развития крупнейших городских агломерацией как альтернатив Москве в явном виде в СПР не прозвучала и, как результат, не стала предметом дальнейших обсуждений вопросов пространственного развития. Гораздо больше внимания стало уделяться сельской местности и малым городам. Нисколько не умаляя их значимости в системе расселения, важно все-таки признать, что как центры экономического роста они априори не могут быть альтернативой Москве, а ведь именно вторым городам в европейских странах в последние годы уделяется повышенное внимание [28].

Не прописано в явном виде в СПР и место Санкт-Петербурга в пространственном развитии страны. Должен ли он рассматриваться как одна из альтернатив Москве как точке роста, или же этот подход приведет и к его гипертрофированному росту? В какой мере можно использовать потенциал развития Санкт-Петербурга как центра международных контактов, в том числе на Балтике, в силу его географического положения? К сожалению, в СПР в целом практически обойден стороной вопрос включенности российских регионов и городов во внешнеэкономические связи, а для Санкт-Петербурга это один из ключевых вопросов его развития [29].

Вторым значимым, на наш взгляд, недостатком СПР стало отсутствие обсуждения в ней перспектив развития всей системы российских городов, места городов разной людности в социально-экономическом пространстве страны. Среди проблем пространственного развития России в СПР указываются низкий уровень комфортности городской среды в большинстве городов (даже включая крупные и крупнейшие), низкий уровень предпринимательской активности в большинстве малых и средних городов, а также неудовлетворительное состояние окружающей

среды в большинстве городов с населением более полумиллиона и/или являющихся промышленными. То есть речь идет о социальных, экономических и экологических проблемах городов. Однако в задачах пространственного развития акцент делается только на социальных проблемах и отчасти экологических. Так, говорится о необходимости капремонта жилого фонда, развития коммунальной и транспортной инфраструктуры, сбалансированной застройки территории городов, улучшения состояния окружающей среды и т. п. А вот что касается экономики малых и средних городов, дело ограничивается лишь словами о реализации дополнительных направлений социально-экономического развития моногородов (диверсификации их экономики), наукоградов (их научно-производственных комплексов) и исторических поселений. В целом же в отношении малых и средних городов речь идет лишь о содействии их развитию как межмуниципальных обслуживающих центров для сельских территорий, а дополнительные ресурсы для их развития будут изысканы после формирования новых центров экономического роста регионов.

На первый взгляд, такой подход выглядит вполне логичным. При наличии острых общестрановых проблем в экономике ускоренное экономическое развитие могут обеспечить именно перспективные центры роста, которыми, как хорошо известно, малые и средние города обычно не являются. В данном случае уместно вспомнить опыт Германии, где после объединения западных и восточных земель ставка была сделана именно на поддержку основных городов новых земель (включая Берлин) и развитие связывающих эти города транспортных коммуникаций. И логика такого решения была той же, что заложена в СПР: основные города дадут наиболее быструю отдачу от вкладываемых в них средств и станут если не точками роста для окружающих территорий, то хотя бы источниками дополнительных поступлений в бюджетную систему, которые можно будет направить на развитие периферийных территорий.

Вместе с тем ограничение обсуждения перспектив развития малых и средних городов России только вопросами повышения качества городской среды чревато последующими проблемами: даже при самых комфортных условиях жизни отсутствие рабочих мест будет провоцировать дальнейший миграционный отток населения из таких городов. Создание комфортной городской среды — очень важное и необходимое условие для развития городов, но условие недостаточное. И если не подходить к вопросу развития малых и средних городов с самого начала комплексно — преодолевая не только социальные, но и экономические проблемы их развития, есть риск вложить средства в инфраструктуру городов, которая потом не будет востребована.

Но такого рода обсуждение перспектив экономического развития малых и средних городов, скорее всего, заставит признать дефицит потенциальных инвесторов, заинтересованных в развитии периферийных территорий, неизбежность концентрации населения в районах с более-менее высокой плотностью населения. Это, в свою очередь, поднимет вопрос о том, как должна трансформироваться система расселения в стране, тогда как для многих экспертов и чиновников, как нам представляется, декларируемое в СПР обеспечение устойчивости системы расселения подразумевает ее консервацию.

СПР, как мы уже сказали, была утверждена в начале 2019 года, но на практике отдельные направления федеральной поддержки городского развития появились раньше. Связаны они преимущественно с особыми типами городов (не случайно в СПР упоминаются наукограды и моногорода).

Это, во-первых, города с доминированием в их экономике федеральных объектов. К числу таковых относятся ЗАТО (закрытые административно-территориальные образования), созданные еще в советский период и связанные с военными или атомными объектами. До реформы местного самоуправления федеральные

власти выстраивали с ЗАТО отделенную от субъектов РФ систему межбюджетных отношений, после реформы ЗАТО стали одним из стандартных видов муниципальных образований, но отдельные межбюджетные трансферты на их развитие из федерального бюджета выделяются до сих пор. В этот же ряд можно поставить и наукограды, в которых градообразующими являются научно-производственные комплексы, находящиеся в ведении федеральных властей. Первый документ — президентский указ — о мерах развития наукоградов был подписан еще в 1997 году, а в 1999 году был принят федеральный закон о наукоградах. Этому направлению федеральной политики были свойственны две основные проблемы: формальный статус наукограда (а с ним и право на дополнительное финансирование) получает небольшая доля реально существующих городов науки; длительное время федеральные деньги выделялись на развитие социальной, коммунальной инфраструктуры наукоградов, но не на необходимую им поддержку научно-производственных комплексов [27].

Во-вторых, города с острыми социально-экономическими проблемами. Отдельные примеры проявления федерального внимания к таким городам (например, к шахтерским) имели место еще с начала 1990-х годов, однако о сформировавшемся отдельном направлении федеральной политики можно говорить только в отношении появившейся с началом кризиса 2009 года федеральной поддержки моногородов. В условиях кризиса возник целый ряд городов с резко ухудшившейся социально-экономической ситуацией из-за проблем доминирующих в их экономике градообразующих предприятий. Особенно чувствительным такое ухудшение оказалось для населения городов, где градообразующие предприятия относились к благополучным до кризиса отраслям, и федеральные власти не могли игнорировать создававшуюся в таких городах социальную напряженность. Нормативно-правовая база по федеральной поддержке моногородов довольно обширная, базовым документом можно считать «Паспорт приоритетной программы Комплексное развитие моногородов», рассчитанной на 2016—2025 годы⁹.

Для российских балтийских регионов именно федеральная политика в отношении моногородов имеет хоть некоторое значение (статус наукограда был только у Петергофа и только в 2005—2010 годах [27]). В перечень моногородов городские муниципальные образования Калининградской и Ленинградской областей попали: в первой это пос. Янтарный, во второй — г. Пикалево, Сланцы, Сясьстрой¹⁰. Пикалево получил статус территории опережающего социально-экономического развития — по сути аналога особых экономических зон, предусматривающего предоставление налоговых льгот инвесторам, реализующим связанные с диверсификацией экономики города проекты. Учитывая, что в России в целом 321 моногород, а территории опережающего развития созданы в 92 из них, в балтийских регионах данный инструмент экономической политики мог бы использоваться активнее. Тем более что Ленинградская область на фоне многих других субъектов РФ в силу своего экономико-географического положения отличается повышенной инвестиционной привлекательностью.

Распространяющаяся на все города задача повышения качества городской среды нашла отражение в национальном проекте «Жилье и городская среда», в рамках которой создан федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» на 2018—2024 годы. Специфика этого проекта состоит в том, что он курируется

⁹ В России существуют национальные и федеральные проекты/программы, а также приоритетные программы и проекты.

¹⁰ Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований РФ: распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р в ред. от 21 января 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Минстроем России, это же министерство в рамках того же нацпроекта занимается проектом цифровизации городского хозяйства «Умный город». Выбор именно Минстроя России в качестве ответственного за развитие городской среды вполне понятен: этот вопрос, действительно, во многом связан со строительством и ЖКХ, которыми на протяжении почти всех лет своего существования (2004—2014) занималось Министерство регионального развития РФ [27]. Однако, еще раз подчеркнем, это означает, что вопросы развития городской среды оказываются неизбежно оторванными от вопросов социально-экономического развития городов в целом.

Вместе с тем в России есть и позитивный пример комплексного подхода к решению экономических и социальных проблем городов — речь о запущенной в 2018 году программе социального развития центров экономического роста на Дальнем Востоке¹¹. Впрочем, в отношении Дальнего Востока в целом реализуется очень активная федеральная политика, включающая в себя множество разнообразных инструментов поддержки данного макрорегиона, усилия по его развитию пытаются предпринимать по всем возможным направлениям.

Таким образом, как видим, в России есть ряд инструментов федеральной городской политики, но все они являются разрозненными (в том числе в части ответственных за них федеральных министерств). При этом фактическое положение дел в полной мере повторяет особенности Стратегии пространственного развития, что, впрочем, неудивительно: подготовка СПР неизбежно отталкивалась от уже сложившейся ситуации.

Необходимость и ограничения развития национальной городской политики в России

Развитие национальной городской политики в России, как нам представляется, должно быть продолжено: важно сформировать целостное видение его перспектив для всей системы городов и их разных типов (от столичной Москвы, у которой свои проблемы, до малых периферийных), определить возможные направления социально-экономического развития городов и необходимое участие в этом процессе федеральных властей.

Задачи, стоящие перед НГП в России, по большей части те же самые, что и в экономически развитых странах, хотя и со своей спецификой. Крупнейшие российские города, как и за рубежом, являясь центрами инноваций и экономического роста, сталкиваются с проблемами повышенного социального расслоения, адаптации мигрантов, развития городской инфраструктуры (особенно транспортной), поиска оптимальных планировочных решений (включая создание зеленых пространств, ставших особенно важными в пандемию COVID-19). Важно предпринимать шаги по созданию полицентричной системы динамично развивающихся крупных и крупнейших городов, способных стать точками роста в своих макрорегионах, обеспечивая тем самым закрепление населения в разных частях страны и сокращение различий в социально-экономическом развитии на макрорегиональном уровне, а также снижение концентрации населения и экономической активности в Москве.

Исходя из зарубежного опыта и сложившейся российской ситуации, важно еще понимать, что становлению НГП в России будет препятствовать ряд нерешенных проблем, напрямую с НГП не связанных.

Во-первых, в России очень слаба информационная основа, необходимая для разработки не только НГП, но и политики пространственного развития в целом.

¹¹ Об утверждении Правил предоставления и распределения иных межбюджетных трансфертов на реализацию мероприятий планов социального развития центров экономического роста субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа : постановление Правительства РФ от 14 марта 2018 г. № 254. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Начнем с того, что в России до сих пор придерживаются дихотомии «городское — сельское население», хотя такое разделение уже давно стало очень условным. Поэ тому за рубежом от него отказались. Например, в Германии публикуются данные по доле населения, проживающего в районах с высокой, средней и низкой плотностью населения. Евростат предоставляет данные по специально разработанным типологиям регионов, где есть не только трехчленное деление на *преимущественно городские — промежуточные — преимущественно сельские регионы*, но и разделение двух вторых категорий на *находящиеся вблизи крупных городов и удаленные от них*. В России же нет статистической основы для оценки различий между, например, малыми городами в составе крупнейших городских агломераций и глубоко периферийными, а отсюда — и звучащие нередко в ходе дискуссий ошибочные суждения. Кроме того, Евростат собирает данные по метрополитенским ареалам, тогда как в России обсуждение вопросов развития городских агломераций после разработки Стратегии пространственного развития значимо не продвинулось. В какой мере объектами НГП могут быть города или городские агломерации — вопрос неоднозначный [30], в дальнейшем это тоже будет нуждаться в обсуждении.

Нет в России и института, аналогичного называвшемуся выше германскому федеральному институту, который занимается анализом пространственного развития в стране и обеспечивает связь между наукой и управлением. Необходимость создания в России центра пространственного анализа неоднократно декларировалась, но о министерском институте речь, насколько нам известно, никогда не шла.

Отчасти это можно объяснить тем, что в России сохраняется закрытость информации о региональной составляющей многих направлений федеральной отраслевой политики [27]. Для обеспечения координации разных направлений структурной политики опять-таки нужна прежде всего информация по этим направлениям.

Во-вторых, одним из важнейших участников НГП должны являться органы власти самих городов. Но для этого у них должны быть достаточные полномочия и самостоятельность в бюджетной сфере, а их в России у органов местного самоуправления, увы, нет ([8]; контрасты в бюджетном положении городов России и Германии показаны в [31]).

Все названные проблемы необходимо решать, поскольку это важно не только для городской политики, но и в целом для повышения качества управления пространственным развитием.

Выводы

Таким образом, как было показано выше, национальная городская политика — это одно из динамично развивающихся направлений деятельности центральных органов власти практически во всех странах мира. Пандемия COVID-19 лишь еще больше усилила этот динамизм, поскольку стала новым вызовом для городов и городской политики. Россия тоже не остается в стороне от общемировых трендов, однако в рамках ее национальной городской политики остается еще немало задач, требующих, на наш взгляд, своего решения. Основными являются:

— более четкое формирование национальной городской политики как отдельного направления в деятельности органов публичной власти;

— переход от разрозненных направлений поддержки городов к комплексной городской политике, которая, среди прочего, должна быть связана с определением перспектив экономического (именно экономического) развития малых и средних городов;

— проработка вопроса о формировании полицентричной городской системы с центрами экономического роста в разных регионах страны и с решением задачи снижения концентрации населения и экономической активности в Москве;

— формирование адекватной современным вызовам информационной, статистической основы принятия управленческих решений.

Решение всех названных задач, в свою очередь, необходимо для сохранения конкурентоспособности России, в том числе в Балтийском регионе. Коль скоро города

являются ключевыми драйверами современного экономического развития и при этом созданию условий для реализации их потенциала в соседних странах уделяется немало внимания в рамках национальных городских политик, для России важно не упустить возможности для динамичного развития своих городов. Это актуально для российских балтийских регионов, прежде всего для Санкт-Петербурга. Как любой многомиллионный город, он имеет и немалый потенциал своего развития, и требующие своего решения проблемы. При этом в российских документах, как было показано в статье, сколько-нибудь внятно федеральная политика в отношении Санкт-Петербурга и его агломерации не прописана.

Проработка непосредственно национальной городской политики поможет четче определить видение федеральными властями места разных типов городов в пространственном развитии страны, их планы по поддержке социально-экономического развития городов, в том числе балтийских регионов.

Список литературы

1. *Global State of National Urban Policy / UN-Habitat/OECD*. Nairobi, 2018. doi: 10.1787/9789264290747-en.
2. *Global State of National Urban Policy 2021: Achieving Sustainable Development Goals and Delivering Climate Action / OECD/UN-Habitat/UNOPS*. P., 2021. doi: 10.1787/96eee083-en.
3. *National Urban Policy in OECD Countries*. P., 2017. doi: 10.1787/9789264271906-en.
4. *New Urban Agenda / UN-Habitat*, 2017. URL: <https://habitat3.org/wp-content/uploads/NUA-English.pdf> (дата обращения 10.08.2021).
5. *Urban Policy in Germany: Towards Sustainable Urban Development*. P., 1999. doi: 10.1787/9789264173194-en.
6. *Силин Я. П.* Городская политика в современной России: сущность, формирование, уровни реализации // *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2005. № 10. С. 94—102.
7. *Обедков А. П.* Особенности современного этапа формирования и проведения городской политики в России // *Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления*. 2016. № 16. С. 61—70.
8. *Попов Р. А., Пузанов А. С., Полиди Т. Д.* Контуры новой государственной политики по отношению к городам и городским агломерациям России // *ЭКО*. 2018. № 8. С. 7—22. doi: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-8-7-22.
9. *Blackman T.* *Urban Policy in Practice*. Routledge, 1995.
10. *Radzinski A.* Spatial Distribution of Urban Policy Funds in Germany and its Determinants // *Urban Development Issues*. 2018. Vol. 57. P. 15-26. doi: 10.2478/udi-2018-0014.
11. *Atkinson R., Zimmermann K.* Cohesion Policy and Cities: an Ambivalent Relationship // *Handbook on Cohesion Policy in the EU / ed. by S. Piattoni, L. Polverari*. Edward Elgar, 2016. P. 413—426.
12. *The Urban Dimension in the EU Cohesion Policy in Germany. EU Funding Period 2014—2020*. Bonn, 2020.
13. *A Modern Guide to National Urban Policies in Europe / ed. by K. Zimmermann, V. Fedeli*. Edward Elgar, 2021. doi: 10.4337/9781839109058.
14. *Sassen S.* *Cities in a World Economy*. 2nd ed. Pine Forge Press, 2000.
15. *The State of European Cities 2016: Cities leading the way to a better future / EC/UN-Habitat*. Brussels, 2016.
16. *Urbanization and Development: Emerging Features. World Cities Report 2016 / UN-Habitat*. Nairobi, 2016.
17. *Cities in the World: A New Perspective on Urbanisation / OECD*. P., 2020.
18. *Territorial Impact Assessment: the State of the Cities and Regions in the COVID-19 crisis / Gaugitsch R. et al.* European Union, 2020. doi: 10.2863/112206.
19. *OECD Regions and Cities at a Glance 2020*. P., 2020. doi: 10.1787/959d5ba0-en.
20. *Жихаревич Б. С., Климанов В. В., Марача В. Г.* Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление // *Региональные исследования*. 2020. № 3. С. 4—15. doi: 10.5922/1994-5280-2020-3-1.
21. *Martin R., Sunley P.* On the Notion of Regional Economic Resilience: Conceptualization and Explanation // *Journal of Economic Geography*. 2015. Vol. 15, № 1. P. 1—42. doi: 10.1093/jeg/lbu015.

22. Modica M., Reggani A. Spatial Economic Resilience: Overview and Perspectives // Networks and Spatial Economics. 2014. Vol. 14, №2. P. 211 — 233. doi: 10.1007/s11067-014-9261-7.
23. Capello R., Caragliuy A., Fratesi U. Spatial Heterogeneity in the Costs of the Economic Crisis in Europe: are Cities Sources of Regional Resilience? // Journal of Economic Geography. 2015. Vol. 15, № 5. P. 951 — 972. doi: 10.1093/jeg/lbu053.
24. Dijkstra L., Garcilazo E., McCann P. The Effects of the Global Financial Crisis on European Regions and Cities // Journal of Economic Geography. 2015. Vol. 15, № 5. P. 935 — 949. doi: 10.1093/jeg/lbv032.
25. Florida R., Rodríguez-Pose A., Storper M. Cities in a post-COVID world // Urban Studies. June 2021. P. 1-23. doi: 10.1177/00420980211018072.
26. Raumordnungsbericht 2021: Wettbewerbsfähigkeit stärken. Bonn, 2021.
27. Кузнецова О. В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М., 2013.
28. Second Tier Cities and Territorial Development in Europe: Performance, Policies and Prospects. Scientific Report / ESPON, 2012. URL: <https://www.espon.eu/programme/projects/espon-2013/applied-research/sgptd-secondary-growth-poles-and-territorial> (дата обращения: 15.07.2021).
29. Lachininskii S., Semenova I. Saint Petersburg as a Global Coastal City: Positioning in the Baltic Region // Baltic Region. 2015. № 3. P. 47 — 57. doi: 10.5922/2079-8555-2015-3-4.
30. Fricke C. Locating Urban Issues in German Policy-Making: Metropolitan Regions and Urban Development Policies in a Multi-scalar Context // Foregrounding Urban Agendas: The New Urban Issue in European Experiences of Policy-Making / yd. by S. Armondi, S. De Gregorio Hurtado. Springer, 2020. P. 167 — 184.
31. Kuznetsova O. V. Contrasts in Budgetary Opportunities of City-Regions and City-Municipalities in Russia and the Experience of Germany // Regional Research of Russia. 2020. Vol. 10, № 4. P. 522 — 529. doi: 10.1134/S2079970520040152.

Об авторе

Ольга Владимировна Кузнецова, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, федеральный исследовательский центр «Информатика и управление РАН», Россия; профессор-исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4341-0934>

NATIONAL URBAN POLICY IN RUSSIA AND THE EUROPEAN EXPERIENCE

O. V. Kuznetsova

Federal Research Center Computer Science and Control of the Russian Academy of Sciences
44/2 Vavilova ul., Moscow, 119333, Russia
Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 01.09.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-1
© Kuznetsova O. V., 2021

This article analyses the features, shortcomings, prospects, and limitations of Russia's national urban policy (NUP) and its international counterparts to formulate proposals for the further development of the Russian NUP. To this end, the study examines international documents and publications on NUP, particularly German ones, and Russian regulatory legal

acts. The COVID-19 pandemic has drawn attention to the resilience of cities to crises and the development of urban green spaces. Germany's current NUP, adopted in 2007, stands out for its complexity and congruence with the regional policy. The Spatial Development Strategy is the principal NUP document in Russia. However, it overlooks some issues essential for the development of the city system: the federal authorities support only selected types of towns, such as single-industry municipalities, and the NUP is not comprehensive as it pays little attention to the economic aspects. A feeble information framework and municipal authorities lacking the powers impede the further development of the NUP. A transition to a comprehensive and well-designed NUP in Russia is proposed, which includes counteracting the concentration of population and economic activity in Moscow and establishing Saint Petersburg as a centre of economic growth. There is also an urgent need to understand the economic development prospects of smaller towns.

Keywords:

national urban policy, regional policy, Germany, Spatial Development Strategy of Russia

References

1. UN-Habitat/OECD, 2018, *Global State of National Urban Policy*, Nairobi, 120 p. doi: <https://dx.doi.org/10.1787/9789264290747-en>.
2. OECD/UN-Habitat/UNOPS, 2021, *Global State of National Urban Policy 2021: Achieving Sustainable Development Goals and Delivering Climate Action*, Paris, OECD Publishing, 162 p. doi: <https://dx.doi.org/10.1787/96eee083-en>.
3. OECD, 2017, *National Urban Policy in OECD Countries*, Paris, OECD Publishing, 140 p. doi: <https://dx.doi.org/10.1787/9789264271906-en>.
4. UN-Habitat, 2017, *New Urban Agenda*, 66 p. available at: <https://habitat3.org/wp-content/uploads/NUA-English.pdf> (accessed 10.08.2021).
5. OECD, 1999, *Urban Policy in Germany: Towards Sustainable Urban Development*, Paris, OECD Publishing, 95 p. doi: <https://dx.doi.org/10.1787/9789264173194-en>.
6. Silin, Y. P. 2005, Urban policy in Modern Russia: essence, formation, levels of implementation, *Izvestiya Ural'skogo Gosudarstvennogo Ekonomicheskogo Universiteta* [Proceedings of the Ural State University of Economics], no. 10. p. 94—102 (In Russ.).
7. Obedkov, A. P. 2016, Features of the formation and conduction of urban politics in Russia, *Vestnik Komi Respublikanskoi Akademii Aosudarstvennoi Sluzhby i Upravleniya. Teoriya i Praktika Upravleniya* [Bulletin of the Komi Republican Academy of Public Service and Management. Management theory and practice], no.16. p. 61 — 70 (In Russ.).
8. Popov, R. A., Puzanov, A. S., Polidi, T. D. 2018, The outline of the new state policy towards Russian cities and urban agglomerations, *EKO* [ECO], no. 8, p. 7—22. doi: <https://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-8-7-22> (In Russ.).
9. Blackman, T. 1995, *Urban Policy in Practice*, Routledge, 352 p.
10. Radzimski, A. 2018, Spatial Distribution of Urban Policy Funds in Germany and its Determinants, *Urban Development Issues*, no. 57, p. 15—26. doi: <https://dx.doi.org/10.2478/udi-2018-0014>.
11. Atkinson, R, Zimmermann, K. 2016, Cohesion Policy and Cities: an Ambivalent Relationship. In: Piattoni, S, Polverari, L. (eds.) *Handbook on Cohesion Policy in the EU*, Edward Elgar, p. 413—426.
12. EU, 2020, *The Urban Dimension in the EU Cohesion Policy in Germany. EU Funding Period 2014—2020*, Bonn, 72 p.
13. Zimmermann, K., Fedeli, V. (eds.) 2020, *A Modern Guide to National Urban Policies in Europe*, Edward Elgar, 368 p. doi: <https://dx.doi.org/10.4337/9781839109058>.
14. Sassen, S. 2000, *Cities in a World Economy. Second Edition*, Pine Forge Press, 201 p.
15. EC/UN-Habitat, 2016, *The State of European Cities 2016: Cities leading the way to a better future*, Brussels, 220 p.
16. UN-Habitat, 2016, *Urbanization and Development: Emerging Features. World Cities Report 2016*, Nairobi, 264 p.
17. OECD, 2020, *Cities in the World: A New Perspective on Urbanisation*, Paris, 171 p.

18. Gaugitsch, R. et al. 2020, *Territorial Impact Assessment: the State of the Cities and Regions in the COVID-19 crisis*, European Union, 71 p. doi: <https://dx.doi.org/10.2863/112206>.
19. OECD, 2020, *OECD Regions and Cities at a Glance 2020*, Paris, OECD Publishing, 166 p. doi: <https://dx.doi.org/10.1787/959d5ba0-en>.
20. Zhiharevich, B. S., Klimanov, V. V., Maracha, V. G. 2020, Resilience of the territory: concept, measurement, governance, *Regional'nye Issledovaniya* [Regional Research], no. 3, p. 4–15. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/1994-5280-2020-3-1> (In Russ.).
21. Martin, R., Sunley, P. 2015, On the Notion of Regional Economic Resilience: Conceptualization and Explanation, *Journal of Economic Geography*, vol. 15, no. 1, p. 1–42. doi: <https://dx.doi.org/10.1093/jeg/lbu015>.
22. Modica, M., Reggani, A. 2014, Spatial Economic Resilience: Overview and Perspectives, *Networks and Spatial Economics*, vol. 14, no 2, p. 211–233. doi: <https://dx.doi.org/10.1007/s11067-014-9261-7>.
23. Capello, R., Caragliu, A., Fratesi, U. 2015, Spatial Heterogeneity in the Costs of the Economic Crisis in Europe: are Cities Sources of Regional Resilience? *Journal of Economic Geography*, vol. 15, no. 5, p. 951–972. doi: <https://dx.doi.org/10.1093/jeg/lbu053>.
24. Dijkstra, L., Garcilazo, E., McCann, P. 2015, The Effects of the Global Financial Crisis on European Regions and Cities, *Journal of Economic Geography*, vol. 15, no. 5, p. 935–949. doi: <https://dx.doi.org/10.1093/jeg/lbv032>.
25. Florida, R., Rodríguez-Pose, A., Storper, M. 2021, Cities in a post-COVID world, *Urban Studies*, June, p. 1–23. doi: <https://dx.doi.org/10.1177/00420980211018072>.
26. BBSR, 2021, *Raumordnungsbericht 2021: Wettbewerbsfähigkeit stärken*, Bonn, 155 S.
27. Kuznetsova, O. V. 2013, *Regional'naya politika Rossii: 20 let reform i novye vozmozhnosti* [Russia's regional policy: 20 years of reforms and new opportunities], Moscow, 392 p. (In Russ.).
28. ESPON, 2021, *Second Tier Cities and Territorial Development in Europe: Performance, Policies and Prospects. Scientific Report*, ESPON, 803 p. available at: <https://www.espon.eu/programme/projects/espon-2013/applied-research/sgptd-secondary-growth-poles-and-territorial> (accessed 15.07.2021).
29. Lachininskii, S., Semenova, I. 2015, Saint Petersburg as a Global Coastal City: Positioning in the Baltic Region, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 47–57. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2015-3-4>.
30. Fricke, C. 2020, Locating Urban Issues in German Policy-Making: Metropolitan Regions and Urban Development Policies in a Multi-scalar Context. In: Armondi, S., De Gregorio Hurtado, S. (eds.) *Foregrounding Urban Agendas: The New Urban Issue in European Experiences of Policy-Making*, Springer, p. 167–184.
31. Kuznetsova, O. V. 2020, Contrasts in Budgetary Opportunities of City-Regions and City-Municipalities in Russia and the Experience of Germany, *Regional Research of Russia*, vol. 10, no. 4, p. 522–529. doi: <https://dx.doi.org/10.1134/S2079970520040152>.

The author

Prof. Olga V. Kuznetsova, Senior Research Fellow, Federal Research Center Computer Science and Control of the Russian Academy of Sciences, Russia; Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4341-0934>

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФфуЗИЯ АЗИАТСКИХ ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

А. В. Кузнецов

МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76
ИНИОН РАН
117418, Москва, Нахимовский просп., д. 51/21

Поступила в редакцию 14.10.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-2
© Кузнецов А. В., 2021

Первые работы о закономерностях распространения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в пространстве появились еще в 1970—1990-х годах. С тех пор многие их положения неоднократно подвергались критике как устаревшие и не соответствующие эмпирическому материалу современного этапа глобализации. Вместе с тем и раньше только примерами «новичков» интернационализации было возможно иллюстрировать, например, выраженную поэтапность в экспансии транснациональных компаний или доминирующее у них стремление закрепиться сначала в крупнейших экономических центрах, поскольку важную роль играл фактор постепенно растущей информированности потенциальных инвесторов. Целью данной статьи было показать сохранение закономерностей пространственной экспансии прямых иностранных инвесторов, сопряженных с существующей иерархией городов, на примере азиатских компаний в странах Балтии, Финляндии, Швеции и Дании (на фоне западноевропейских инвесторов выступающих в качестве «новичков» интернационализации, причем не подверженных влиянию «эффекта соседства»). В целом нами была подтверждена иерархически-волновая модель диффузии прямых иностранных инвестиций с доминированием столичных городских агломераций. Однако было также установлено, что доминирование в современных условиях в развитых странах слияний и поглощений как формы прямых капиталовложений приводит не только к искажению географического рисунка сетей дочерних предприятий компании-инвестора, но и к стремлению фирмы продать провинциальные заводы, а головные офисы перенести ближе к столицам. Таким образом, происходит «упрощение» бизнес-структур, соответствующее более ранним стадиям пространственной диффузии прямых иностранных инвестиций той или иной фирмы.

Ключевые слова:

прямые иностранные инвестиции, азиатские транснациональные компании, города Балтийского региона, пространственная диффузия ПИИ

Постановка проблемы

Прямым иностранным инвестициям (ПИИ) посвящены сотни научных работ, и это хорошо объяснимо. С одной стороны, за последние 50—70 лет тематика ПИИ не теряет актуальности. Ведь данный вид капиталовложений неизменно играет важную роль в принимающих экономиках, обеспечивая необходимый приток финансовых ресурсов и трансфер технологий для развития новых предприятий и отраслей,

Для цитирования: Кузнецов А. В. Пространственная диффузия азиатских прямых инвестиций в североевропейских странах Европейского союза // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 4. С. 21—35.
doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-2.

может видоизменять характер конкурентной среды и оказывать другие как положительные, так и отрицательные воздействия на национальное хозяйство. Большое значение имеет и экспорт ПИИ. С другой стороны, прямые капиталовложения постоянно трансформируются, что создает дополнительное поле для исследований. Например, за полвека существенно расширился перечень экспортирующих ПИИ стран, ученые стремятся восполнить дефицит знаний и по такой теме, как поиск путей интеграции различных предприятий и их кластеров в трансграничные цепочки создания стоимости. Однако на этом фоне, на наш взгляд, уделяется недостаточное внимание географическому распределению ПИИ.

Разумеется, эмпирические работы о притоке таких капиталовложений в отдельные регионы и даже описание межрегиональных контрастов (в частности, в России) существуют (например, [1; 2]), но задачами выявления общих закономерностей пространственной диффузии ПИИ исследователи обычно пренебрегают. По нашему мнению, одна из важных причин — игнорирование современных динамических концепций размещения предприятий. Многие ученые по-прежнему опираются на идеи почти вековой давности об агломерационном эффекте, в лучшем случае снабжая выводы Августа Лёша «красивой оберткой» так называемой новой экономической географии Пола Кругмана (пример хорошо цитируемой работы двух докторов наук см. в [3]).

В связи с этим мы решили посвятить данную статью проверке адекватности созданных в 1970—1990-е годы динамических концепций размещения, основанных на разного рода центр-периферийных и иерархических представлениях об организации экономического пространства, для описания диффузии ПИИ в современных условиях (важности этих концепций в рамках формирующейся научной дисциплины «география компаний» нами ранее была посвящена отдельная статья [4]). В качестве географического «полигона» были выбраны шесть входящих в ЕС стран Северной Европы: Литва, Латвия, Эстония, Финляндия, Швеция и Дания, поскольку в таких границах макрорегион оказывается относительно изолированным и компактным. Это позволяет рассматривать ограниченное количество дочерних структур у транснациональных компаний (например, японских), которые владеют сотнями предприятий по всему миру.

Во многом мы ориентировались на сегментирование пространства самими компаниями-инвесторами. В частности, добавление к этому «полигону» не входящих в ЕС государств (например, бесспорно относящейся к Северной Европе Норвегии) либо стран с большими районами за пределами Балтийского региона (Германии и Польши) сильно бы исказило картину диффузии за счет добавления «обрывков» цепочек дочерних структур, нацеленных на экспансию той или иной компании-инвестора в других регионах. Например, прибалтийские воеводства Польши скорее являются периферией для Варшавы, а не Стокгольма или тем более Риги (хотя у отдельных фирм-инвесторов видение границ макрорегионов мира или Европы может быть иным). При этом совместное рассмотрение именно шести североευропейских стран ЕС позволяет добавить нам дополнительный иерархический уровень (допускает рассмотрение Евросоюза как наднационального квазигосударства, что справедливо по крайней мере для оценки внешней торговли и регулирования конкуренции, очень важных для ПИИ).

Что касается выбора инвесторов, то азиатские транснациональные компании в основном представляют собой «новичков» интернационализации, на примере которых заметно легче отследить «модельные» закономерности, поскольку они, по крайней мере в Европе, еще не обладают запутанными сетями дочерних структур. К тому же для азиатских ПИИ в Балтийском регионе почти не характерен «эффект соседства», что также упрощает наш анализ.

Концепции пространственной диффузии прямых инвестиций и методы их современного подтверждения

По-видимому, первой динамической концепцией размещения стала довольно простая «модель мороженщика» Гарольда Хотеллинга — модель размещения предприятий-торговцев (двух), расположенных на линии (пляже), представляющей равномерно распределенный потребительский рынок [5]. Хотя ее можно сейчас использовать для объяснения, например, территориальной концентрации ПИИ в российском автомобилестроении в городской агломерации Санкт-Петербурга либо в Калужской области, тем не менее говорить о системном применении динамических концепций для объяснения ПИИ до реализации в конце 1960-х годов Гарвардского проекта многонационального предприятия под руководством Раймонда Вернона не приходится (подробнее о проекте см. [6]).

Сама концепция жизненного цикла товара, предложенная Р. Верноном, мало помогает объяснить внутристрановые контрасты в распределении ПИИ, однако посвященные американским транснациональным корпорациям прикладные работы Джеймса Ваупела [7] и Уильяма Дэвидсона [8] позволили впервые сконцентрировать внимание исследователей на «эффекте соседства» в географии иностранных капиталовложений. Уже в конце 1990-х годов нами было показано на германском материале, что «эффект соседства» имеет для многих прямых инвесторов первостепенное значение при определении внутристранового рисунка диффузии капиталовложений [9, с. 78].

Вторым направлением теоретического объяснения пространственной диффузии ПИИ также с конца 1960-х годов стала Уппсальская школа интернационализации фирмы под руководством Яна Юхансона. В наиболее известных работах конца 1970-х годов представители этой школы заимствовали из проекта Р. Вернона интерес к «эффекту соседства», однако заменив его более общей концепцией «психологического расстояния». При этом основное внимание было все-таки уделено поэтапности интернационализации компании, обусловленной потребностью в длительном обучении ведению каждой новой более сложной формы международного бизнеса, освоению стран и регионов, о которых на начальных этапах зарубежной экспансии у компании нет достаточной информации (см. напр., [10]).

Жизнестойкость этой скандинавской концепции недавно подробно рассмотрел один из представителей научной школы Ларс Хокансон, получивший известность в 1980-е годы благодаря модели стадийного развития транснациональной корпорации [11]. В частности, хорошо известна критика поэтапности интернационализации вследствие «обучения фирм» со стороны ученых, изучающих компании, «рожденные глобальными», и «новые международные предприятия» (пионерные работы — [12; 13], современную интерпретацию — см., напр., в [14; 15]). Однако критика легко опровергается корректным уточнением одной из основных идей Уппсальской школы — ведь «учатся» не фирмы, а работающие в них люди (в реалиях 1970-х годов этим можно было пренебречь). В результате стремительная интернационализация бизнеса отдельных компаний (как раз и относимых к «рожденным глобальными») объясняется опытом ведения зарубежного бизнеса у их топ-менеджмента, который был получен ранее, за пределами соответствующей фирмы [16]. Тем не менее Л. Хокансон с науковедческих позиций подвергает сомнениям такие коррективы, предлагая новую собственную концепцию «интернационализации по модели игры в казино». Ее суть в том, что многие решения транснациональные компании принимают наугад, фактически с небольшими ПИИ «ведя разведку боем» на самых разных рынках. Ими движут соображения, описанные Я. Юхансоном и его коллегами, но без чрезмерной детерминированности решений (а для дина-

мично интернационализирующихся фирм поиск узких ниш по всему миру заменяет всякую стадиальность зарубежной экспансии). Таким образом, этот ученый попытался примирить на фундаментальном уровне как реальные эмпирические факты, так и базовые постулаты Уппальской школы и сторонников изучения компаний, «рожденных глобальными» [17].

Третьим важным направлением развития концепций пространственной диффузии ПИИ стала адаптация германским исследователем Рольфом Шлунце применительно к прямым капиталовложениям модели иерархически-волновой диффузии инноваций (предложенной шведским географом Торстеном Хэгерстрандом) [18]. Он применил эту модель только для концептуального описания экспансии японских инвесторов в ФРГ, а нами в начале 2000-х годов ее применение и необходимые корректировки (учитывающие среди прочего выводы двух других описанных выше направлений) были представлены как более-менее универсальная схема [19].

В современном виде иерархически-волновую диффузию ПИИ схематично можно представить четырьмя основными тезисами. Во-первых, в качестве первых мест размещения иностранных предприятий очень часто (особенно при ПИИ «с нуля») выбирается городская агломерация, являющаяся крупнейшим экономическим центром, поскольку о ней лучше всего информированы зарубежные предприниматели, у нее хорошие международные транспортные связи и т. п. Во-вторых, часто наблюдаются искажения из-за «эффекта соседства», ранее сложившихся кооперационных связей иностранного инвестора с местными производителями (тогда локализация возможна сразу в сравнительно периферийном городе) либо отраслевой специфики (например, добыча сырья приурочена к местам залегания природных ресурсов и наличию лицензий на их разработку, а пансионаты могут концентрироваться в курортных районах). В-третьих, дальнейшая диффузия ПИИ демонстрирует по меньшей мере иерархический элемент, т. е. постепенное размещение предприятий в менее значимых городах. При этом в случае по крайней мере России иерархия городских агломераций (особенно для европейских транснациональных компаний) определяется не только их людностью или размером регионального продукта, но и удаленностью на Восток. В-четвертых, из-за обусловленного отраслевой спецификой эффекта масштаба (когда рынок страны может обслужить менее десятка дочерних структур одной фирмы) для волнового эффекта может просто не требоваться много предприятий. Вместе с тем для производителей технологически несложной промышленной продукции, ориентированной на массового потребителя, или оказывающих стандартный набор услуг компаний (торговые сети, группы ресторанов быстрого питания, розничные банки и т. п.), волновой элемент диффузии типичен. Он означает постепенное развитие разветвленной сети дочерних предприятий в крупнейших городских агломерациях с постепенным освоением периферии.

Таким образом, обобщая выводы трех названных направлений, мы можем сформулировать ряд гипотез для проверки эмпирическим материалом:

1) развитие внешнеэкономической деятельности и в особенности осуществление ПИИ являются более сложными видами бизнеса по сравнению с работой компании на родине, что при ограниченной информированности менеджмента фирмы обуславливает поэтапность в зарубежной экспансии;

2) разный объем информации о различных странах и их регионах, отдельных городах формирует важную роль психологического расстояния, которая на больших массивах прямых инвесторов демонстрирует «эффект соседства», проявления языковой и культурно-исторической близости, а также других неэкономических факторов, хотя для конкретных инвесторов эта роль может не быть видна как из-за индивидуальной специфики (например, нетипичных для данной страны этнических корней хозяина фирмы), так и вследствие предпочтения стратегии параллельного освоения нескольких незнакомых рынков методом проб и ошибок (что особо характерно для «новых» динамичных направлений в сфере услуг);

3) на географию ПИИ влияет не только общий инвестиционный климат и его искажения неэкономическими факторами, но и статус становящихся местами локализации иностранных предприятий городов (или их окрестностей) в экономической жизни соответствующей страны, что обуславливает большое значение (но, как и в случае предыдущего пункта, не обязательное для всех инвесторов явление) иерархически-волновой диффузии ПИИ в пространстве.

По причине масштабности проверки каждой из трех гипотез мы в данной статье сосредоточимся только на определении адекватности последней из них. Именно поэтому выбраны азиатские ПИИ, поскольку для них «эффект соседства» и другие сопряженные с ним искажения в оценках инвестиционного климата в североевропейских странах ЕС минимальны.

География экспансии азиатских инвесторов в Балтийском регионе

Пространственную диффузию ПИИ можно изучать на примере любых компаний в самых разных регионах мира. Однако следует помнить, что фирмы обычно концентрируются на своих недавних достижениях, тогда как найти адекватную информацию о ПИИ даже полувековой давности довольно сложно. Неудачи транснациональных корпораций часто освещаются в СМИ, но потом упоминания о них быстро исчезают из новостей на сайтах самих компаний-инвесторов. Очень разветвленные сети дочерних структур зарубежных гигантов создают соблазн изучить их территориальный рисунок, но на практике выявить в этом массиве закономерности уже затруднительно из-за самых разных искажений, о предьстории которых также довольно тяжело найти объективную информацию. Именно поэтому, на наш взгляд, акцент должен ставиться на анализе «новичков» интернационализации.

Если не считать японские транснациональные компании, то сколько-нибудь значимая зарубежная экспансия азиатских прямых инвестиций в принципе наблюдается лишь последние 40—50 лет [20]. Наш выбор Балтийского региона в качестве «полигона» для изучения начальных стадий диффузии обусловлен и тем, что страны Балтии открылись для ПИИ лишь 30 лет назад, да и Швеция и Финляндия не были по целому ряду причин привлекательны для внеевропейских инвесторов до начала 1990-х годов (зато покупка китайской *Geely Holding Group* одного из флагманов шведской индустрии *Volvo Cars* в 2010 году стала одним из знаковых событий глобализации).

Разумеется, у выбора Балтийского региона есть и недостаток — многие азиатские инвесторы в принципе обходят его стороной. Ведь рассматривая четыре традиционные группы мотивов — ПИИ в поддержку сбытовой экспансии, ПИИ ради снижения трудовых издержек, ПИИ для добычи ресурсов и ПИИ с целью установить контроль над высокотехнологичными компаниями, — мы видим объективно крайне низкую заинтересованность китайских или южнокорейских (не говоря уже об индийских или тайландских) инвесторов в Северной Европе с точки зрения реализации второй и третьей групп мотивов. Рынки сбыта в Северной Европе также не самые емкие, а высокотехнологичные компании характерны для ограниченного круга отраслей (например, разных частей машиностроительного комплекса). В результате немало ведущих азиатских транснациональных корпораций организуют заводы в Европе, но скорее в соседних с регионом России, Польше (и других странах Вишеградской группы), Германии и Великобритании. Головные (общие для всей интеграционной группировки) сбытовые штаб-квартиры в ЕС также редко размещаются в пределах рассматриваемых нами в статье шести странах-членах. Но расширение географических рамок для анализа, разумеется, не помогло бы нам доказать либо опровергнуть иерархически-волновую диффузию ПИИ в пределах Балтийского региона для такого рода компаний-инвесторов.

В настоящее время на сайте МВФ доступны наиболее актуальные данные о накопленных ПИИ из разных стран на конец 2019 года (табл. 1). В целом в рассматриваемых нами шести странах объем ПИИ из Азии (без СНГ) составил 28 млрд долл., что равнялось лишь 4,4% общей суммы прямых капиталовложений в регионе. Чуть выше была доля в Финляндии и Швеции, поскольку именно там концентрируются наиболее интересные для азиатских инвесторов высокотехнологические компании (не говоря об университетах и научных парках, где можно не только путем поглощений, но и благодаря инвестициям «с нуля» приблизиться к достижениям одних из самых передовых национальных инновационных систем в мире).

Таблица 1

Накопленные ПИИ в североевропейских странах ЕС в конце 2019 года, млн долл.

Страна – источник ПИИ	Дания	Швеция	Финляндия	Эстония	Латвия	Литва	Всего
КНР	144	9449	4153	36	30	9	13 821
Япония	1813	4354	796	152	0	-5	7110
Гонконг	1390	...	443	45	15	922	2815
Израиль	21	...	921	26	65	59	1092
Сингапур	515	...	6	143	69	24	757
Республика Корея	52	670*	0	0	30	0	752
Индия	6	609*	6	5	7	13	646
ОАЭ	...	-37	-9	184	17	134	289
Таиланд	134	0	-4	1	0	67	198
Малайзия	157	-2	-1	1	0	6	161
Турция	-36	127	16	19	16	-1	141
Вьетнам	0	60	-1	0	30	0	89
Саудовская Аравия	42	...	-13	1	0	3	33
Тайвань	...	35	-6	1	0	0	30
Топ-14	4238	15265	6307	614	279	1231	27934
Весь мир	134 982	340 853	85 821	27 940	17 890	20 855	628 341
Доля топ-14, %	3,1	4,5	7,3	2,2	1,6	5,9	4,4

Примечания: 1) отрицательные накопленные суммы возникают из-за прекращения крупных инвестиционных проектов при переоценке ранее осуществленных ПИИ; 2)* — для всех показателей, кроме южнокорейских и индийских, в Швеции использованы сведения об импортированных ПИИ; 3) ПИИ из постсоветских государств не рассматривались для исключения «эффекта соседства» в случае стран Балтии.

Источник: Coordinated Direct Investment Survey (<https://data.imf.org>).

Почти половина всех азиатских ПИИ поступила из КНР, объем которых заметно вырос именно за последние годы. Японский бизнес, который пришел в Северную Европу уже в 1980—1990-е годы, в результате оказался на втором месте. При этом основная конкуренция среди азиатских инвесторов в регионе проходит именно между японским и китайским бизнесом.

До сих пор у инвесторов из многих азиатских стран популярны только отдельные государства региона. Например, Швеция относительно более популярна у индийских, южнокорейских, а также турецких и вьетнамских компаний, Дания — у транснациональных корпораций из Сингапура, Таиланда и Малайзии, а страны Балтии — у фирм из ОАЭ. Примечательно, что Тайвань по объемам ПИИ в североевропейских государствах ЕС занимает только 14-е место, тогда как в целом по масштабам экспортированных капиталовложений этот остров среди азиатских стран находится на 7—8-м местах.

Сразу подчеркнем, что литература по зарубежной экспансии азиатских прямых инвесторов, как правило, весьма далека от анализа географического рисунка их ПИИ. Идет ли речь об обзорных работах, посвященных транснациональным корпорациям разных стран (напр., [21; 22]), или книгах и статьях об инвесторах отдельных ключевых государств [23; 24], анализ сосредоточен в основном на причинах экспорта капитала из Китая, Индии, стран Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока, отличиях соответствующих транснациональных корпораций от «классических» образцов из США и ЕС, а также специфике регулирования азиатских ПИИ (включая протекционизм со стороны стран Запада). Оставим без лишних комментариев и эконометрические упражнения под громкими названиями, которые вряд ли что-то проясняют (чтобы не быть голословными, дадим читателям свежую ссылку для примера, ценную главным образом своим библиографическим обзором [25]). Немногочисленные исключения обычно связаны с Китаем (напр., [26]). При этом инвестиции в Балтийском регионе рассматриваются учеными редко, хотя первая крупная работа о китайских ПИИ вышла уже 14 лет назад [27]. Статьи о китайских капиталовложениях в Северной Европе и странах Балтии также публикуются с завидной регулярностью (среди недавних см. [28]), тогда как ПИИ из других азиатских стран в регионе редко уделяется хотя бы абзац в какой-либо статье.

Анализ конкретных азиатских транснациональных корпораций для подтверждения нашей рабочей гипотезы проведен на основе сайтов компаний и сообщений в СМИ и на сайтах дипмиссий. При этом список из более чем 50 фирм (без учета примерно такого же количества рассмотренных ведущих азиатских инвесторов без активов в североευропейских членах ЕС) отбирался на основе их упоминания в ежегодных докладах ЮНКТАД о мировых инвестициях (самый свежий на момент написания статьи — [29]) и их электронных приложениях. Для Республики Кореи, Тайваня, Турции и Израиля использованы также материалы международного исследования по изучению транснациональных компаний с «растущих рынков», включая сводную монографию [30].

Ведущий японский инвестор за рубежом — автомобилестроительная компания *Toyota Motors* — заводов в рассматриваемом регионе не имеет, владея семью заводами и тремя центрами НИОКР в Европе, включая предприятия в соседних Польше и России. Нет в регионе дочерних структур и у второй по величине зарубежных активов японской транснациональной корпорации *Honda Motor*. Также не осуществили в регионе ПИИ лидеры ряда других азиатских стран — в частности китайская нефтегазовая *CNPC* (при том, что имеет значимые активы в Великобритании, Франции и России) и тайваньская электротехническая *Hon Hai Precision Industries* (зато представлена в трех странах Вишеградской группы).

Из мирового топ-25 нефинансовых транснациональных корпораций по версии ЮНКТАД из азиатских компаний только японская фармацевтическая компания *Takeda* владеет дочерними структурами в регионе, хотя они менее значимы, нежели предприятия в Западной Европе или завод в России. В 2011 году в Дании была куплена известная скандинавская фармацевтическая фирма *Nycomed* с головным офисом в Роскилле и заводом в Хобро. В 2014 году *Takeda Pharma A/S* переехала из Роскилла в Тоструп, т. е. ближе к Копенгагену, причем было объявлено, что подразделения НИОКР переведут в Германию и Великобританию, оставив за датским офисом только функции по обслуживанию рынков Северной Европы. В 2018 году основные управленческие функции были перенесены в Швейцарию. Сбытовые офисы размещены в столицах всех остальных стран региона, что демонстрирует предпочтение крупнейшего в иерархии городов центра. Помимо Дании у *Takeda* в регионе был завод в эстонском Пылва (продан в 2016 году). Однако предприятие на юго-востоке Эстонии, как и завод в провинциальном Хобро, создавались не японским инвестором и после их приобретения, напротив, азиатская компания решила упростить географический рисунок своего бизнеса.

Даже усложнение географии после приобретения готовой фирмы у азиатского инвестора может быть сопряжено с осуществлением ПИИ в крупных центрах. Например, один из ведущих в мире производителей погрузочного и складского оборудования *Toyota Industries* в 2000 году купил существующего с 1940-х годов крупного отраслевого игрока — шведскую компанию *BT Industries* (ныне *Toyota Material Handling Europe*). Ее штаб-квартира, основной завод, центр НИОКР и еще два предприятия находились в небольшом провинциальном городе Мьельбю в более чем 200 км как от Стокгольма (где в западном пригороде Бромма все-таки был сбытовой офис), так и от второго по величине Швеции города Гётеборга. Более чем полувековая работа в Скандинавии не мешала *BT Industries* захватывать рынки соседних стран, организуя там сбытовые офисы также в провинции (Слангеруп в Дании) либо в столичных пригородах (Вантаа в Финляндии). Переход под японский контроль не привел к закрытию названных подразделений, но освоение рынка стран Балтии, подкрепленное с 2001 года прямыми инвестициями, ведется уже зарегистрированной в Риге новой дочерней фирмой (причем столица Латвии — крупнейший город из трех прибалтийских столиц). Чуть позже основной центр НИОКР был перенесен из Мьельбю в Гётеборг, где новая компания основана японским инвестором в научном парке Линдхольмен.

Результаты эмпирического исследования: можно ли найти подтверждение четырем тезисам об иерархически-волновой диффузии?

Названные выше примеры не опровергают сформулированные выше четыре тезиса об иерархически-волновой диффузии ПИИ. Действительно, в целом для массива азиатских транснациональных компаний наиболее важными центрами локализации оказываются Стокгольм и Хельсинки, чуть реже Копенгаген и второй по значению город Швеции Гётеборг. Им сильно уступают столицы стран Балтии, но они резко выделяются на фоне остальных городов этих трех государств (кроме портовой Клайпеды в Литве). Отдельные компании демонстрируют исключения, которые к тому же могут со временем даже «подтверждать правило». Например, крупный китайский производитель банкоматов и другого оборудования для финансовых учреждений *GRG Banking* решил в 2012 году координировать всю свою деятельность в Европе из офиса в литовском Вильнюсе [28]. Однако уже через несколько лет стратегия была изменена на более традиционную — огромный европейский рынок завоевывается с помощью офисов в городах-миллионниках наиболее населенных стран, а именно из Гамбурга, Москвы и Стамбула.

Поскольку большинство рассмотренных нами компаний «второго эшелона» воспринимают северо-европейские страны ЕС как периферийный регион своей экспансии, то такие инвесторы ограничиваются только сбытовыми офисами либо эти офисы доминируют как получатели ПИИ. Их локализация обычно четко вписывается в анализируемую нами модель иерархически-волновой диффузии. При этом инвестором, использующим ПИИ для поддержки сбыта своей продукции, может выбираться не сама столица, а ее значимый пригород — как в случае Баллерупа в Дании, Сольна в Швеции и Эспоо в Финляндии (например, первый и третий — у южнокорейской фирмы *Samsung Electronics*, первый и второй — у японской фирмы *Hitachi*).

Лидерство агломерации Стокгольма, с которым лишь иногда может поспорить Хельсинки, характерно и для ПИИ в сфере услуг. Например, *Bank of China*, став пионером китайской финансовой экспансии в Скандинавии, еще в 2012 году открыл единственный дочерний банк для обслуживания Северной Европы (включая Норвегию и Исландию) — в Стокгольме. Из 12 индийских ИТ-фирм в Швеции 5

зарегистрированы в центре Стокгольмской агломерации, 4 — в удаленных районах столицы или ближайших пригородах (Чиста, Фарста, Сольна), а 3 — в городах в пределах часа езды от столицы (Сигтуна, Уппсала и Нюнесхамн). Правда, в соседней Финляндии — уже более 20 индийских ИТ-фирм, большинство из которых локализованы в Хельсинки либо его пригороде Эспоо. Разумеется, выбор между столичными агломерациями Швеции и Финляндии часто обусловлен отраслевой спецификой. Так, индийская *Triviron Healthcare* в 2012 году приобрела значимого производителя оборудования для медицинских анализов *Ani Labsystems*, завод которого расположен в Вантаа (пригород Хельсинки).

Относительное лидерство Стокгольма в соответствии с закономерностями иерархически-волновой диффузии при совместном рассмотрении инвестором всех североευропейских стран ЕС приводит к тому, что другие крупные шведские города могут оказываться предпочтительными местами размещения дополнительных ПИИ по сравнению, например, с Хельсинки и Копенгагеном. Так, у японской *Mitsubishi Electric* уже три сбытовых компании находятся в рассматриваемом нами регионе — помимо расположенной на востоке Швеции столицы также в Гётеборге на западе страны и в Лунде на юге (скорее всего, эти офисы работают и на рынки соседних государств).

Второй тезис в основном иллюстрируют искажения диффузии, обусловленные ПИИ в покупку давно существующих местных компаний (либо транснациональных корпораций из Германии и других стран ЕС). Есть искажения из-за отраслевой специфики. Например, индийская гостиничная компания *Mahindra Holidays & Resorts* все свои ПИИ в регионе осуществляет далеко от Стокгольма или Хельсинки. В 2014—2017 годах этот инвестор установил контроль над финской *Holiday Club Resorts* с отелями в Турку, Вуокатти (Кайнуу), около Куусамо (Северная Остроботния) и Саариселькя (Лапландия), а также на шведском горнолыжном курорте Эре в удаленном лене Емтланд и в Экеруме на острове Эланд.

Вместе с тем есть искажения, вызванные несовпадением выделенного нами региона с географическим членением мира у самой компании-инвестора. Так, рассмотрение в целом «большой» Северной Европы либо Балтийского региона может означать выстраивание трансграничной по охвату иерархически-волновой модели с учетом производственных нужд. Например, крупнейшая китайская транспортная компания *China COSCO Shipping* имеет головной офис в Европе за пределами рассматриваемого региона — в Гамбурге, тогда как офисы в странах Балтийского региона размещены по ходу маршрута на восток — в Осло (Норвегия), Гётеборге (Швеция), Биркерёде (северный пригород Копенгагена), Гдыне (Польша) и Хельсинки (Финляндия), т. е. Стокгольм и порты стран Балтии исключены. Знаменитый гонконгский конгломерат *Hutchison* лишь в 2020 году обзавелся первым портом в регионе — в Стокгольме (владеа к тому времени полутора десятком терминалом в Европе).

Что касается покупки существующих заводов как таковых, то также уже в 1990-е годы было известно, что иностранный инвестор в небольших странах особо не выбирает место локализации, ориентируясь на другие экономические показатели приобретаемых активов. Иначе говоря, для описания пространственной диффузии ПИИ интересна только дальнейшая экспансия такой транснациональной корпорации. Упомянутая выше *Geely Holding Group*, приобретя *Volvo Cars*, получила несколько заводов, центров НИОКР и других предприятий в нескольких странах Европы, но в рассматриваемом нами регионе все они находятся в Гётеборге, где шведская автомобильная фирма возникла еще в 1915 году. Дальнейшая диффузия ПИИ идет пока только по волновому характеру — в 2013 году китайский инвестор организовал в Гётеборге (но уже в научном парке Линдхольмен) еще один центр по проведению НИОКР — *Uni3 by Geely* — для нужд собственно материнской китайской компании.

Третий тезис — об иерархии городов — на основе проведенного нами анализа следует уточнить, поскольку при доминировании у азиатского инвестора не ПИИ в поддержку сбытовой экспансии, а ПИИ с целью повышения технологического уровня компании выстраивается, скорее, иерархия университетских центров. Показателен пример китайской ИТ-компании *Huawei Technologies*. У нее есть сбытовые дочерние фирмы в центре Стокгольма, в Хельсинки, Копенгагене и Вильнюсе. Вместе с тем центры НИОКР размещены в рассматриваемом нами регионе в окраинном районе шведской столицы Чиста — местной Кремниевой долине (там есть и другие азиатские центры НИОКР, например у южнокорейской *Samsung Electronics*), в Гётеборге и Лунде (там находится второй старейший университет Швеции после Уппсальского), а также Тампере.

Насколько Тампере, второй по численности город Финляндии, оказался привлекателен для ПИИ благодаря экономическому потенциалу, а насколько благодаря общей привлекательности для хайтека? Ведь там не только находится хороший университет, но и отмечается высокое качество жизни, одно из лучших в Европе по ряду социологических опросов, на что сейчас обращают особое внимание высокооплачиваемые специалисты. Сама компания дала исчерпывающее объяснение — в 2016 году *Microsoft* закрыл свой центр НИОКР в городе, и китайцы перехватили готовую команду сработавшихся профессионалов. Ответ на заданный вопрос помогает дать и другой пример китайских ПИИ — мировой лидер 2021 года по продажам смартфонов *Xiaomi Corporation* свой первый европейский центр НИОКР также открыл в Тампере (в 2019 году).

Четвертый тезис о редуцировании диффузии до простых форм при небольшом количестве дочерних структур в регионе наглядно иллюстрирует большинство азиатских инвесторов в Северной Европе. Но это не значит, что иллюстраций для разветвленной волновой диффузии в принципе не может быть найдено в будущем.

Когда сложно выявить модели пространственной диффузии?

Характеристика моделей пространственной диффузии ПИИ изначально должна была помогать в привлечении новых капиталовложений в страну. Понимание, на что ориентируются компании из «новых» для данной национальной экономики стран-инвесторов и отраслей, давало возможность облегчить процесс повышения информированности потенциальных инвесторов и (или) создать им особо комфортные условия ведения бизнеса в наиболее вероятных местах локализации дочерних структур. В крупных странах осознание механизмов диффузии ПИИ также позволяло содействовать ускорению проникновения иностранных компаний в периферийные районы.

В случае небольших стран, особенно участвующих в интеграционных проектах, необходимо понимать, какой макрорегион рассматривается потенциальными инвесторами в качестве цельного. Именно в его границах будет выстраиваться иерархия городов (городских агломераций) зарубежными транснациональными корпорациями, причем представители разных стран могут проводить, например, географическое членение Европы по-разному. Нельзя также забывать, что иерархия городов меняется со временем, в частности под воздействием внутренних и внешних миграций населения.

Зрелые стадии интернационализации бизнеса всегда в меньшей степени интересовали ученых, ориентированных скорее на обслуживание интересов общества и власти, а не предпринимателей. Когда иностранные инвесторы уже пришли в страну или ее конкретный регион, то их дальнейшую активность эксперты оценивают с позиций сугубо экономического анализа. Как показал пример *Takeda*, по-

сле приобретения местных компаний (например, ради их технологий или знаний о местных рынках сбыта) иностранный инвестор может стремиться упростить географический рисунок своих дочерних сетей за счет приближения к столице и продажи ряда предприятий в провинции. Иначе говоря, несмотря на использование доминирующих в современной экономике развитых стран слияний и поглощений как вида ПИИ, плохо знакомый с деталями ведения местного бизнеса иностранный инвестор «возвращается» к более ранним, комфортным для себя стадиям пространственной диффузии. При этом деловая активность на данном направлении не сворачивается — в случае японской фармацевтической компании она просто перенесена в более комфортные для нее страны (Германию, Великобританию, Швейцарию).

Вместе с тем, необходимо учитывать еще один фактор, который в этой статье не рассматривался, — на зрелых стадиях не только становится высока собственная информированность иностранных инвесторов, но они еще начинают активно сотрудничать с другими иностранными компаниями и местным бизнесом. Это в большой мере искажает любые базовые модели распространения ПИИ в пространстве.

Благодарности: исследование выполнено по гранту РНФ № 19-18-00251 «Социально-экономическое развитие крупных городов Европы: влияние иностранных капиталовложений и трудовых миграций».

Список литературы

1. Гурова И. П. Региональное распределение прямых иностранных инвестиций в российской экономике // Регион: экономика и социология. 2019. № 3. С. 216—239. doi: 10.15372/REG20190309.
2. Кузнецова О. В. Роль иностранного капитала в экономике российских регионов: возможности оценки и межрегиональных различий // Проблемы прогнозирования. 2016. № 3. С. 59—70.
3. Растворцева С. Н., Терновский Д. С. Факторы концентрации экономической активности в регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2. С. 153—170. doi: 10.15838/esc.2016.2.44.9.
4. Кузнецов А. В. Особенности анализа географии зарубежных инвестиций транснациональных корпораций // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 3. С. 30—44. doi: 10/5922/2074-9848-2016-3-2.
5. Hotelling H. Stability in Competition // The Economic Journal. 1929. Vol. 39, № 153. P. 41—57.
6. Vernon R. The Harvard Multinational Enterprise Project in historical perspective // Transnational Corporations. 1999. Vol. 8, № 2. P. 35—49.
7. Vaupel J. W., Curhan J. P. The Making of Multinational Enterprise: A Sourcebook of Tables Based on a Study of 187 Major U. S. Manufacturing Corporations. Boston, 1969.
8. Davidson W. H. The Location of Foreign Direct Investment Activity: Country Characteristics and Experience Effects // Journal of International Business Studies. 1980. Vol. 11, № 2. P. 9—22.
9. Кузнецов А. В. Германия: современные особенности географии прямых зарубежных инвестиций // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. 1999. Вып. 14. С. 69—81 URL: <http://www.geogr.msu.ru/cafedra/segzgs/nauchd/pubs/Voprosy%20zarubejki%2014.pdf> (дата обращения: 16.07.2021).
10. Johanson J., Vahlne J.-E. The Internationalization Process of the Firm — A Model of Knowledge Development and Increasing Foreign Market Commitments // Journal of International Business Studies. 1977. Vol. 8, № 1. P. 23—32.
11. Håkanson L. Towards a Theory of Location and Corporate Growth // Spatial analysis, industry and the industrial environment / ed. by F.E.I. Hamilton, G.J.R. Linge. Chichester ; N.Y., 1979. P. 115—138.
12. Rennie M. Born Global // McKinsey Quarterly. 1993. Vol. 4, Autumn. P. 45—52.
13. Oviatt B. M., McDougall P. Ph. Toward a Theory of International New Ventures // Journal of International Business Studies. 1994. Vol. 25, № 1. P. 45—64.

14. Øyna S., Alon I. A Review of Born Globals // *International Studies of Management & Organization*. 2018. Vol. 48, № 2. P. 157—180. doi: 10.1080/00208825.2018.1443737.
15. Deng Z., “Bryan” Jean R.-J., Sinkovics R. R. Rapid expansion of international new ventures across institutional distance // *Journal of International Business Studies*. 2018. Vol. 49, iss. 8. P. 1010—1032. doi: 10.1057/s41267-017-0108-6.
16. Johanson J., Vahlne J.-E. The Uppsala internationalization process model revisited: From liability of foreignness to liability of outsidership // *Journal of International Business Studies*. 2009. Vol. 40, iss. 9. P. 1411—1431.
17. Håkanson L., Kappen P. The ‘Casino Model’ of Internationalization: An Alternative Uppsala Paradigm // *Journal of International Business Studies*. 2017. Vol. 48, iss. 9. P. 1103—1113. doi: 10.1057/s41267-017-0113-9.
18. Schlunze R. D. Spatial Diffusion of Japanese Firms in West Germany and West Berlin from 1955 to 1989 // *Geographical Review of Japan. Series B*. 1992. Vol. 65, № 1. P. 32—56.
19. Кузнецов А. В. Территориальное развитие фирм как причина межрегиональных различий в интенсивности внешнеэкономических связей // *Научные труды Института экономики переходного периода*. 2002. № 38P. С. 8—44 URL: https://www.iep.ru/files/text/working_papers/38.pdf (дата обращения: 16.07.2021).
20. *Multinationals from Developing Countries* / ed. by K. Kumar, M.G. McLeod. Lexington (MA) ; Toronto, 1981.
21. *The rise of transnational corporations from emerging markets: threat or opportunity?* / ed. by K. P. Sauvant. Cheltenham ; Northampton (MA), 2008.
22. García-Lillo F., Claver E., Marco-Lajara B. et al. MNEs from emerging markets: a review of the current literature through “bibliographic coupling” and social network analysis // *International Journal of Emerging Markets*. 2021. Vol. 16, № 8. P. 1912—1942. doi: 10.1108/IJOEM-03-2019-0170.
23. Buckley P. J. et al. *Foreign Direct Investment, China and the World Economy*. Cheltenham ; Eastbourne, 2010.
24. Kim J.-Y. The Evolution of South Korean outward FDI: Internationalisation Strategies, FDI motives, and Location Choice. PhD Thesis. Warwick, 2017. URL: http://wrap.warwick.ac.uk/98021/1/WRAP_Theses_Kim_2017.pdf (дата обращения: 16.07.2021).
25. Saikia M. Location Determinants of Indian Multinationals: A Multilevel Analysis // *Global Business Review*. 2020. Vol. 21, iss. 5. P. 1200—1217. doi: 10.1177/0972150919857014.
26. Stallkamp M., Pinkham B. C., Schotter A. P.J., Buchel O. Core or periphery? The effects of country-of-origin agglomerations on the within-country expansion of MNEs // *Journal of International Business Studies*. 2018. Vol. 49, iss. 8. P. 942—996. doi: 10.1057/s41267-016-0060-x.
27. Kaartemo V. The Motives of Chinese Foreign Investments in the Baltic Sea Region // *Electronic Publications of Pan-European Institute*. 2007. № 7. URL: https://www.utu.fi/sites/default/files/media/Kaartemo_72007.pdf (дата обращения: 16.07.2021).
28. Kalendiené J., Pukeliené V., Dapkus M. Chapter 4: Nordic-Baltic Countries and China: Trends in Trade and Investment // *The New Silk Road: China Meets Europe in the Baltic Sea Region* / ed. by J.-P. Larçon. Singapore, 2017. P. 77—103. doi: 10.1142/9789813221819_0004.
29. *World Investment Report 2021: Investing in Sustainable Recovery*. Geneva, 2021.
30. *MNEs from Emerging Markets: New Players in the World FDI Market* / ed. by K. P. Sauvant, V. P. Govitrikar, K. Davies. N.Y., 2011. URL: https://ccsi.columbia.edu/sites/default/files/content/docs/publications/EMGP_-_eBook_PDF_2_11.pdf (дата обращения: 16.07.2021).

Об авторе

Алексей Владимирович Кузнецов, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор кафедры интеграционных процессов, МГИМО МИД России, Россия; директор, ИНИОН РАН, Россия.

E-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5172-9924>

SPATIAL DIFFUSION OF ASIAN DIRECT INVESTMENTS IN THE NORTHERN EUROPEAN EU COUNTRIES

A. V. Kuznetsov

MGIMO-University
76, Vernadskogo avenue, Moscow, Russia, 119454
Institute of Scientific Information for Social Sciences
Russian Academy of Sciences
51/21 Nakhimovskiy avenue, Moscow, Russia, 117418

Received 14.10.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-2
© Kuznetsov A. V., 2021

The first publications on the spatial diffusion of foreign direct investment (FDI) appeared in the 1970s-1990s. Since then, many of their provisions have been repeatedly criticized as outdated and inconsistent with the empirical evidence of the current stage of globalisation. Previously, only examples of 'newcomers' to internationalisation were used to illustrate distinct phases in the expansion of transnational companies and their effort to first establish themselves in major economic centres, as the factor of gradually growing awareness of potential investors began to play an important role. This article aims to show the persistent character of FDI spatial diffusion patterns and their correlation with the existing hierarchy of cities. In our research, we used the example of Asian companies working in the Baltic countries, Finland, Sweden and Denmark, newcomers to internationalisation, not affected by the 'neighbourhood effect', and contrasted them with Western European investors. We confirmed the validity of the hierarchical wave model of the FDI spatial diffusion with the dominance of metropolitan urban agglomerations. It was also found that mergers and acquisitions are dominant forms of FDI in developed countries. Their ascendancy leads both to a distortion of the geographical pattern of subsidiaries networks of investor companies and to the intention of investors to sell their assets in provinces and move their head offices closer to capital cities. Consequently, there is a simplification of the structure of businesses, which is typical of the earlier stages of the FDI spatial diffusion.

Keywords:

foreign direct investment, Asian multinational enterprises, Baltic region cities, FDI spatial diffusion

References

1. Gurova, I.P. 2019, Regional Distribution of Foreign Direct Investment in Russian Economy, *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economy and Sociology], no. 3, p. 216–239. doi: <https://doi.org/10.15372/reg20190309> (in Russ.).
2. Kuznetsova, O.V. 2016, The Role of Foreign Capital in the Economies of Regions of Russia: Possibilities of Assessments and Interregional Differences, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 27, no. 3, p. 276–285. doi: <https://doi.org/10.1134/S1075700716030096>.
3. Rastvortseva, S.N., Ternovskiy, D.S. 2016, Concentration factors in economic activities in Russian regions, *Ekonomicheskiye i sotsial'niye peremeni: fakti, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Tendencies and Outlook], no. 2, p. 153–170. doi: <https://doi.org/10.15838/esc.2016.2.44.9> (in Russ.).
4. Kuznetsov, A.V. 2016, Framework for the analysis of geography of transnational corporations investments abroad, *Balt. Reg.*, vol. 8, no. 3, p. 22–32. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-3-2>.
5. Hotelling, H. 1929, Stability in Competition, *The Economic Journal*, vol. 39, no. 153, p. 41–57.

To cite this article: Kuznetsov A. V., 2021, Spatial diffusion of Asian direct investments in the northern European EU countries, *Balt. Reg.*, Vol. 13, no 4, p. 21–35. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-2.

6. Vernon, R. 1999, The Harvard Multinational Enterprise Project in historical perspective, *Transnational Corporations*, vol. 8, no. 2, p. 35–49.
7. Vaupel, J.W., Curhan, J.P. 1969, *The Making of Multinational Enterprise: A Sourcebook of Tables Based on a Study of 187 Major U.S. Manufacturing Corporations*, Boston, Harvard Business School Press, xxiv, 511 p.
8. Davidson, W.H. 1980, The Location of Foreign Direct Investment Activity: Country Characteristics and Experience Effects, *Journal of International Business Studies*, vol. 11, no. 2, p. 9–22.
9. Kuznetsov, A.V. 1999, Germany: current specifics of foreign direct investment geography, *Voprosi ekonomicheskoy i politicheskoy geografii zarubezhnih stran* [Questions of Economic and Political Geography of Foreign Countries], no. 14, p. 69–81, available at: <http://www.geogr.msu.ru/cafedra/segzs/nauchd/pubs/Voprosy%20zarubejki%2014.pdf> (in Russ.) (accessed 16.07.2021).
10. Johanson, J., Vahlne, J.-E. 1977, The Internationalization Process of the Firm – A Model of Knowledge Development and Increasing Foreign Market Commitments, *Journal of International Business Studies*, vol. 8, no. 1, p. 23–32.
11. Håkanson, L. 1979, Towards a Theory of Location and Corporate Growth. In: Hamilton, F.E.I., Linge, G.J.R. (eds.) *Spatial analysis, industry and the industrial environment*, Chichester & New York, Wiley, p. 115–138.
12. Rennie, M. 1993, Born Global, *McKinsey Quarterly*, no. 4, Autumn, p. 45–52.
13. Oviatt, B.M., McDougall, P.Ph. 1994, Toward a Theory of International New Ventures, *Journal of International Business Studies*, vol. 25, no. 1, p. 45–64.
14. Øyna, S., Alon, I. 2018, A Review of Born Globals, *International Studies of Management & Organization*, vol. 48, no. 2, p. 157–180. doi: <https://doi.org/10.1080/00208825.2018.1443737>.
15. Deng, Z., “Bryan” Jean, R.-J., Sinkovics, R.R. 2018, Rapid expansion of international new ventures across institutional distance, *Journal of International Business Studies*, vol. 49, no. 8, p. 1010–1032. doi: <https://doi.org/10.1057/s41267-017-0108-6>.
16. Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2009, The Uppsala internationalization process model revisited: From liability of foreignness to liability of outsidership, *Journal of International Business Studies*, vol. 40, no. 9, p. 1411–1431.
17. Håkanson, L., Kappen, P. 2017, The ‘Casino Model’ of Internationalization: An Alternative Uppsala Paradigm, *Journal of International Business Studies*, vol. 48, no. 9, p. 1103–1113. doi: <https://doi.org/10.1057/s41267-017-0113-9>.
18. Schlunze, R.D. 1992, Spatial Diffusion of Japanese Firms in West Germany and West Berlin from 1955 to 1989, *Geographical Review of Japan. Series B*, vol. 65, no. 1, p. 32–56.
19. Kuznetsov, A.V., 2002, Territorial development of firms as a cause of interregional contrasts in intensity of foreign economic relations, *Nauchniye trudi Instituta ekonomiki perekhodnogo perioda* [Proceedings of IEP], no. 38R, p. 8–44, available at: https://www.iep.ru/files/text/working_papers/38.pdf (in Russ.) (accessed 16.07.2021).
20. Kumar, K., McLeod, M.G. (ed.). 1981, *Multinationals from Developing Countries*, Lexington (MA) & Toronto: LexingtonBooks, xxvi, 213 p.
21. Sauvant, K.P. (ed.) 2008, *The Rise of Transnational Corporations from Emerging Markets: Threat or Opportunity?* Cheltenham & Northampton (MA), Edward Elgar, Xxii, 391 p.
22. García-Lillo, F., Claver, E., Marco-Lajara, B., Seva-Larrosa, P., Ruiz-Fernández, L. 2021, MNEs from emerging markets: a review of the current literature through “bibliographic coupling” and social network analysis, *International Journal of Emerging Markets*, vol. 16, no. 8, p. 1912–1942. doi: <https://doi.org/10.1108/IJOEM-03-2019-0170>.
23. Buckley, P.J. et al. 2010, *Foreign Direct Investment, China and the World Economy*, Cheltenham and Eastbourne, Palgrave Macmillan, xii, 433 p.
24. Kim, J.-Y. 2017, *The Evolution of South Korean outward FDI: Internationalisation Strategies, FDI motives, and Location Choice*, PhD Thesis, Warwick, University of Warwick, 125 p., available at: http://wrap.warwick.ac.uk/98021/1/WRAP_Theses_Kim_2017.pdf (accessed 16.07.2021).
25. Saikia, M. 2020, Location Determinants of Indian Multinationals: A Multilevel Analysis, *Global Business Review*, vol. 21, no. 5, p. 1200–1217. doi: <https://doi.org/10.1177/0972150919857014>.

26. Stallkamp, M., Pinkham, B.C., Schotter, A.P.J., Buchel, O. 2018, Core or periphery? The effects of country-of-origin agglomerations on the within-country expansion of MNEs, *Journal of International Business Studies*, vol. 49, no. 8, p. 942–996. doi: <https://doi.org/10.1057/s41267-016-0060-x>.

27. Kaartemo, V. 2007, The Motives of Chinese Foreign Investments in the Baltic Sea Region, *Electronic Publications of Pan-European Institute*, no. 7, 120 p., available at: https://www.utu.fi/sites/default/files/media/Kaartemo_72007.pdf (accessed 16.07.2021).

28. Kalendienė, J., Pukelienė, V., Dapkus, M. 2017, Chapter 4: Nordic-Baltic Countries and China: Trends in Trade and Investment. In: Larçon, J.-P. (ed.) *The New Silk Road: China Meets Europe in the Baltic Sea Region*, Singapore, World Scientific, p. 77–103. doi: https://doi.org/10.1142/9789813221819_0004.

29. *World Investment Report 2021: Investing in Sustainable Recovery*, 2021, Geneva, UNCTAD, xvi, 270 p.

30. Sauvant, K.P., Govitrikar, V.P., Davies, K. (ed.) 2011, *MNEs from Emerging Markets: New Players in the World FDI Market*, New York, VCC, xxi, 397 p., available at: https://ccsi.columbia.edu/sites/default/files/content/docs/publications/EMGP_-_eBook_PDF_2_11.pdf (accessed 16.07.2021).

The author

Prof. Alexey Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, MGIMO-University, Russia; Director, Institute of Scientific Information for Social Sciences Russian Academy of Sciences, Russia

E-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5172-9924>

ПОБЕРЕЖЬЯ, НА КОТОРЫХ МЫ ЖИВЕМ: МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ ЕДИНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИМОРСКОЙ ЗОНЫ?

А. С. Михайлов¹

А. П. Плотникова²

¹ Институт географии Российской академии наук,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 29.08.2021 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-3

© Михайлов А. С., Плотникова А. П., 2021

На протяжении всей истории человечества люди стремятся селиться вдоль морского побережья. Постепенное увеличение населения и рост промышленной активности в прибрежных районах создали предпосылки для эффекта талассоаттрактивности — социально-экономического притяжения к морю. На сегодняшний день приморские районы имеют более высокие темпы развития, способствующие миграции и притоку капитала в приморскую зону по всему миру. Ученые и политики обеспокоены асимметричным региональным развитием и возрастающим антропогенным воздействием на прибрежную экосистему, что подчеркивает важность управления прибрежной зоной. В этом исследовании мы используем пример стран Балтийского региона, чтобы определить модели приморской деятельности и ответить на вопрос: «Может ли быть единый подход к делимитации приморской зоны?» При широком определении Балтийский макрорегион почти полностью является приморским, поэтому все его населенные пункты будут подвержены влиянию эффекта талассоаттрактивности. Была изучена динамика городского населения в 128 городах 45 приморских регионов через призму различных характеристик: удаленность от моря (10, 50, 100 и 150 км), расположение в приморском регионе (NUTS 2), наличие порта и его основная морская деятельность (танкеры, грузовые, рыболовные, пассажирские, прогулочные суда и др.). Результаты исследования показывают, что для стран Балтийского региона не может применяться единый подход к делимитации приморской зоны. В целом наиболее активные морехозяйственные процессы протекают в зоне до 10 км от берега моря и 30 км от портовой инфраструктуры. Однако в случае Швеции, Польши и Латвии приморская зона может быть увеличена до 50 км, а для Германии — до 150 км от морского побережья.

Ключевые слова:

приморский регион, приморская зона, талассоаттрактивность, Балтийский регион, управление приморской зоной

Введение

Приморские регионы по всему миру демонстрируют повышенную концентрацию населения и инфраструктуры, активизацию экономической деятельности, и это нарастающая тенденция. Всеобъемлющее «стремление к морскому побережью», описанное Л. Макфадденом [1, с. 430], приводящее к депопуляции и детерриториализации центральных территорий в пользу территорий, прилегающих к морю и оке-

Для цитирования: Михайлов А. С., Плотникова А. П. Побережья, на которых мы живем: может ли быть единое определение приморской зоны? // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 4. С. 36–53. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-3.

анским берегам, известно как талассоаттрактивность. Несбалансированная динамика между приморскими и внутренними территориями считается историческим явлением, при этом районы, расположенные ближе к береговой линии, веками подвергались миграционному притоку, испытывая подъем деловой активности и всплески развития [2]. Благоприятная среда обитания приморских зон привлекает жителей, делая их полюсами развития для соответствующих государств и человечества [3–5].

Результаты предыдущих исследований показывают, что на приморские районы приходится около 40% населения мира с плотностью, превышающей средний мировой показатель в 2,5 раза [6; 7]. Что касается национального уровня, ученые выявили значительные различия в заселенности приморских районов — от 4,5 до 100% [5; 8–20], что сильно зависит от географии и методологии исследования. Большинство научных работ предоставляют ценную информацию о пространственном распределении человеческой деятельности, например указывают на преобладание «маловысотной приморской зоны» [21] или «прибрежных низменностей» [13] — 2% общей площади суши, на которых проживает до 10% мирового населения. Тем не менее сравнительный анализ и последующая разработка политики комплексного управления приморскими районами затруднены из-за несогласованности критериев делимитации приморской зоны, а также из-за неоднозначности в интерпретации приморского региона как такового.

В данной статье рассматриваются модели развития приморских городов в 10 странах Балтийского региона — макрорегионе с сильными трансграничными связями и исторически сложившейся региональной идентичностью. Были использованы различные методы и параметры для определения городских поселений, затронутых талассоаттрактивностью, чтобы ответить на вопрос: может ли быть единое определение приморской зоны? По крайней мере в одном макрорегионе. Далее в статье рассмотрено концептуальное понимание приморского региона с выделением наземной части прибрежной зоны и прилегающих внутренних территорий. Раздел 3 представляет методологическую основу исследования, а раздел 4 — результаты исследования. Статья завершается разделом 5, в котором приводятся авторская интерпретация полученных данных.

Теоретический базис исследования

Что обычно подразумевается под приморским регионом или приморской зоной в научной литературе? В общих чертах предполагается, что это «место встречи» суши и моря или океана, очаговая область на границе суши и воды, место перехода между наземными и морскими экосистемами [3; 22–29]. Обе среды единого переходного региона оказывают взаимное влияние, причем последствия наиболее ярко проявляются в приморской зоне — наводнения, оползни, антропогенное загрязнение морской среды и т. д. Неоднозначность в отношении термина «приморский» резко возрастает, когда его физиографическая интерпретация заменяется социогуманитарной, являющейся предметом общественной географии. Влияние побережья на социальные, экономические, политические, инновационные и другие системы распространяется далеко вглубь суши, значительно удаляясь от береговой линии¹. Особенности расселенческих, инфраструктурных и промышленных структур предполагают, что регионы, относимые к приморским, ретранслируют все экономические и социальные последствия прибрежной и морехозяйственной активности за пределы узкого отрезка береговой линии на внутренние районы. Это указывает на

¹ Исследователи указывают на различие между приморской и морской (океанской) экономикой, обращаясь к тому факту, что приморские регионы включают морские ресурсы в качестве прямого или косвенного вклада в экономическую деятельность, при этом морехозяйственные предприятия расположены как на прибрежных, так и на внутренних территориях [30–32].

необходимость продлить виртуальную границу приморской зоны настолько далеко вглубь суши, насколько это необходимо для регистрации эффектов талассоаттрактивности и достижения целей комплексного управления приморской зоной [28].

Европейская комиссия применяет следующие критерии при разграничении приморских регионов ЕС: территориальные единицы статистики третьего уровня (т. е. NUTS 3) с прямым доступом к морю, к береговой линии океана или преимущественно населенные в пределах береговой полосы шириной 50 км [33]. Подобная шкала разграничения используется национальными статистическими бюро многих стран (например, США, Австралия — 50 миль приморской зоны), а также принята отдельными учеными при определении приморской зоны или прибрежной полосы (напр., [19; 34—39]). Несмотря на относительную последовательность государственных органов в этом вопросе, научное сообщество не пришло к единому мнению. Дж. Пернетта и Д. Элдер [40], К. Ракоди и Д. Трелоар [15], Р. Тернер и коллеги [18] определяют масштаб приморской зоны как 60 км (или 40 миль) от береговой линии, а С. Сальников [41] — как 80 км. Порог в 100 км при выделении приморских городов и агломераций, приморских регионов, а также «приморских зон» используется большинством ученых, поскольку это психологический предел удаленности от побережья (напр., [5—8; 11—14; 21; 42—46]. К. Смолл и коллеги выдвинули сильный аргумент в пользу ограничения в 100 км [47]. Результаты исследования ученых показали, что за границей 100-километровой зоны от побережья плотность населения значительно уменьшается. Многие другие ученые также приводят аргументы в пользу разной ширины суши, относящейся к приморскому типу — от 10 до 500 км (например, [9; 48—51]), включая некоторые оценки самих К. Смолла и Дж. Коэна [17]. В статьях, исследующих эффект талассоаттрактивности на островах (например, Балеарских), применяется более низкий порог делимитации приморской зоны в сравнении с аналогичными для Китая, России, США и других крупных преимущественно континентальных стран. При этом остается под вопросом применимость единого подхода к делимитации и демаркации приморских территорий. Таким образом, вопрос, поставленный К. Колганом [30, с. 28] о том, «насколько далеко простирается побережье вглубь суши», по-прежнему актуален и требует комплексного решения.

Методологически это означает, что дизайн исследования должен основываться на системном подходе, предполагающем рассмотрение приморского региона как целостной, однородной социокультурной, экономической, демографической, геоэкологической, административно-территориальной системы. Таким образом, геофизический (т. е. естественнонаучный, геопространственный) подход, включающий оценку географической удаленности приморского региона от моря и берегов океана с использованием заранее определенного или переменного расстояния, должен дополняться оценкой целостности его социально-экономической системы, т. е. административным подходом. В некоторой степени это соответствует подходу Однородная единица экологического менеджмента (Homogeneous Environmental Management Unit — HEMU), который предложен П. Балагером и др. [52]. Делимитация наземной части приморской зоны от прилегающих территорий и других внутренних территорий должна соответствовать определенному уровню территориальной общественной системы (например, LAU, NUTS3 или NUTS2), который охватывает относительно полный набор элементов, проявляющих внутрисистемные отношения социально-экономического, политического, технологического и иного характера и существующих в единой контекстной среде. Приверженность такому подходу позволяет признать, что социально-экономические эффекты и свойства приморской зоны предопределяются не только близостью к побережью, но и общей территориальной архитектурой сообщества, его геоэкономической и геополитической структурой.

Методология исследования

Исследование основано на оценке динамики городского населения в приморской зоне стран Балтийского региона. Применяется широкая трактовка макрорегиона, охватывающая скандинавские государства (Дания, Финляндия, Норвегия и Швеция), страны Балтии (Эстония, Латвия, Литва), северные регионы Германии и Польши, а также часть Северо-Западного федерального округа Российской Федерации (Калининградская область, Псковская область, Ленинградская область, Санкт-Петербург, Республика Карелия). География исследования охватывала 128 городов с населением более 50 тысяч человек (рис. 1). Города с населением менее 50 тысяч человек в исследовании не рассматривались. Границы приморской зоны обозначены на уровне 10, 50, 100 и 150 км. Дополнительная сегрегация осуществлялась путем выделения территориально-административных единиц второго уровня — NUTS 2. Для России было проведено сравнение административно-территориального деления со странами ЕС: субъект РФ приравнивался к NUTS 2. Всего в 150-километровой приморской зоне на уровне NUTS 2 выделено 45 приморских регионов.

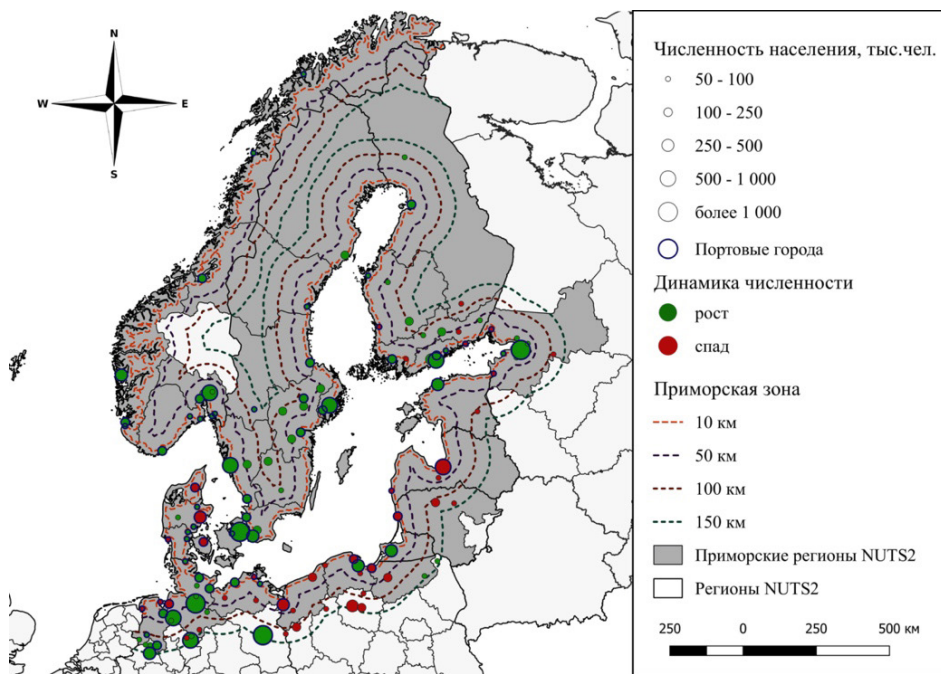

Рис. 1. Динамика городского населения в приморских зонах Балтийского моря, 2000—2020 годы

Дизайн исследования направлен на анализ доли и динамики населения при каждом из возможных подходов к делимитации приморской зоны. В таблице 1 представлено распределение выбранных городов по размеру относительно численности постоянного населения.

Период исследования охватил 2000—2020 годы. Источником данных о численности населения выступили для городов Дании, Эстонии, Финляндии, Германии, Латвии, Литвы, Норвегии, Польши и Швеции — база данных Евростата и база данных проекта *City Population*, аккумулирующая результаты переписей по стра-

нам мира; по России — Росстат и результаты Всероссийской переписи населения 2002 г. [56]. Источник данных о населении стран и регионов — Евростат, а для России — Росстат².

Таблица 1

Классификация городов стран Балтийского региона

Тип города	Численность населения, тыс. чел.	Число городов		Темпы прироста, %
		2000	2020	
Ниже порогового значения	Менее 50	14	0	0
Малый	50 – 99	61	67	9,8
Средний	100 – 249	34	40	17,6
Большой	250 – 499	12	10	-16,7
Крупный	500 – 999	6	7	16,7
Миллионник	1 000 – 5 000	3	4	33,3

Источник: рассчитано авторами на основе [53–56].

Вовлеченность прибрежных городов в морскую деятельность оценивалась с использованием данных о производительности и специализации портов. Среди городов выборки 71% имел порт. В разрезе типов портов у 71 города — морской порт, а 20 — речной порт с выходом к морю (табл. 2). Данные о специализации порта были получены с веб-сайта *Marine Traffic* [59] с использованием информации о прибытии судов, собранной по состоянию на август 2021 года (рис. 2). Определен следующий перечень категорий судоходства: танкеры, грузовые, рыболовные, пассажирские и высокоскоростные суда, прогулочные и парусные суда и другие (в том числе специальные суда, буксиры, поисково-спасательные суда).

Таблица 2

Распределение городов стран Балтийского региона по типам портов

Тип города	Приморская зона, км					
	0-10		10-50		50-100	100-150
	Морской	Речной	Морской	Речной	Речной	Речной
Малый	21	7	—	—	—	2
Средний	16	2	1	1	1	1
Большой	6	—	—	1	—	1
Крупный	4	—	1	1	—	1
Миллионник	2	—	—	—	1	1
<i>Всего</i>	49	9	2	3	2	6

Источник: разработан авторами на основе [59].

² *Population on 1 January by age groups and sex — cities and greater cities* // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/urb_cp0p1/default/table?lang=en (дата обращения: 03.08.2021) ; *Population statistics for countries, administrative divisions, cities, urban areas and agglomerations — interactive maps and charts* // City Population. URL: <https://www.citypopulation.de/Europe.html> (дата обращения: 03.08.2021) ; *База данных показателей муниципальных образований* // Росстат. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 03.08.2021) ; *Численность и размещение населения* // All-Всероссийская перепись населения 2002. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 03.08.2021) ; *Population on 1 January by NUTS 2 region* // Eurostat. <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tgs00096/default/table?lang=en> (дата обращения: 03.08.2021); *Численность постоянного населения на 1 января* // Росстат. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278928> (дата обращения: 03.08.2021).

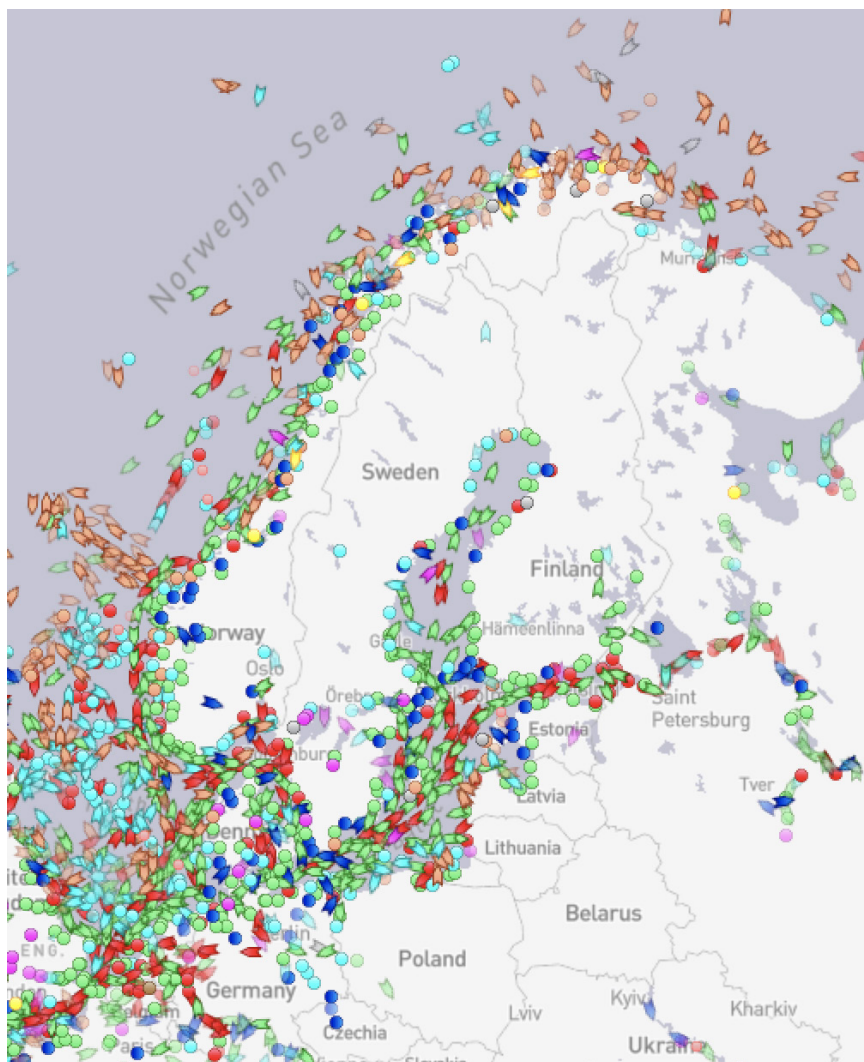

Рис. 2. Пример плотности судоходства в Балтийском регионе по состоянию на 10 сентября 2021 года

Источник: Marine Traffic. URL: <https://www.marinetraffic.com> (дата обращения: 15.09.2021).

Результаты исследования

Процесс талассоаттрактивности в Балтийском регионе тесно связан с урбанизацией. Данные таблицы 1 показывают, что за анализируемый период произошли изменения в распределении городов в макрорегионе по типам размеров. Наблюдается общая тенденция к укрупнению: количество городов-миллионников и крупных городов увеличилось, также 14 городов с численностью менее 50 тыс. человек в 2000 году перешли к 2020 году в группу малых. В таблице 3 представлены результаты анализа процесса урбанизации в приморской зоне Балтийского региона в зависимости от удаленности города от морского побережья.

Таблица 3

Динамика населения Балтийского региона по типам городов и удаленности от моря

Приморская зона, км*	Города		Население, млн								
	Всего	В том числе с портом	2000			2020			2020 к 2000, %		
			Всего	С портом	Без порта	Всего	С портом	Без порта	Всего	С портом	Без порта
<i>Малые</i>											
Менее 10	31	27	1,86	1,62	0,24	2,08	1,79	0,29	12,0	10,6	21,4
10-50	12	—	0,81	—	0,81	0,87	0,00	0,87	7,0	—	7,0
50-100	8	—	0,5	—	0,5	0,6	0,0	0,6	11,3	—	11,3
100-150	16	2	1,1	0,1	1,0	1,1	0,2	0,9	-1,1	39,1	-5,6
<i>Всего</i>	67	29	4,28	1,73	2,56	4,61	1,94	2,67	7,7	12,3	4,5
<i>Средние</i>											
Менее 10	23	19	3,05	2,56	0,49	3,64	3,04	0,60	19,3	18,9	21,4
10-50	5	2	0,61	0,32	0,29	0,81	0,29	0,52	33,4	-9,1	79,5
50-100	6	1	0,61	0,10	0,51	0,82	0,16	0,67	34,3	51,7	30,8
100-150	6	1	0,95	0,16	0,78	0,97	0,17	0,80	2,42	0,6	2,8
<i>Всего</i>	40	23	5,22	3,14	2,08	6,24	3,65	2,59	19,7	16,2	24,9
<i>Большие</i>											
10	7	6	2,27	2,06	0,21	2,60	2,31	0,29	14,3	12,1	35,9
10-50	1	1	0,42	0,42	0,0	0,40	0,40	0,0	-4,4	-4,4	0,0
100-150	2	1	0,64	0,27	0,38	0,66	0,32	0,34	2,6	18,0	-8,4
<i>Всего</i>	10	8	3,33	2,74	0,59	3,66	3,02	0,63	9,7	10,2	7,6
<i>Крупные</i>											
Менее 10	4	4	2,27	2,27	—	2,91	2,91	—	28,1	28,1	—
10-50	2	2	1,30	1,30	—	1,20	1,20	—	-8,2	-8,2	—
100-150	1	1	0,52	0,52	—	0,54	0,54	—	4,3	4,3	—
<i>Всего</i>	7	7	4,09	4,09	—	4,64	4,64	—	13,5	13,5	—
<i>Миллионники</i>											
Менее 10	2	2	5,19	5,19	—	6,74	6,74	—	29,8	29,8	—
50-100	1	1	1,72	1,72	—	1,85	1,85	—	7,7	7,7	—
100-150	1	1	3,38	3,38	—	3,67	3,67	—	8,5	8,5	—
<i>Всего</i>	4	4	10,29	10,29	—	12,25	12,25	—	19,1	19,1	—
<i>Всего</i>											
Менее 10	67	58	14,64	13,69	0,95	17,96	16,78	1,18	22,7	22,5	24,7
10-50	20	5	3,14	2,04	1,10	3,27	1,88	1,39	4,3	-7,6	26,3
50-100	15	2	2,87	1,82	1,05	3,27	2,00	1,27	14,1	10,2	20,8
100-150	26	6	6,56	4,44	2,12	6,90	4,84	2,06	5,1	9,0	-3,0
<i>Всего</i>	128	71	27,20	21,98	5,22	31,40	25,50	5,90	15,4	16,0	13,0

Примечание: * от ближайшей точки морского побережья до центра города.

Источник: рассчитано авторами на основе данных City Population, Росстата и Eurostat³.

³ Population statistics for countries, administrative divisions, cities, urban areas and agglomerations — interactive maps and charts // City Population. URL: <https://www.citypopulation.de/Europe.html> (дата обращения: 03.08.2021); База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 03.08.2021); Численность и размещение населения // All-Всероссийская перепись населения 2002. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 03.08.2021); Population on 1 January by NUTS 2 region // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tgs00096/default/table?lang=en> (дата обращения: 03.08.2021).

В 2020 году 52,3% всех городов выборки, в том числе 81,7% из тех, что имеют порт, оказались сосредоточены в 10-километровой зоне от морского побережья. Приморская 10-километровая зона является наиболее значимым аттрактором населения среди других рассмотренных зон: 10—50; 50—100; 100—150 км. В 2020 году на нее приходилось 57,2% всего городского населения (или 17,96 млн человек) стран Балтийского региона, которое выросло за 2000—2020 годы на 22,7%. Для сравнения за последние 20 лет прирост населения в других приморских зонах был скромнее, а именно в 10—50 км от морского берега составил 4,3%; в 50—100 км — 14,1%; в 100—150 км — 5,1%. Данные таблицы 3 показывают, что в целом прирост населения в городах Балтийского региона, имеющих порт, выше, нежели без порта: 16 против 13%. При этом следует отметить интересную территориальную закономерность: в 10-километровой приморской зоне рост населения сопоставим для обоих типов городов (с портом и без), для зон 10—50 км и 50—100 км — более привлекательными с позиции прироста населения были города без порта, а в зоне 100—150 км — наличие порта положительно коррелировало с приростом населения.

Территориально-временной срез распределения населения в Балтийском регионе в зависимости от типа города демонстрирует большую привлекательность двух типов: миллионники и средние, рост количества жителей в которых в 2000—2020 годах составил более 19%. Численность населения в городах других типов также выросла в рассматриваемый период, однако темпы прироста были существенно ниже. Можно предположить, что эта тенденция связана с процессом укрупнения городов: население более мелких переезжает в средние, а из больших в более крупные. В целом 59% всего городского населения Балтийского региона в 2020 году проживало в миллионниках (39%) и средних (20%) городах. Для сравнения на малые и крупные города в 2020 году приходилось по 14,7% жителей, а на большие города — 11,6%. Приморская зона в 10 км от побережья в разрезе типов городов, как и для генеральной совокупности, оказалась более привлекательной для размещения населения (табл. 3). Не далее 10 км от моря в 2020 году проживало 55% жителей городов-миллионников, 62,7% — крупных городов, 71,1% — больших городов, 58,3% — средних городов и 45,1% — малых городов. Для всех типов городов доля жителей в 10-километровой зоне от моря в 2000—2020 годах увеличилась (кроме средних, где она осталась неизменной).

Связь между темпами роста населения города и его близостью к морскому или речному порту с выходом к морю исследуется как индикатор морехозяйственной активности. Коэффициент корреляции между расстоянием от города до ближайшего порта и темпом динамики населения равен $-0,19$, что свидетельствует о слабой обратной зависимости этих показателей (рис. 3).

Анализ распределения городского населения в зависимости от близости к порту (табл. 4) показывает, что наиболее крупные по численности жителей города (миллионники, крупные и большие) также выступают и значимыми транспортно-логистическими узлами с развитым морским и речным судоходством (кроме двух городов группы «большие» — польского Быдгоща и финского Эспоо). С уменьшением размера доля портовых городов в общем количестве городов группы снижается: среди средних таковых 57,5%, а среди малых — лишь 43,3%. Для всех групп городов с портами в 2000—2020 годах был характерен прирост населения (в среднем на 16%). Среди городов, не имеющих портов, наибольший прирост продемонстрировали те, что расположены не далее 30 км от портовой инфраструктуры (табл. 4).

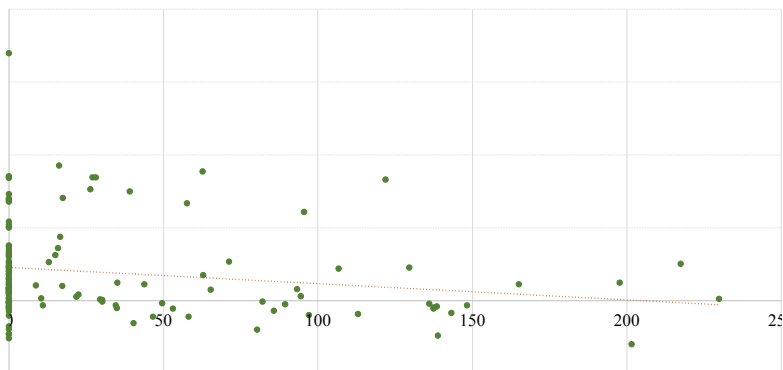

Рис. 3. Зависимость темпов изменения численности городского населения в Балтийском регионе в 2000-2020 годах от близости города к порту

Источник: рассчитано авторами на основе данных City Population, Росстата и Eurostat⁴.

Таблица 4

Распределение городского населения в Балтийском регионе по близости к порту

Тип города	Количество городов / население	Всего	Есть порт	Близость от порта, км						
				Менее 10	10–30	30–50	50–100	100–150	150–200	200–250
Миллионник	Единиц	4	4	—	—	—	—	—	—	—
	В 2000, чел.	10,29	10,29	—	—	—	—	—	—	—
	В 2020, чел.	12,25	12,25	—	—	—	—	—	—	—
	2020 к 2000, %	19,1	19,1	—	—	—	—	—	—	—
Крупный	Единиц	7	7	—	—	—	—	—	—	—
	В 2000, чел.	4,09	4,09	—	—	—	—	—	—	—
	В 2020, чел.	4,64	4,64	—	—	—	—	—	—	—
	2020 к 2000, %	13,5	13,5	—	—	—	—	—	—	—
Большой	Единиц	10	8	—	1	—	—	1	—	—
	В 2000, чел.	3,33	2,74	—	0,21	—	—	0,38	—	—
	В 2020, чел.	3,66	3,02	—	0,29	—	—	0,34	—	—
	2020 к 2000, %	9,7	10,2	—	35,9	—	—	-8,4	—	—
Средний	Единиц	40	23	—	4	1	6	5	—	1
	В 2000, чел.	5,22	3,14	—	0,41	0,09	0,70	0,76	—	0,10
	В 2020, чел.	6,24	3,65	—	0,59	0,16	0,92	0,79	—	0,13
	2020 к 2000, %	19,7	16,2	—	43,6	74,7	31,1	2,9	—	25,3

⁴ Population statistics for countries, administrative divisions, cities, urban areas and agglomerations — interactive maps and charts // City Population. URL: <https://www.citypopulation.de/Europe.html> (дата обращения: 03.08.2021); База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 03.08.2021); Численность и размещение населения // All-Всероссийская перепись населения 2002. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 03.08.2021); Population on 1 January by NUTS 2 region // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tgs00096/default/table?lang=en> (дата обращения: 03.08.2021).

Окончание табл. 4

Малый	Единиц	67	29	1	10	9	9	5	2	2
	В 2000, чел.	4,28	1,73	0,050	0,55	0,64	0,67	0,34	0,11	0,19
	В 2020, чел.	4,61	1,94	0,055	0,69	0,63	0,66	0,37	0,13	0,15
	2020 к 2000, %	7,7	12,3	10,5	24,1	-1,7	-2,6	8,4	11,5	-18,8
Всего	Единиц	128	71	1	15	10	15	11	2	3
	В 2000, чел.	27,20	21,98	0,050	1,18	0,73	1,37	1,48	0,11	0,29
	В 2020, чел.	31,40	25,50	0,055	1,57	0,79	1,57	1,50	0,13	0,28
	2020 к 2000, %	15,4	16,0	10,5	33,0	8,1	14,6	1,3	11,5	-3,2

Источник: рассчитано авторами на основе данных City Population, Росстата и Eurostat⁵.

Важнейшими аттракторами населения и морехозяйственной активности в Балтийском регионе выступают четыре города-миллионника: Санкт-Петербург (РФ) и Копенгаген (Дания) с морскими портами, Гамбург и Берлин (Германия) с речными портами. При этом если для Санкт-Петербурга и Копенгагена, расположенных не далее 10 км от морского побережья, основной специализацией являются пассажирские перевозки, то для Гамбурга и Берлина — грузоперевозки (рис. 4). Отметим, что в целом корреляция между удаленностью города-порта от морского побережья и долей судов «танкер» и «грузовой» в его специализации положительная и равна 0,47, а для категорий «пассажирские и высокоскоростные суда», «прогулочные и парусные суда», «рыболовные» и «прочие» — отрицательная и равна -0,53. Иными словами, организация речных портов, удаленных от морского берега до 150 км, зачастую обусловлена промышленной необходимостью транспортировки грузов (что в том числе справедливо для малых городов, например для немецкого Лингена), в то время как морские порты, расположенные не далее 10 км от берега, преимущественно используют свою естественную близость к морю и нередко специализируются на таких морехозяйственных видах деятельности, как морской пассажирский транспорт, морской туризм, рыболовство и др. (табл. 5).

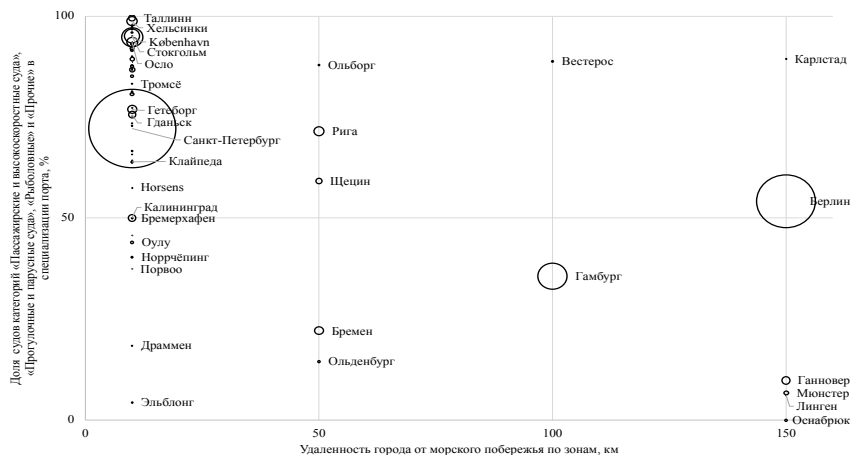

Рис. 4. Распределение городов Балтийского региона по специализации портов

Примечание: доля судов категорий «пассажирские и высокоскоростные суда», «прогулочные и парусные суда», «рыболовные» и «прочие» менее 50% в специализации порта указывает на то, что он специализируется на перевозке грузов. Диаметр круга отражает численность населения в 2020 году.

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата и Eurostat [55; 57; 59]⁶.

⁵ Там же.

⁶ База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 03.08.2021); Population on 1 January by NUTS 2 region // Eurostat. <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tgs00096/default/table?lang=en> (дата обращения: 03.08.2021); Marine Traffic. URL: <https://www.marinetraffic.com> (дата обращения: 01.09.2021).

Таблица 5

**Специализация морских и речных портов стран Балтийского региона
в разрезе типов городов, %**

Тип города	1	2	3	4	5	6
<i>Морские порты</i>						
Малый	0,8	13,1	11,9	0,0	24,9	12,8
Средний	2,5	11,9	23,7	0,2	29,5	15,9
Большой	3,0	8,1	15,6	0,0	21,0	15,0
Крупный	1,3	5,5	66,4	0,1	20,3	13,5
Миллионник	4,8	11,0	45,2	0,2	28,3	9,8
<i>Всего</i>	1,8	10,6	23,0	0,1	22,8	14,2
<i>Речные порты</i>						
Малый	3,2	13,5	28,6	0,0	27,8	5,4
Средний	2,6	45,5	0,6	0,0	9,8	2,4
Большой	11,1	45,7	3,1	0,1	19,2	10,5
Крупный	6,4	65,6	2,4	0,0	7,9	5,7
Миллионник	9,1	34,4	16,1	0,0	13,2	15,6
<i>Всего</i>	5,8	29,5	3,1	0,0	14,9	6,1

Примечание: представлены средние медианные значения доли каждой категории судоходства. Суда категорий 1 — танкеры; 2 — грузовые; 3 — рыболовные; 4 — пассажирские и высокоскоростные суда; 5 — прогулочные и парусные суда; 6 — прочие вспомогательные суда (специальные суда, буксиры, поисково-спасательные суда).

Источник: рассчитано авторами на основе данных *Marine Traffic*. URL: <https://www.marinetraffic.com> (дата обращения: 01.09.2021).

Для оценки специфики процесса талассоаттрактивности в Балтийском регионе также была произведена сравнительная оценка макрорегионального изменения городского населения с национальными и региональными тенденциями. Коэффициент корреляции между темпами изменения населения города и темпами изменения населения страны выше, чем между аналогичным показателем, рассчитанным для города и региона, в котором он расположен: 0,636 против 0,595 (рис. 5).

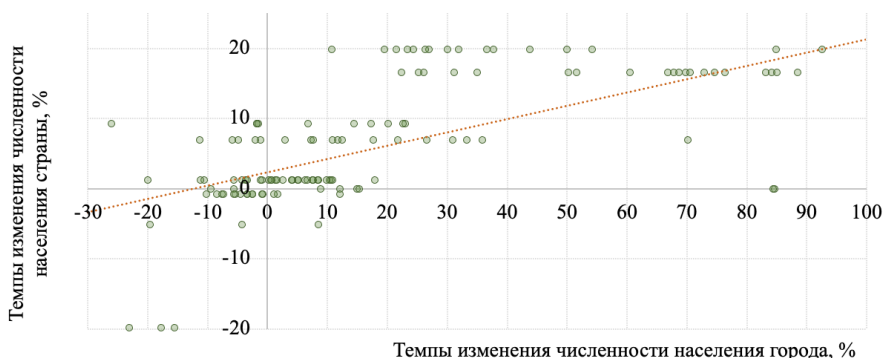

Рис. 5. Распределение городов Балтийского региона по соотношению темпов изменения численности населения в сравнении со страной, 2000—2020 годы

Источник: рассчитано авторами на основе данных *Eurostat*, *Росстата* и *City Population*⁷.

⁷ *Population on 1 January by age groups and sex — cities and greater cities* // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/urb_cp01/default/table?lang=en (дата обращения: 03.08.2021); *Population statistics for countries, administrative divisions, cities, urban areas and agglomerations — interactive maps and charts* // City Population. URL: <https://www.citypopulation.de/>

При этом города, не имеющие порта, чаще повторяют общестрановую тенденцию, нежели с портом: в первом случае коэффициент корреляции между темпами изменения численности населения «страна — город» выше и составляет 0,692 против 0,594 во втором случае.

Заключение

Результаты исследования показали, что регистрируемые эффекты приморской зоны будут разными в зависимости от критериев разграничения, используемых для ее выделения, особенно с учетом удаленности от берега. Однако общие эффекты талассоаттрактивности в большинстве случаев зарегистрированы в зоне до 10 км от морского берега и 30 км от ближайшего порта. Однако, учитывая наличие портов «река — море», даже на расстоянии 150 км от морского берега города могут по-прежнему сохранять морехозяйственную экономическую направленность.

Мы типологизировали страны Балтийского региона в отношении наиболее подходящего подхода к разграничению прибрежной зоны (табл. 6).

Таблица 6

Распределение городского населения стран Балтийского региона в зоне до 150 км от приморского берега, 2020 год

Страна	Расстояние от морского берега, км							
	До 10 км		10—50 км		50—100 км		100—150 км	
	Города, ед.	Население, %	Города, ед.	Население, %	Города, ед.	Население, %	Города, ед.	Население, %
<i>Группа 1</i>								
Норвегия	16	100,0	—	—	—	—	—	—
Россия	4	95,7	3	3,5	—	—	1	0,8
Дания	9	92,7	2	7,3	—	—	—	—
Эстония	2	83,5	—	—	—	—	1	16,5
Финляндия	10	71,2	2	5,8	4	11,9	2	11,0
Литва	1	37,3	—	—	—	—	2	62,7
<i>Группа 2</i>								
Швеция	10	66,3	3	12,7	5	15,2	2	5,8
Польша	5	38,3	3	19,5	2	9,8	6	32,3
Латвия	1	9,1	2	90,9	—	—	—	—
<i>Группа 3</i>								
Германия	9	12,0	5	10,6	4	22,1	12	55,3

Источник: рассчитано авторами на основе данных Eurostat и Росстата⁸ [53; 55].

Europe.html (дата обращения: 03.08.2021) ; База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 03.08.2021) ; Численность и размещение населения // All-Всероссийская перепись населения 2002. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 03.08.2021) ; Численность постоянного населения на 1 января // Росстат. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278928> (дата обращения: 03.08.2021) ; Population on 1 January (national level) // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00001/default/table?lang=en> (дата обращения: 03.08.2021).

⁸ Population on 1 January by age groups and sex — cities and greater cities // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/urb_cpop1/default/table?lang=en (дата обращения: 03.08.2021); База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 03.08.2021).

В первую группу вошли шесть стран (Норвегия, Россия, Дания, Эстония, Финляндия, Литва), для которых подход к приморской зоне в 0—10 км является вполне обоснованным, поскольку здесь проживают свыше 70% (а в Норвегии — 100%) городского населения из приморской зоны в 0—150 км, а следовательно, сосредоточена и основная часть морехозяйственной деятельности. Сюда же включена и Литва, поскольку ее единственный портовый город — Клайпеда — попадает в зону 0—10 км.

Для второй группы из трех стран (Швеция, Польша, Латвия) эффект талассоаттрактивности лучше будет описан через зону 0—50 км, на которую также приходится более 50% исследуемого городского населения в этих странах, а также и портовая инфраструктура. Несмотря на то что в Польше треть городского населения выборки проживает в зоне 100—150 км, расширение приморской зоны до 150 км нецелесообразно, поскольку это города без портов.

Третья группа включает Германию, городское население которой распределено по всем исследуемым зонам до 10 км, 10—50 км, 50—100 км, 100—150 км. Для этой страны подход к приморской зоне в 0—150 км будет обоснованным, поскольку даже на значительном расстоянии от морского берега есть порты, активно вовлеченные в морехозяйственную деятельность, в том числе за счет активного осуществления грузоперевозок в рамках речного судоходства.

Результаты нашего исследования показали, что существует дифференциация численности приморского населения в зависимости от подхода к разграничению приморской зоны. На примере стран Балтийского региона мы оценили численность населения приморской зоны в трех градациях: 0—10 км, 10—50 км, 50—100 км и 100—150 км. Установлено, что наиболее активные морехозяйственные процессы происходят в зоне до 10 км от берега моря и 30 км от портовой инфраструктуры. В то же время между странами Балтийского региона существует значительная неоднородность. В случае Швеции, Польши и Латвии приморская зона может быть увеличена до 50 км, а в Германии — до 150 км.

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ № 19-18-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции» и ГЗ Института географии РАН № 0148-2019-0008 (AAAAA19-119022190170-14).

Список литературы

1. *McFadden L.* Governing Coastal Spaces: The Case of Disappearing Science in Integrated Coastal Zone Management // *Coastal Management*. 2007. № 35 (4). P. 429—443. <http://dx.doi.org/10.1080/08920750701525768>
2. *Mee L.* Between the devil and the deep blue sea: the coastal zone in an era of globalisation // *Estuarine, Coastal and Shelf Science*. 2012. № 96. P. 1—8. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ecss.2010.02.013>.
3. *Cantasano N., Pellicone G.* Marine and river environments: a pattern of Integrated Coastal Zone Management (ICZM) in Calabria (Southern Italy) // *Ocean Coastal Management*. 2014. № 89. P. 71—78. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2013.12.007>.
4. *Harvey N., Nicholls R.* Global sea-level rise and coastal vulnerability // *Sustainability Science*. 2008. № 3. P. 5—7.
5. *Small C., Nicholls R. J.* A global analysis of human settlement in coastal zones // *Journal of Coastal Research*. 2003. №19 (3). P. 584—599.
6. *Barbier E. B. et al.* Coastal Ecosystem-Based Management with Nonlinear Ecological Functions and Values // *Science*. 2008. № 319. P. 321—323. <http://dx.doi.org/10.1126/science.1150349>.
7. *Pak A., Majd F.* Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study // *Ocean and Coastal Management*. 2011. № 54. P. 129—136.

8. Blackburn S., Marques C. Mega-urbanization on the coast // Pelling M., Blackburn S. (eds.), *Megacities and the Coast: risk, resilience and transformation*. L. ; N.Y., 2013. Ch. 1. P. 25–26.
9. Burbridge P. R. A critical review of progress towards Integrated coastal Management in Baltic sea region // *Coastline Reports*. 2004. № 2. P. 63–75.
10. Cracknell A. P. Remote sensing techniques in estuaries and coastal zones an update // *International Journal of Remote Sensing*. 1999. № 20 (3). P. 485–496. <https://doi.org/10.1080/014311699213280>.
11. El-Sabh M., Demers S., Lafontaine D. Coastal management and sustainable development: From Stockholm to Rimouski // *Ocean and Coastal Management*. 1998. № 39. P. 1–24.
12. Hinrichsen D. *Our Common Seas: Coasts in Crisis*. L., 1990.
13. Kumm M., de Moel H., Salvucci G. et al. Over the hills and further away from coast: global geospatial patterns of human and environment over the 20th–21st centuries // *Environmental Research Letters*. 2016. № 11. <https://doi.org/10.1088/1748-9326/11/3/034010>.
14. Makhnovsky D. E. Primorye regions of Europe: economic development at the turn of the XX and XXI centuries // *Baltic region*. 2014. № 4. P. 59–78.
15. Rakodi C., Treloar D. Urban development and coastal zone management. An international review // *TWPR*. 1997. № 19 (4). P. 401–424.
16. Shi C., Hutchinson S. M., Yu L., Xu S. Towards a sustainable coast: an integrated coastal zone management framework for Shanghai, People's Republic of China // *Ocean and Coastal Management*. 2001. № 44. P. 411–427.
17. Small C., Cohen J. Continental Physiography, Climate, and the Global Distribution of Human Population // *Current Anthropology*. 2004. № 45 (2). P. 269–277.
18. Turner R. K., Subak S., Adger W. N. Pressures, trends, and impacts in coastal zones: Interactions between socioeconomic and natural systems // *Environmental Management*. 1996. № 20 (2). P. 159–173. <http://dx.doi.org/10.1007/BF01204001>.
19. Valev E. B. Problems of development and interaction of coastal territories in Europe // *Regional studies*. 2009. № 1. P. 11–23.
20. Suárez de Vivero J. L., Rodríguez Mateos J. C. Coastal Crisis: The Failure of Coastal Management in the Spanish Mediterranean Region // *Coastal Management*. 2005. № 33 (2). P. 197–214. <http://dx.doi.org/10.1080/08920750590917602>.
21. McGranahan G., Balk D., Anderson B. The rising tide: assessing the risks of climate change and human settlements in low elevation coastal zones *Environ// Urbanization*. 2007. № 19. P. 17–37.
22. Boak H. E., Turner L., Lan. Shoreline Definition and Detection: A Review // *Journal of Coastal Research*. 2005. № 21 (4). P. 688–703.
23. Carter B. Coastal environments: an introduction to the physical, ecological, and cultural systems of coastlines. Ireland, 1998. <https://doi.org/10.1016/C2009-0-21648-5>.
24. Clark J. R. *Coastal zone management handbook*. Routledge, 1996.
25. Finkl C. W. Coastal Classification: Systematic Approaches to Consider in the Development of a Comprehensive Scheme // *Journal of Coastal Research*. 2004. № 20 (1). P. 166–213.
26. Fletcher S., Smith H. D. *Geography and Coastal Management* // *Coastal Management*. 2007. № 35 (4). P. 419–427. <https://doi.org/10.1080/08920750701525750>.
27. He S., Wang C. Socio-Economic Impact Assessment for Exploration of Coastal Zone in Yantai Region // *Journal of Sustainable Development*. 2010. № 3 (1). P. 136–141.
28. Hynes S., Farrelly N. Defining standard statistical coastal regions for Ireland // *Marine Policy*. 2012. № 36 (2). P. 393–404.
29. Woodroffe D. C. *Coasts: form, process and evolution*. Cambridge, U.K. ; N.Y., 2002.
30. Colgan C. S. Employment and wages for the U.S. ocean and coastal economy // *Monthly Labor Review*. 2004. № 127 (11). P. 24–30. <https://doi.org/10.2307/41861776>.
31. Kildow J. T., McIlgorm A. The importance of estimating the contribution of the oceans to national economies // *Marine Policy*. 2010. № 34. P. 367–74.
32. Morrissey K. An inter and intra-regional exploration of the marine sector employment and deprivation in England // *Geographical Journal*. 2015. № 181. P. 295–303. <http://dx.doi.org/10.1111/geoj.12099>.
33. Collet I. Portrait of EU coastal regions No.38. *Statistics in focus*. Eurostat. European Union, 2010.
34. Bezrukov L. A. *Continental-oceanic dichotomy in international and regional development*. Novosibirsk, 2008.
35. Cox M. E., Johnstone R., Robinson J. Relationships between perceived coastal waterway condition and social aspects of quality of life // *Ecology and Society*. 2006. № 11 (1). URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol11/iss1/art35>.

36. *Jacobson C., Carter R. W., Thomsen D. C., Smith T. F.* Monitoring and evaluation for adaptive coastal management // *Ocean and Coastal Management*. 2014. № 89. P. 51-57.
37. *Latha S. S., Prasad M. B.K.* Current status of coastal zone management practices in India // *A. Ramanathan, P. Bhattacharya, T. Dittmar [et al.]*. (eds.) *Management and sustainable development of coastal zone environments*. Springer, 2016. P. 42—57. https://doi.org/10.1007/978-90-481-3068-9_3.
38. *Morrissey S.* Estuaries: Concern over troubled waters // *Oceans*. 1988. №21. P. 23—26.
39. *Pak A., Farajzadeh M.* Iran's Integrated Coastal Management plan: Persian Gulf, Oman Sea, and southern Caspian Sea coastline // *Ocean and Coastal Management*. 2007. № 50. P. 754—773. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2007.03.006>.
40. *Pernetta J. C., Elder D. L.* Climate, sea-level rise and the coastal zone: Management and planning for global changes // *Ocean and Coastal Management*. 1992. № 18. P. 113—160.
41. *Salnikov S. S.* Economic geography of the ocean — a new promising direction of economic and social geography. Leningrad, 1984.
42. *Hassan R., Scholes R., Ash N.* *Ecosystems and Human Well-being: Current Status and Trends*. Island Press, 2005. Vol. 1.
43. *El Barmelgy I. M., Rasheed S. E.A.* Sustainable Coastal Cities between Theory and Practice (Case Study: Egyptian Coastal Cities) // *Journal of Sustainable Development*. 2016. № 9 (4). P. 216—224.
44. *Barragán J. M., de Andrés M.* Analysis and trends of the world's coastal cities and agglomerations // *Ocean and Coastal Management*. 2015. № 114. P. 11—20. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2015.06.004>.
45. *Martinez M. L., Intralawana A., Vázquez G. et al.* The coasts of our world: Ecological, economic and social importance // *Ecological economics*. 2007. № 6 (3). P. 254—272.
46. *Nicholls R. J., Wong P.P. Burkett V.R. et al.* Coastal systems and low-lying areas // *M. L. Parry, O. F. Canziani, J. P. Palutikof [et al.]*. (eds.). *Climate Change 2007: Impacts, Adaptation and Vulnerability*. Cambridge, UK, 2007. P. 315—356.
47. *Small C., Gornitz V., Cohen J. E.* Coastal hazards and the global distribution of human population // *Environmental Geosciences*. 2000. № 7. P. 3—12.
48. *Arakelov M. S.* Geoecological zoning of the coastal territories of the Tuapse region based on the indicator approach // *Scientific notes of the Russian State Hydrometeorological University*. 2011. № 18. P. 170—172.
49. *Hinrichse, D.* Coasts in Crisis // *Issues in Science and Technology*. 1996. № 12 (4). P. 39—47.
50. *Ngoile M., Horrill C.* Coastal ecosystems, productivity and ecosystem protection: Coastal ecosystem management // *Ambio*. 1993. № 22. P. 461—467.
51. *Wilson M. A., Costanza R., Boumans R., Liu S.* Integrated assessment and valuation of ecosystem goods and services provided by coastal systems // *J. G. Wilson* (ed.). *The Intertidal Ecosystem: The Value of Ireland's Shores*, 1—24. Dublin, 2005.
52. *Balaguer P., Sarda R., Ruiz M. et al.* A proposal for boundary delimitation for integrated coastal zone management initiatives // *Ocean Coastal Management*. 2008. № 51. P. 806—814. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2008.08.003>.

Об авторах

Андрей Сергеевич Михайлов, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: mikhailov.andrey@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-5155-2628>

Ангелина Петровна Плотникова, магистрант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5502-8866>

THE COASTS WE LIVE IN: CAN THERE BE A SINGLE DEFINITION FOR A COASTAL ZONE?

A. S. Mikhaylov¹

A. P. Plotnikova²

¹ Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences
29, Staromonetny per., Moscow, 119017

² Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 29.08.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-3

© Mikhaylov, A. S., Plotnikova, A. P., 2021

Throughout the history of humankind, people have settled along seashores. The gradual accumulation of population and industrial activity in coastal areas has created preconditions for coastalisation — the movement of people and socio-economic activity to marine coasts. To date, coastal areas have a higher rate of economic development, fostering migration and an influx of capital across the globe. Scholars and policymakers voice concerns about the asymmetry of regional development and the increasing anthropogenic impact on the coastal ecosystem. It reinforces the importance of coastal zone management. In this study, we use an example of the Baltic region to identify the coastalisation patterns in the Baltic region and answer the question, whether there can be a single definition of the coastal zone of the Baltic region. According to a broad definition, the Baltic macro-region is nearly all coastal and, consequently, all settlements are influenced by the coastalisation effect. We have studied the urban population dynamics in 128 cities of 45 coastal regions through the lens of various characteristics of a coastal city — the distance from the sea (10, 50, 100, and 150 km), location in a coastal region (NUTS 2), availability of a port and its primary maritime activity (tankers, cargo, fishing, passenger, recreational vessels and others). The research results suggest that despite the strong coherence of the Baltic region countries, there should not be a single delimitation approach to defining the coastal zone. Overall, the most active marine economic processes occur in the zone up to 10 km from the seacoast and 30 km from ports and port infrastructure. However, in the case of Sweden, Poland, and Latvia, the coastal zone can be extended to 50 km, and in Germany — up to 150 km inland.

Keywords:

coastal region, coastal zone, coastalisation, Baltic region, coastal zone management

References

1. McFadden, L. 2007, Governing Coastal Spaces: The Case of Disappearing Science in Integrated Coastal Zone Management, *Coastal Management*, vol. 35, no. 4, p. 429–443. doi: <http://dx.doi.org/10.1080/08920750701525768>.
2. Mee, L. 2012, Between the devil and the deep blue sea: the coastal zone in an era of globalisation, *Estuarine, Coastal and Shelf Science*, vol. 96, p. 1–8. doi: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ecss.2010.02.013>.
3. Cantasano, N., Pellicone, G. 2014, Marine and river environments: a pattern of Integrated Coastal Zone Management (ICZM) in Calabria (Southern Italy), *Ocean Coastal Management*, no. 89, p. 71–78. doi: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2013.12.007>.
4. Harvey, N., Nicholls, R. 2008, Global sea-level rise and coastal vulnerability, *Sustainability Science*, no. 3, p. 5–7.
5. Small, C., Nicholls, R.J. 2003, A global analysis of human settlement in coastal zones, *Journal of Coastal Research*, vol. 19, no. 3, p. 584–599.
6. Barbier, E.B. et al. 2008, Coastal Ecosystem-Based Management with Nonlinear Ecological Functions and Values, *Science*, no. 319, p. 321–323. doi: <http://dx.doi.org/10.1126/science.1150349>.
7. Pak, A., Majd, F. 2011, Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study, *Ocean and Coastal Management*, no. 54, p. 129–136.

To cite this article: Mikhaylov, A. S., Plotnikova, A. P., 2021, The coasts we live in: can there be a single definition for a coastal zone?, *Balt. Reg.*, Vol. 13, no 4, p. 36–53. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-3.

8. Blackburn, S., Marques, C. 2013, Mega-urbanization on the coast. In: Pelling, M., Blackburn, S. (eds.) *Megacities and the Coast: risk, resilience and transformation* (Chapter 1, p. 25–26), London and New York, Routledge.
9. Burbridge, P.R. 2004, A critical review of progress towards Integrated coastal Management in Baltic sea region, *Coastline Reports*, no. 2, p. 63–75.
10. Cracknell, A.P. 1999, Remote sensing techniques in estuaries and coastal zones an update, *International Journal of Remote Sensing*, vol. 20, no. 3, p. 485–496. doi: <https://doi.org/10.1080/014311699213280>.
11. El-Sabh, M., Demers, S., Lafontaine, D. 1998, Coastal management and sustainable development: From Stockholm to Rimouski, *Ocean and Coastal Management*, no. 39, p. 1–24.
12. Hinrichsen, D. 1990, *Our Common Seas: Coasts in Crisis*, London, Earthscan.
13. Kumm, M., de Moel, H., Salvucci, G., Viviroli, D., Ward, P., Varis, O. 2016, Over the hills and further away from coast: global geospatial patterns of human and environment over the 20th–21st centuries, *Environmental Research Letters*, no. 11. doi: <https://doi.org/10.1088/1748-9326/11/3/034010>.
14. Makhnovsky, D.E. 2014, Primorye regions of Europe: economic development at the turn of the XX and XXI centuries, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 50–66. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2074-2079-8555-4-4>.
15. Rakodi, C., Treloar, D. 1997, Urban development and coastal zone management. An international review, *TWPR*, vol. 19, no. 4, p. 401–424.
16. Shi, C., Hutchinson, S.M., Yu, L., Xu, S. 2001, Towards a sustainable coast: an integrated coastal zone management framework for Shanghai, People's Republic of China, *Ocean and Coastal Management*, no. 44, p. 411–427.
17. Small, C., Cohen, J. 2004, Continental Physiography, Climate, and the Global Distribution of Human Population, *Current Anthropology*, vol. 45, no. 2, p. 269–277.
18. Turner, R. K., Subak, S., Adger, W.N. 1996, Pressures, trends, and impacts in coastal zones: Interactions between socioeconomic and natural systems, *Environmental Management*, vol. 20, no. 2, p. 159–173. doi: <http://dx.doi.org/10.1007/BF01204001>.
19. Valev, E.B. 2009, Problems of development and interaction of coastal territories in Europe, *Regional studies*, no. 1, p. 11–23.
20. Suárez de Vivero, J.L., Rodríguez Mateos, J.C. 2005, Coastal Crisis: The Failure of Coastal Management in the Spanish Mediterranean Region, *Coastal Management*, vol. 33, no. 2, p. 197–214. doi: <http://dx.doi.org/10.1080/08920750590917602>.
21. McGranahan, G., Balk, D., Anderson, B. 2007, The rising tide: assessing the risks of climate change and human settlements in low elevation coastal zones *Urbanization*, no. 19, p. 17–37.
22. Boak, H.E., Turner, I.L. 2005, Shoreline Definition and Detection: A Review, *Journal of Coastal Research*, 21 (4), p. 688–703. doi: <http://dx.doi.org/10.2112/03-0071.1>.
23. Carter, B. 1988, *Coastal environments: an introduction to the physical, ecological, and cultural systems of coastlines*, Ireland, Academic Press. doi: <https://doi.org/10.1016/C2009-0-21648-5>.
24. Clark, J.R. 1996, *Coastal zone management handbook*, Routledge.
25. Finkl, C.W. 2004, Coastal Classification: Systematic Approaches to Consider in the Development of a Comprehensive Scheme, *Journal of Coastal Research*, vol. 20, no. 1, p. 166–213.
26. Fletcher, S., Smith, H.D. 2007, Geography and Coastal Management, *Coastal Management*, vol. 35, no. 4, p. 419–427. doi: <https://doi.org/10.1080/08920750701525750>.
27. He, S., Wang, C. 2010, Socio-Economic Impact Assessment for Exploration of Coastal Zone in Yantai Region, *Journal of Sustainable Development*, vol. 3, no. 1, p.136–141.
28. Hynes, S., Farrelly, N. 2012, Defining standard statistical coastal regions for Ireland, *Marine Policy*, vol. 36, no. 2, p. 393–404.
29. Woodroffe, D.C. 2002, *Coasts: form, process and evolution*, Cambridge, U. K. New York.
30. Colgan, C.S. 2004, Employment and wages for the U.S. ocean and coastal economy, *Monthly Labor Review*, vol. 127, no. 11, p. 24–30. doi: <https://doi.org/10.2307/41861776>.
31. Kildow, J.T., McIlgorm, A. 2010, The importance of estimating the contribution of the oceans to national economies, *Marine Policy*, no. 34, p. 367–74.
32. Morrissey, K. 2015, An inter and intra-regional exploration of the marine sector employment and deprivation in England, *Geographical Journal*, no. 181, p. 295–303. doi: <http://dx.doi.org/10.1111/geoj.12099>.
33. Collet, I. 2010, *Portrait of EU coastal regions*, no.38, Statistics in focus. Eurostat, European Union.
34. Bezrukov, L.A. 2008, *Continental-oceanic dichotomy in international and regional development*. Novosibirsk, Geo.

35. Cox, M.E., Johnstone, R., Robinson, J. 2006, Relationships between perceived coastal waterway condition and social aspects of quality of life, *Ecology and Society*, vol. 11, no. 1, available at: <http://www.ecologyandsociety.org/vol11/iss1/art35/> (accessed 15.02.2021).
36. Jacobson, C., Carter, R.W., Thomsen, D.C., Smith, T.F. 2014, Monitoring and evaluation for adaptive coastal management, *Ocean and Coastal Management*, no. 89, p. 51–57.
37. Latha, S.S., Prasad, M.B.K. 2016, Current status of coastal zone management practices in India. In: Ramanathan, A., Bhattacharya, P., Dittmar, T., Prasad, B., Neupane, B. (eds.) *Management and sustainable development of coastal zone environments*, p. 42–57. doi: https://doi.org/10.1007/978-90-481-3068-9_3.
38. Morrissey, S. 1988, Estuaries: Concern over troubled waters, *Oceans*, no. 21, p. 23–26.
39. Pak, A., Farajzadeh, M. 2007, Iran's Integrated Coastal Management plan: Persian Gulf, Oman Sea, and southern Caspian Sea coastline, *Ocean and Coastal Management*, no. 50, p. 754–773. doi: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2007.03.006>
40. Pernetta, J.C., Elder, D.L. 1992, Climate, sea-level rise and the coastal zone: Management and planning for global changes, *Ocean and Coastal Management*, no. 18, p. 113–160.
41. Salnikov, S.S. 1984, *Economic geography of the ocean — a new promising direction of economic and social geography*, Leningrad, Science.
42. Hassan, R., Scholes, R., Ash, N. 2005, *Ecosystems and Human Well-being: Current Status and Trends*, vol. 1, Island Press.
43. El Barmelgy, I.M., Rasheed, S.E.A. 2016, Sustainable Coastal Cities between Theory and Practice (Case Study: Egyptian Coastal Cities), *Journal of Sustainable Development*, vol. 9, no. 4, p. 216–224.
44. Barragán, J.M., de Andrés, M. 2015, Analysis and trends of the world's coastal cities and agglomerations, *Ocean and Coastal Management*, no. 114, p. 11–20. doi: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2015.06.004>.
45. Martinez, M.L., Intralawana, A., Vázquez, G., Pérez-Maqueoa, O., Suttond, P., Landgrave, R. 2007, The coasts of our world: Ecological, economic and social importance, *Ecological economics*, vol. 6, no. 3, p. 254–272.
46. Nicholls, R.J., Wong, P.P., Burkett, V.R., Codignotto, J.O., Hay, J.E., McLean, R.F., Ragoonaden, S., Woodroffe, C.D. 2007, Coastal systems and low-lying areas. In: Parry, M.L., Canziani, O.F., Palutikof, J.P., van der Linden, P.J., Hanson, C.E. (eds.) *Climate Change 2007: Impacts, Adaptation and Vulnerability*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, p. 315–356.
47. Small, C., Gornitz, V., Cohen, J.E., 2000, Coastal hazards and the global distribution of human population, *Environmental Geosciences*, no. 7, p. 3–12.
48. Arakelov, M.S. 2011, Geoecological zoning of the coastal territories of the Tuapse region based on the indicator approach, *Scientific notes of the Russian State Hydrometeorological University*, no. 18, p. 170–172.
49. Hinrichsen, D. 1996, Coasts in Crisis, *Issues in Science and Technology*, vol. 12, no. 4, p. 39–47.
50. Ngoile, M., Horrill, C. 1993, Coastal ecosystems, productivity and ecosystem protection: Coastal ecosystem management, *Ambio*, no. 22, p. 461–467.
51. Wilson, M.A., Costanza, R., Boumans, R., Liu, S. 2005, Integrated assessment and valuation of ecosystem goods and services provided by coastal systems. In: Wilson, J.G. (ed.) *The Intertidal Ecosystem: The Value of Ireland's Shores*, p. 1–24, Dublin, Royal Irish Academy.
52. Balaguer, P., Sarda, R., Ruiz, M., Diedrich, A., Vizoso, G., Tintor, J. 2008, A proposal for boundary delimitation for integrated coastal zone management initiatives, *Ocean Coastal Management*, no. 51, p. 806–814. doi: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2008.08.003>.

The authors

Dr Andrey S. Mikhaylov, Senior Research Fellow, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: mikhailov.andrey@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-5155-2628>

Angelina P. Plotnikova, master student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5502-8866>

МИГРАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ПРИМОРСКОЙ ЗОНЫ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ: ЛОКАЛЬНЫЕ ГРАДИЕНТЫ

Ф. Х. Соколова ¹

А. В. Лялина ²

¹ Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, 163002, Россия, Архангельск, просп. Ломоносова, 2

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 15.08.2021 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-4

© Соколова Ф.Х., Лялина А.В., 2021

Развитию приморских территорий всегда сопутствует интенсивное перемещение населения, во многом являющееся драйвером основных изменений. Северо-Запад России представляет собой масштабную, геостратегически значимую приморскую территорию России, имеющую выход к Балтийскому, Белому и Баренцеву морям и концентрирующую важную часть морского комплекса России, развитие которой сегодня стало одним из национальных приоритетов. Эта территория характеризуется крайней неоднородностью факторов притяжения и отталкивания мигрантов и, как следствие, разными миграционными потоками, формирующими ареалы и центры притяжения мигрантов. Их изучение на сегодняшний день характеризуется недостаточной научной разработанностью и высокой социально-практической значимостью, а именно, перспективами наращивания использования приморского фактора для повышения миграционной привлекательности и трудового потенциала геостратегически важных прибрежных территорий России. Выявление таких территорий, изучение факторов и ключевых характеристик миграционных потоков, их формирующих, в сопоставлении с континентальной зоной стало целью настоящей статьи. Исследование базируется на концепции талассоаттрактивности, общенаучных, специальных географических и статистических методах исследования. Информационную основу исследования составили документальные и официальные статистические источники за 2011—2020 годы. В ходе исследования выявлено, что приморское положение и морехозяйственная деятельность — важный фактор миграционной привлекательности. Санкт-Петербург, приморские муниципалитеты Ленинградской и Калининградской областей очевидно более миграционно притягательны по сравнению с северными. Хотя даже здесь имеются локальные центры притяжения мигрантов, а в Архангельской области аттрактивность приморской зоны в целом существенно выше, чем в континентальной части региона. Исследование показало постепенное нарастание поляризации миграционного пространства исследуемой приморской зоны, главным образом в крупных агломерациях. Изменения в возрастной структуре входящих миграционных потоков свидетельствуют о смещении факторов притяжения с преимущественно трудовых в сторону социальных.

Ключевые слова:

приморская зона, миграционная привлекательность, миграция, талассоаттрактивность, центр притяжения мигрантов, Северо-Запад России, Арктика

Для цитирования: Соколова Ф. Х., Лялина А. В. Миграционная привлекательность приморской зоны Северо-Запада России: локальные градиенты // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 4. С. 54—78. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-4.

Введение

В современных условиях, которые характеризуются противоположными демографическими трендами в различных частях мира, одним из важнейших факторов укрепления трудового потенциала и социально-экономического развития территорий выступает миграция. В миграциологии широко представлены суждения о факторах притяжения и отталкивания мигрантов [1 — 3], равно как в концепции талассоаттрактивности приморских территорий росту численности населения вследствие его миграции уделяется большое внимание [4; 5].

В частности, исследователи отмечают, что приморское положение выступает, с одной стороны, фактором миграционной привлекательности, так как обуславливает расширенные экономические и транспортные возможности, с другой — выталкивающим фактором, что связано с экологическими рисками, повышением уровня моря и подтоплением прибрежных территорий [6; 7]. В рамках данного исследования под миграционной привлекательностью региона понимается такое сочетание притягивающих факторов, которое определяет его сравнительные преимущества перед другими регионами и формирует ощутимый миграционный прирост [8]. Миграционная привлекательность любой территории характеризуется выгодным соотношением притягивающих и отталкивающих факторов. К числу наиболее важных факторов притяжения мигрантов в приморскую зону исследователи относят следующие.

1. Морехозяйственная активность. Занятость — один из ключевых мотивов миграции в приморскую зону [9]. Исследования подтверждают большую привлекательность для мигрантов регионов с высокоразвитой отраслью морской рекреации и туризма [10], военно-морским хозяйством [11] и рыболовством [12]. В исследовании [13] подчеркнута особая значимость для прибрежной миграции таких видов экономической деятельности в приморских регионах, как судоходство, мелкое рыболовство, туризм, наравне с прибрежным менеджментом и общей талассоаттрактивностью. Так, например, в [12] отмечено, что прибрежное рыболовство на протяжении нескольких столетий остается важнейшим фактором миграции в регионе Восточной Африки. Кроме того, немаловажное значение имеет и развитие военно-морских функций приморских территорий [11].

2. Природно-климатические факторы, а именно благоприятные климатические условия и экологическая обстановка, рельеф местности, наличие гидроресурсов особенно важны для так называемой миграции как образа жизни (с англ. *lifestyle migration*) и миграции пожилых (с англ. *retirement migration*) [14—19]. Так, авторы концепции «миграция как образ жизни» [14; 18] приводят в пример довольно хорошо изученную «приморскую» миграцию зажиточных пенсионеров Северной Европы на курортные приморские территории Испании, что представляет собой «туризм как образ жизни». Такая миграция влияет на регионы вселения разнообразно, но, как правило, это стимулирует развитие отраслей услуг, таких как здравоохранение, строительство и рынок недвижимости [17].

3. Интернационализация «морского» образования, которая может выступать в качестве фактора образовательной и научной миграции в приморскую зону, но сегодня еще недостаточно широко изучена [20—22].

4. Общие факторы среды (наличие или отсутствие культурной жизни, этнический и национальный состав, уровень культуры, внешний облик и размер, местоположение населенного пункта, уровень его благоустройства и др.).

Особую значимость проблема выявления факторов миграционной привлекательности приобретает в российской прибрежной (приморской) зоне Балтийского,

Белого и Баренцева морей, которые согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года названы геостратегическими, т. е. имеющими существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности страны¹. На взаимосвязанность и взаимообусловленность развития этих территорий указывает ряд исследователей, которые относят их к зоне «притяжения» Балтийского моря [23], что, по мнению авторов настоящей статьи, вполне обоснованно. В частности, в Морской доктрине РФ² подчеркивается важность Балтийского моря и арктического направления для обеспечения свободного выхода российского флота в Атлантику.

В России, в отличие от многих стран мира, понятие «прибрежная зона» не получило юридического оформления. Однако ширина водоохраной зоны моря, как правило, определяется размером в 500 м, что позволяет отнести к прибрежной зоне России на Балтийском, Белом и Баренцевом морях территории, имеющие непосредственный выход к морским акваториям. Это территории семи субъектов Северо-Западного федерального округа России (Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская, Мурманская, Архангельская области, Республика Карелия и Ненецкий автономный округ (АО)).

Тематика миграции в обозначенном регионе не обделена вниманием исследователей. Она широко представлена в работах, где в сравнительном контексте, рассматриваются миграционные процессы в зарубежной и российской частях Балтийского региона [4, 24; 25]. Российские субъекты, включенные в состав Балтийского региона, отличаются различным характером воспроизводства населения. В каких-то из них миграция критически значима в формировании прироста численности населения, например в Калининградской [26] и Ленинградской областях [27], Санкт-Петербурге. Напротив, в северных регионах она усиливает депопуляцию вследствие естественной убыли населения [28—35]. В то же время исследователи отмечают, что миграционная обстановка на микроуровне может быть не столь однозначна. И как в регионах миграционного прироста существуют центры оттока населения, так и в регионах массового исхода населения функционируют локальные центры притяжения мигрантов. Так, в Калининградской области особо привлекательной для мигрантов является Калининградская агломерация [36]. Мировой приморский город Санкт-Петербург, формирующий вокруг себя Санкт-Петербургский приморский регион, распространяет свое влияние как миграционно привлекательного центра на соседние территории Ленинградской области [37; 38]. К сожалению, локальные центры притяжения мигрантов в российской приморской зоне Белого и Баренцева морей не получили достаточного отражения в научной литературе. Как правило, проблематика значимости приморского расположения как перспективного направления развития актуализируется в работах, посвященных анализу социально-экономической ситуации на северо-арктических территориях России на уровне регионов [39; 40].

Важная особенность большинства этих центров, кроме тяготения к агломерации, — их прибрежное положение. А. Г. Дружинин отмечает, что сегодня и в ближайшей перспективе прирост численности населения в ряде приморских городов России (Крыма, Каспия, побережья Кубани, Ростовской и Владивостокской агломе-

¹ Об утверждении стратегии пространственного развития до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения 03.06.2021).

² Морская доктрина Российской Федерации: утв. Президентом РФ 26.07.2015. URL: <http://marine.gov.ru/about/maindocs/> (дата обращения: 11.08.2021).

раций, приморских территорий Калининградской области) может поддерживаться за счет возрождения морехозяйственного комплекса, нарастающей привлекательности «коммуникационных коридоров», фактора талассоаттрактивности и общей комфортности среды проживания, наличия потенциала самозанятости [41]. Несмотря на казалось бы очевидную актуальность изучения взаимообусловленности миграции населения и использования приморского фактора в экономическом развитии отдельных локальных центров, эта проблематика остается на начальной стадии научной разработки в отечественной литературе [36; 42; 43].

В связи с этим представляется актуальным и практически значимым выявление ареалов и локальных центров притяжения мигрантов в российской прибрежной зоне Балтийского, Белого и Баренцева морей, что даст основу для последующего изучения факторов притяжения мигрантов на эти территории. Это, в свою очередь, позволит разработать рекомендации по повышению эффективности использования потенциала данного фактора для наращивания миграционной привлекательности и трудового потенциала геостратегических территорий России.

В свете вышеизложенного цель настоящего исследования — выявление локальных градиентов миграционной привлекательности российской прибрежной зоны Балтийского, Белого и Баренцева морей и определение ключевых демографических (половозрастных) и пространственных (территории взаимодействия) характеристик миграционного развития основных центров притяжения мигрантов во взаимосвязи с отдельными особенностями их экономико-географического положения и компонентами морехозяйственной активности. Для определения уникальности или традиционности миграционного развития российских приморских регионов Северо-Запада России было осуществлено сопоставление с административными территориями первого уровня ISO 3166—2 сопредельных государств. Выявление отличительных черт непосредственно приморских муниципалитетов рассматриваемых российских регионов проводилось относительно континентальных муниципалитетов.

Методы и материалы

Методологическая основа исследования базируется на концепции талассоаттрактивности, обозначенной выше. Реализация поставленной цели достигалась путем использования общенаучных методов и полимасштабного метода исследования. Метод сравнительного анализа позволил выявить специфику миграционной ситуации в исследуемых муниципалитетах, континентальной части обозначенных российских субъектов и прибрежных регионах сопредельных государств. Для определения количественных параметров миграции, динамики ее развития в исследуемые годы, половозрастного состава мигрантов и структуры миграции широко применялся статистический метод.

Исследование выполнялось на основе использования широкого круга документальных источников, прежде всего статистических, которые были извлечены с официального сайта Федеральной службы государственной статистики РФ и его подведомственных учреждений, а также официальных национальных статистических служб Норвегии, Финляндии, Польши, Литвы и Эстонии. Среди них особую ценность представляет База данных показателей муниципальных образований за 2011—2020 годы. Выявление специфики морехозяйственной активности на локальном уровне проводилось на основании доступных на официальных сайтах муниципальных образований (МО) документов о стратегическом планировании. Оценка миграционной привлекательности российских приморских муниципалитетов про-

водилась по показателю, характеризующему результат миграционных процессов, — коэффициенту сальдо миграции, что нашло широкое применение в отечественных и зарубежных исследованиях [44—48].

Территориальные рамки исследования включают в себя 17 приморских территорий³ российской части Балтийского, Белого и Баренцева морей (исключая городской округ (ГО) «ЗАТО город Североморск» в силу отсутствия данных), которые в 2015—2020 годах постоянно или перманентно демонстрируют высокий миграционный прирост (не менее 10 чел. на 1000 чел. населения). Это Всеволожский, Кировский и Ломоносовский муниципальные районы (МР) Ленинградской области; ГО Калининградской области (Калининград, Балтийский, Гурьевский, Зеленоградский, Мамоновский, Пионерский, Светлогорский, Светловский, Янтарный); ГО «Новая Земля» Архангельской области, ГО «ЗАТО город Североморск» и Ловозерский и Терский муниципальные районы Мурманской области, ГО «Город Нарьян-Мар» Ненецкого АО, а также один город в статусе отдельного субъекта федерации — Санкт-Петербург. Одновременно в целях более четкой фиксации специфики и особенностей миграционной ситуации в исследуемых муниципалитетах была проанализирована миграционная обстановка в сопредельных странах Балтийского, Белого и Баренцева морей и континентальной части исследуемых субъектов РФ.

Хронологические рамки исследования ограничены вторым десятилетием XXI века, что обусловлено внесением изменений в систему статистического учета постоянных мигрантов в России в 2011 году.

Миграционная обстановка в приморской зоне России и сопредельных стран

Миграционная обстановка в исследуемых приморских субъектах России и сопредельных стран имеет ряд схожих черт.

Во-первых, регионы, территории которых входят в состав крупных городских агломераций, численностью населения более 500 тыс. человек характеризуются значительным миграционным приростом и повышенной эффективностью миграции, выделяющими их на общестрановом уровне (рис. 1). Ленинградская область РФ демонстрирует наилучшие показатели среди всех приморских территорий сопредельных стран по относительным показателям сальдо (15 чел. на 1000 чел. населения) и валовой миграции (73 чел. на 1000 чел. населения). Наиболее близок по значениям к российскому региону норвежский фюльке Викиен, уступающий, однако, по размерам сальдо миграции более чем в 2 раза. Еще два субъекта РФ, расположенные выше линии нулевого сальдо миграции, занимают второе (Калининградская область) и третье места (Санкт-Петербург) среди рассматриваемых регионов по значениям коэффициента сальдо миграции. Наиболее близок по значениям миграционных показателей к северной столице России финский столичный регион Уусимаа и Аландские острова, а также норвежский фюльке Вестфорл-ог-Телемарк, граничащий со столичным фюльке Викиен. Сопоставимые с Калининградской областью показатели характерны для эстонского столичного региона Хярьюмаа.

³ Из числа выделенных А. Г. Дружининым и А. В. Лялиной по состоянию на март 2020 года в качестве «приморских» 181 муниципального образования (97 муниципальных районов, 84 городских округа), а также два города («муниципалитетоподобных»; один из них по своим параметрам является сверхкрупным) в статусе отдельных субъектов Федерации (Санкт-Петербург и Севастополь) [45].

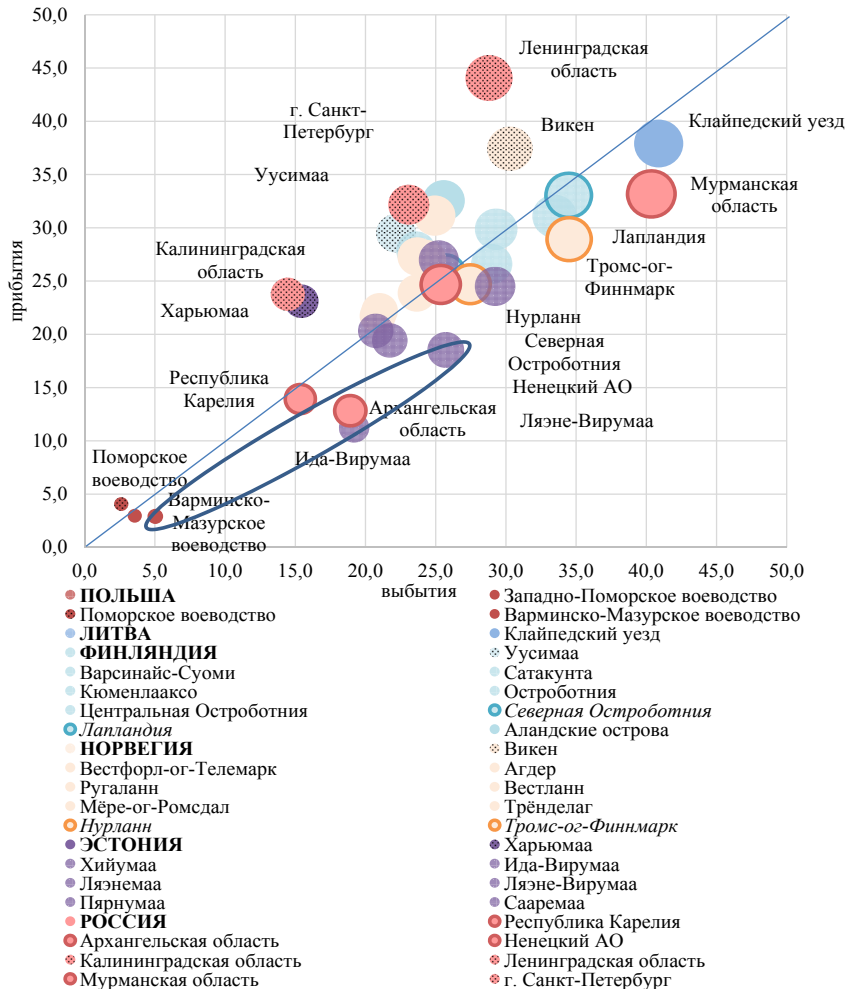

Рис. 1. Интенсивность прибытий и выбытий, валовой миграции в приморских регионах сопредельных стран в среднем за 2011—2020 годы, чел. на 1000 чел. населения

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁴, официальных статистических порталов Литвы⁵, Польши⁶, Эстонии⁷, Норвегии⁸, Финляндии⁹.

Примечание. Данные по регионам Норвегии приведены за 2020 год в связи с изменением административно-территориального деления и отсутствием сопоставимых данных за более ранний период. Овалом выделена зона регионов с высокой эффективностью миграции (более 15%). Регионы, расположенные выше линии нулевого сальдо миграции, имеют миграционный приток. Размер круга обозначает интенсивность валовой миграции. Регионы, отнесенные к северным, имеют границу вокруг круга. Регионы, тяготеющие к крупным городским агломерациям (более 0,5 млн человек), имеют точечную заливку круга: Викен («Большой Осло»), Ленинградская область и Санкт-Петербург (Санкт-Петербургская агломерация), Калининградская область (Калининградская агломерация), Поморское воеводство («Трехградье»), Уусимаа («Большой Хельсинки»), Хартюмаа (Таллинская агломерация).

⁴ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 06.06.2021).

⁵ Lietuvos statistika. URL: <https://www.stat.gov.lt/> (дата обращения: 06.06.2021).

⁶ Statistics Poland. URL: <https://stat.gov.pl/en/> (дата обращения: 06.06.2021).

⁷ Statistics Estonia. URL: <https://www.stat.ee/en> (дата обращения: 06.06.2021).

⁸ Statistics Norway. URL: <https://www.ssb.no/en> (дата обращения: 06.06.2021).

⁹ Statistics Finland. URL: https://stat.fi/index_en (дата обращения: 06.06.2021).

Во-вторых, северные приморские регионы России и сопредельных стран демонстрируют отрицательное сальдо миграции при низкой или пониженной эффективности миграции. Исключение составляет финский регион Северная Остроботния, балансирующий на уровне нулевого сальдо. К нему наиболее близок российский нефтедобывающий Ненецкий АО, где сальдо миграции не превышает 1 чел. на 1000 чел. населения. При этом отток населения в Архангельской и Мурманской областях максимален среди рассматриваемых приморских регионов — более 6 чел. на 1000 чел. населения, и сопоставим с эстонскими приморскими (не северными) уездами Ида-Вирумаа и Ляэне-Вирумаа. Архангельскую область на фоне других северных областей негативно выделяет высокая эффективность миграции — здесь одна пятая всего миграционного оборота воплощается в миграционную убыль. Отличительной чертой российских северных регионов является более низкая вовлеченность в миграционные процессы, что выражается в пониженных значениях интенсивности валовой миграции. Фактически только Мурманская область отличается высоким миграционным оборотом, вторым по значению среди рассматриваемых приморских регионов, что обусловлено вахтовым методом работы.

Миграционная обстановка в российских приморских и континентальных муниципалитетах

В развитии миграционных процессов в приморской зоне рассматриваемых российских субъектов также прослеживается ряд важных различий как при сравнении регионов между собой, так и при сопоставлении с континентальными муниципалитетами внутри региона.

Положение приморской зоны рассматриваемых регионов с точки зрения миграционной обстановки в большинстве своем в значительной степени выигрывает у континентальной части (рис. 2, табл. 1). Исключение составляют Мурманская область и Карелия.

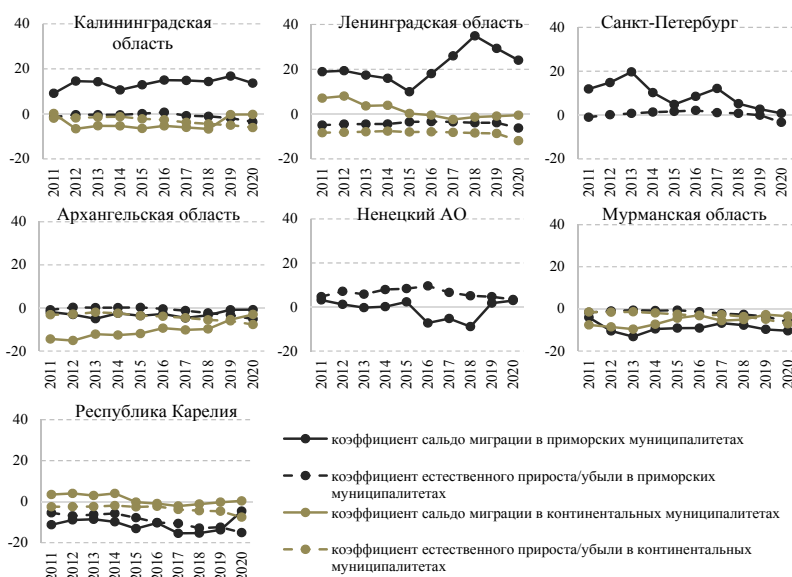

Рис. 2. Воспроизводство населения в приморских и континентальных муниципалитетах российских субъектов Балтийского региона, 2011—2020 годы, чел. на 1000 чел. населения

Источник: составлено на основе данных БД ПМО¹⁰.

Примечание: приведены суммарные значения показателя.

¹⁰ База данных показателей муниципальных образований. URL: [//rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm) (дата обращения: 02.06.2021).

Таблица 1

Показатели воспроизводства населения в приморских муниципалитетах российских субъектов Балтийского, Белого и Баренцева морей (в среднем за 2011 – 2020 годы), чел. на 1000 чел. населения

Субъект	Среднегодовое значение сальдо миграции			Среднегодовое значение валовой миграции			Среднегодовое значение коэффициента естественного прироста (убыли) населения				
	Суммарно по всем МО		В среднем по МО	Суммарно по всем МО		В среднем по МО	Суммарно по всем МО		В среднем по МО		
	ПМО	КМО	ПМО	ПМО	КМО	ПМО	КМО	ПМО	КМО		
Калининградская область	13,6	-4,2	9,4	-5,4	74,1	81,9	68,0	-0,9	-3,1	-1,3	-2,6
Ленинградская область	21,4	1,7	13,0	1,7	95,5	87,1	76,5	-4,3	-8,5	-4,7	-8,7
Санкт-Петербург	9,1	—	9,1	—	76,8	—	76,8	—	0,4	—	0,4
Архангельская область	-2,9	-10,4	-1,7	-13,4	56,6	84,8	91,2	-1,3	-4,2	-2,0	-5,1
Ненецкий АО	-1,0	—	-2,0	—	107,5	—	108,1	—	6,3	—	6,2
Мурманская область (без учета ЗАТО)	-9,0	-5,7	-8,7	-6,5	85,6	91,1	93,0	-2,1	-3,1	-4,1	-2,7
Республика Карелия	-11,1	1,0	-11,3	-4,6	66,4	67,6	66,4	-9,4	-3,5	-9,6	-5,9

Примечание: ПМО — приморские муниципальные образования, КМО — континентальные муниципальные образования.

Источник: данные БД ПМО¹.

¹ База данных показателей муниципальных образований. URL: <http://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 02.08.2021).

Анализ среднегодовых значений коэффициента сальдо миграции за последние десять лет показал, что Санкт-Петербург и приморская зона Калининградской и Ленинградской областей — это стабильные территории миграционного притяжения в регионе, в то время как континентальные муниципалитеты активно теряют население либо демонстрируют невысокий прирост. Миграция здесь играет решающую роль в воспроизводстве населения, многократно компенсируя его естественную убыль. В континентальной части Калининградской области наблюдается обратная картина. Динамика сальдо миграции демонстрирует миграционный «бум» в приморской зоне двух областей начиная с 2016 года с пиковыми значениями в 2018—2019 годах, которые почти в два раза превысили значения 2011 года.

Для приморской зоны северных регионов в целом характерна миграционная убыль населения, и только лишь в Архангельской области она менее интенсивная, чем среди континентальных МО. В приморской зоне Архангельской области в отдельные годы фиксируется значительное сокращение миграционной убыли относительно естественной, в 2018—2020 годах она составила только 30% от общей убыли (в 2011—2013 годах — 95%). Впрочем, аналогичная тенденция характерна и для континентальной части региона, но в менее ощутимых объемах. В Ненецком АО миграция в течение рассматриваемых лет играла преимущественно второстепенную роль в формировании численности населения, уступая естественному воспроизводству (кроме 2018 года). Динамика коэффициента сальдо миграции остается неустойчивой, в последние два года наметился небольшой околонулевой миграционный прирост. В приморской зоне Мурманской области, где отмечается менее благоприятная миграционная обстановка, чем в континентальной части региона, показатели, вероятно, еще ниже, поскольку в большинстве ЗАТО, не попавших в аналитику, в отдельные годы фиксируется устойчивый ощутимый миграционный отток, обусловленный оттоком лиц, утративших связь с объектами ЗАТО (прежде всего военнослужащих). Миграция здесь имеет ведущее значение в сокращении численности населения, формируя около 70% общей убыли населения. В то же время важно отметить, что с 2017 года превышение показателей миграционной убыли над естественной сократилось в 3 раза против 10—20 раз ранее. В Карелии миграционный отток населения в приморской зоне усиливает ежегодные потери от естественного воспроизводства практически в равной пропорции. Исключением стал 2020 год, когда механическая убыль населения сократилась до минимальных значений и составила менее 20% общего сокращения численности населения. При этом положение приморских муниципалитетов остается менее благоприятным — ежегодная миграционная убыль населения здесь в 10 раз выше, чем в континентальных.

Наиболее активно вовлечены в миграционные процессы приморские территории Ненецкого АО, для которого характерен «вахтовый» тип миграции, и приморские территории Ленинградской области в зоне влияния «северной» столицы России. Здесь практически каждый сотый человек является мигрантом. Высокий миграционный оборот (более 85 чел. на 1000 чел. населения), практически равнозначный как для континентальных, так и для приморских муниципалитетов, также отмечается в Мурманской области. Для приморской зоны Калининградской области, демонстрирующей показатели интенсивности валовой миграции на 10% ниже, чем в Мурманской области, присуще превалирование над показателями по континентальной части региона. Аналогичная ситуация наблюдается в Карелии. Лишь приморские муниципалитеты Архангельской области заметно уступают иным рассматриваемым регионам и континентальным МО самой области по уровню миграционной активности.

Ареалы и локальные приморские центры притяжения мигрантов

Миграционно привлекательная приморская зона¹¹ российской части Балтийского, Белого и Баренцева морей в течение исследуемого периода претерпела значительные изменения. Они коснулись как числа и состава наиболее миграционно растущих муниципалитетов, так и интенсивности сальдо миграции (рис. 3). Негативная динамика

¹¹ Территории, демонстрирующие коэффициент сальдо миграции >10 чел. на 1000 чел. населения постоянно или перманентно.

ка показателей сохранялась до 2016 года, после чего наблюдается постепенный рост. Число муниципалитетов, демонстрирующих высокую миграционную привлекательность, сократилось к 2019 году вдвое, и лишь в 2020 году отмечается включение в их состав трех муниципалитетов Калининградской области, которая в ковидный период показала колоссальную миграционную привлекательность, охватившую «новые» территории (Балтийский, Янтарный и Мамоновский ГО), и Терского МР Мурманской области. Соответственно, доля наиболее активно миграционно растущих приморских муниципалитетов, сократившаяся к 2019 году до 18%, в 2020 году выросла практически до 30%, но не достигла максимума 2011 года.

Рис. 3. Некоторые характеристики миграционной привлекательности приморской зоны российской части Балтийского, Белого и Баренцева морей

Примечание: без учета ЗАТО.

Источник: составлено на основе данных БД ПМО¹².

Важно отметить, что на фоне сжимания миграционно аттрактивного пространства приморской зоны нарастает интенсивность миграционного прироста сложившихся центров миграционного притяжения, то есть протекает поляризация миграционного пространства исследуемой приморской зоны главным образом в Калининградской и Санкт-Петербургской агломерациях.

За последние 10 лет только пять муниципалитетов (табл. 2) сохраняли на всем рассматриваемом временном промежутке свою высокую миграционную привлекательность и были устойчивыми центрами притяжения. Это Всеволожский МР Ленинградской области и Калининград, Гурьевский, Зеленоградский и Светлогорский ГО Калининградской области. В то время как часть из выделенных муниципалитетов существенно сократила интенсивность миграционного прироста к 2020 году, а некоторые даже сменили положительный знак сальдо миграции на отрицательный, в других наметились позитивные тенденции. Кроме названных «новичков» 2020 года к числу значительно нарастивших миграционную привлекательность в последние пять лет можно отнести Ломоносовский МР и Пионерский ГО. Невозможно исключить из числа центров притяжения также северные территории, характеризующиеся вариабельностью знака сальдо миграции.

¹² База данных показателей муниципальных образований. URL: [//rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm) (дата обращения: 16.07.2021).

Таблица 2

**Локальные приморские центры притяжения мигрантов в российских субъектах
Балтийского региона по показателям сальдо миграции
(более 10 чел. на 1000 чел. населения хотя бы в один из рассмотренных годов)**

МО	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Особенности ЭГП и компоненты МА									
											0	1	2	3	4	5	6	7	8	
Ленинградская область	14,9	15,6	12,9	12,0	6,8	12,1	17,1	23,9	20,4	16,8										
Ломоносовский МР	2,4	1,7	6,6	-2,0	10,4	8,5	34,5	29,1	49,8	29,1	+									+
Всеволожский МР	24,2	32,9	42,9	40,1	39,1	60,9	81,9	117,3	94,9	78,7	+									+
Кировский МР	18,7	24,4	1,9	13,9	-1,2	9,2	11,0	7,0	6,4	8,8	+							+	+	+
Сосновоборский ГО	20,5	1,4	3,1	5,4	2,3	6,6	-0,2	6,6	-6,1	-4,8										+
Кингисеппский ГО	17,3	7,1	10,9	4,3	-1,3	-0,3	6,7	-27,9	-10,8	-6,9	+		+	+	+					+
Тосненский МР	29,8	31,0	18,4	13,4	-9,3	2,8	6,1	-5,7	-4,3	-17,2	+									+
Гатчинский МР	22,5	21,3	17,1	13,1	3,8	3,1	-0,3	1,4	-15,6	-12,9	+			+	+	+				+
Калининградская область	6,8	9,2	9,4	6,7	8,2	10,1	9,9	9,5	12,9	10,1										
ГО «Город Калининград»	6,7	19,0	17,2	11,9	13,5	15,9	17,3	16,6	16,3	12,4	+	+		+						+
Пионерский ГО	33,3	29,1	1,6	-7,1	-1,9	-0,4	1,9	16,1	65,1	38,4	+	+			+					+
Зеленоградский ГО	5,9	4,6	20,6	28,5	17,0	29,2	20,1	20,2	33,9	37,9	+		+	+	+					+
Светлогорский ГО	14,5	9,1	29,1	30,8	28,0	42,4	41,1	47,0	59,5	56,1	+				+					+
Гурьевский ГО	15,0	18,3	25,5	33,9	44,7	39,9	28,6	24,9	21,9	14,0	+									+
Балтийский ГО	3,3	-3,7	3,9	5,6	2,4	-0,2	5,4	9,8	2,8	11,0	+	+			+	+	+			+
Янтарный ГО	13,2	4,5	0,2	8,5	0,6	-2,5	9,6	1,7	6,6	17,0	+				+					+
Мамоновский ГО	28,5	-3,5	9,4	-4,7	-0,6	-2,5	-10,7	5,0	7,6	12,9	+									
Багратионовский ГО	29,0	14,3	-4,7	-32,7	-2,3	-3,7	1,4	-11,3	4,8	-0,1	+									+
Ладушкинский ГО	17,6	5,3	13,5	30,6	-13,6	-4,1	-16,3	-13,0	3,3	-11,9	+									+
Светловский ГО	15,1	10,0	12,3	8,3	6,3	5,1	-4,5	-4,5	5,0	1,1	+	+		+						+
Санкт-Петербург	11,9	14,8	19,7	10,2	4,9	8,5	12,1	5,2	2,7	0,8	+	+			+	+	+	+	+	+
Архангельская область	-7,7	-8,5	-8,2	-6,5	-6,8	-5,6	-6,9	-6,2	-2,6	-2,1										
ГО «Новая Земля»	175,4	-101,1	-36,9	115,4	62,1	-31,2	23,2	61,9	49,3	60,2										
Ненецкий АО	3,2	1,2	-0,3	0,1	2,3	-7,3	-5,3	-8,9	1,8	2,9										
ГО «Город Нарьян-Мар»	25,3	17,5	13,6	15,2	14,0	-7,0	-2,7	-4,8	6,6	10,3		+	+							
Мурманская область	-7,7	-10,1	-12,9	-6,5	-5,7	-5,7	-4,6	-5,9	-6,5	-6,9										
ГО «ЗАТО город Североморск»	7,0	8,0	9,0	10,0	11,0	3,0	18,7	26,5	12,9	15,9	+								+	+
Ловозерский МР	-26,1	-12,0	-15,9	-9,4	-4,3	-0,5	10,7	-1,5	11,2	-5,4										
Терский МР	-26,8	-26,1	-22,8	-11,2	-19,8	-13,6	-3,0	-0,4	-1,4	16,5					+	+				

Примечание: *нет данных, Всеволожский МР — муниципалитеты, не имеющие выхода к морю, но отнесенные к приморским по признаку тяготения к приморской агломерации; ЭГП — экономико-географическое положение; МА — морехозяйственная активность; 0 — входит в состав агломерации или конурбации; 1 — на территории муниципалитета расположены морской порт и логистика; 2 — добыча нефти и газа на шельфе; 3 — добыча морских биоресурсов; 4 — «приморские» рекреация и туризм; 5 — судостроение и судоремонт; 6 — на территории муниципалитета расположен корабельный состав Военно-морского флота РФ; 7 — «приморская» промышленность; 8 — комфортабельное расселение в приморских зонах. Серым маркером выделены ячейки со значениями сальдо миграции более 10 чел. на 1000 чел. населения.

Источник: составлено на основе данных БД ПМО¹³

¹³ База данных показателей муниципальных образований Госкомстата РФ. URL://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm (дата обращения: 20.08.2021).

В приморской зоне российских субъектов Балтийского, Белого и Баренцева морей сложились две крупные зоны притяжения мигрантов в Калининградской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Их существование обусловлено центростремительными силами, образуемыми крупными приморскими агломерациями — Санкт-Петербургской и Калининградской. Приморская зона этих регионов обладает высокой миграционной привлекательностью как на локальном, так и на межрегиональном и международном уровнях.

При этом локальные центры рецепции мигрантов характеризуются различными ключевыми «мореобусловленными» факторами притяжения. Анализ паспортов исследуемых МО, где отражаются основные параметры социально-экономического развития территорий, позволяет констатировать, что все они в той или иной мере в своей хозяйственной деятельности используют преимущества, связанные с приморским географическим положением. Туристическая и санаторно-курортная направленность экономической деятельности широко представлена в Зеленоградском и Светлогорском ГО, отчасти в Пионерском ГО, в Янтарном ГО кроме того ведется добыча и переработка янтаря. Использование туристического потенциала, складывающегося из возможностей спортивной рыбалки на лососевые, наравне с развитием рыбопромысловой отрасли способствовало формированию ощутимого миграционного прироста в Терском МР Мурманской области в 2020 году. Важную роль в развитии Светловского ГО играет поргово-транспортная инфраструктура вследствие расположения округа на судоходном морском канале, а также рыбопромышленная и судоремонтные отрасли. Военно-морское предназначение имеют Балтийский ГО, ГО «ЗАТО город Североморск», ГО «Новая Земля». В Кировском МР развивается судостроение и судоремонтное производство, административный центр Ненецкого АО г. Нарьян-Мар — крупнейший в России центр нефтегазодобычи на морском шельфе.

В то же время, безусловно, приморское положение не всегда выступает ключевым фактором миграционной привлекательности. Так, наиболее быстро растущие в результате миграции муниципалитеты в Ленинградской области — Всеволожский и Ломоносовский МР — не имеют явной «морской» направленности экономики, хоть здесь и развиваются рыболовство и рыбоперерабатывающая промышленность. Не является фактором притяжения мигрантов рыбопереработка в Гурьевском, Мамоновском и Пионерском округах. Миграционный прирост в горнобывающем Ловозерском МР Мурманской области сложился благодаря особым правовым льготам для иностранцев — они могут получить разрешение на временное проживание без учета квоты, если имеют свидетельство о предоставлении временного убежища на территории РФ и получили статус участника Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. В 2017 и 2019 годах этими льготами воспользовались преимущественно граждане Украины (около 80% всех прибывших). Областной центр Калининградской области и Санкт-Петербург совмещают разные экономические функции, в том числе осуществляют активную морехозяйственную деятельность. Санкт-Петербург — это крупнейший морской торговый и пассажирский порт страны. Здесь интенсивно развивается военное и гражданское судостроение. Санкт-Петербург — лучшее туристское направление России по версии *Tripadvisor* и его ежегодно посещает более 8 млн туристов. В Калининграде функционирует морской торговый порт, развито судостроение (ОАО «Прибалтийский судостроительный завод «Янтарь»), производство оборудования для рыболовства, морская добыча нефти (ООО «Лукойл — Калининградморнефть»). Город входит в топ-10 городов России по туристической привлекательности.

Половозрастные характеристики миграционных потоков в основных центрах притяжения мигрантов. Территории взаимодействия

На первый взгляд 17 наиболее привлекательных сегодня приморских муниципалитетов российской части Балтийского, Белого и Баренцева морей существенно отличаются по масштабам, численности населения, административно-правовому статусу. Среди них город федерального уровня (Санкт-Петербург), город областного значения (Калининград), городские округа, муниципальные районы. Соответственно, в них по-разному проявляются миграционные тренды.

Безусловный лидер по абсолютным количественным показателям миграционных процессов — Санкт-Петербург, куда ежегодно прибывают и выбывают несколько сотен тысяч человек. На втором месте стоят Калининград и Всеволожский МР Ленинградской области, где ежегодные миграционные потоки достигают нескольких десятков тысяч человек. Аутсайдерами, где среднегодовые территориальные перемещения не превышают 1 тыс. человек, являются Пионерский, Светловский, Янтарный и Мамоновский ГО Калининградской области, Ловозерский и Терский МР Мурманской области, ГО «Новая Земля» Архангельской области.

Однако при расчете интенсивности числа прибытий и выбытий населения картина по исследуемым муниципалитетам существенно видоизменяется. По коэффициенту интенсивности прибытий на первом месте стоит Всеволожский МР и ГО «Новая Земля», куда ежегодно прибывают около 100 мигрантов на 1 тыс. чел. населения (рис. 4). Затем идут Светлогорский и Гурьевский ГО Калининградской области. Третью позицию занимают Зеленоградский ГО, Ломоносовский МР, Пионерский ГО и ГО «Город Нарьян-Мар». Менее 50 мигрантов на 1 тыс. населения принимают Санкт-Петербург и Калининград и остальные муниципалитеты.

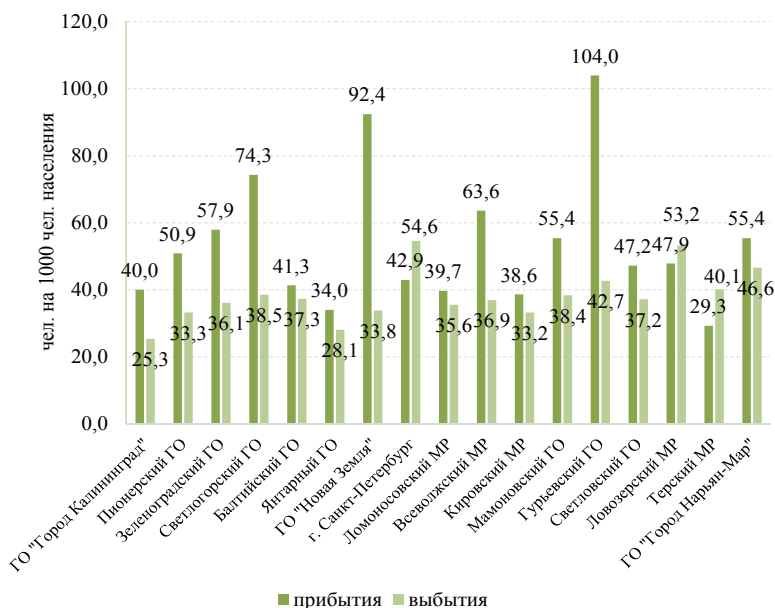

Рис. 4. Интенсивность прибытий и выбытий населения в основных центрах притяжения мигрантов в среднем в 2011 — 2020 годы

Источник: составлено по данным БД ПМО¹⁴.

¹⁴ База данных показателей муниципальных образований. URL: [//rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm) (дата обращения: 22.08.2021).

Коэффициенты интенсивности выбытий не столь существенны. Лишь в Балтийском и Мамоновском ГО разница между коэффициентами прибытия и выбытия составляет менее 5 чел. на 1 тыс. населения, что свидетельствует о пониженной эффективности миграции. Важно также и то, что Ловозерский и Терский районы, в отдельные годы демонстрирующие высокую миграционную привлекательность, в среднем за 2010-е годы характеризовались превышением интенсивности выбытий над прибытиями.

Анализ масштабов миграционных потоков в конкретно-годовом срезе свидетельствует, что на протяжении исследуемого периода они ежегодно возрастают. В среднем интенсивность прибытий по совокупности муниципалитетов возросла в 2,2 раза, в Терском МР — почти в 7 раз, в Ломоносовском — в 4 раза, во Всеволожском МР и Зеленоградском ГО — в 3 раза. При этом средняя интенсивность выбытий по рассматриваемым центрам притяжения мигрантов выросла только в 1,9 раза с максимальными значениями в районах Ленинградской области и Калининграде и Пионерском ГО — в 2,6—2,8 раза.

Анализ данных по направлениям передвижения мигрантов в исследуемых муниципалитетах дает весьма разнообразную палитру (рис. 5). Можно выделить следующие группы муниципалитетов, исходя из доминирующего в формировании миграционного прироста потока.

Исключительно центры притяжения мигрантов (типы 1—4), где ключевую роль играют:

- приток мигрантов из других регионов России (тип 1); включает ГО «Новая Земля», Санкт-Петербург, Пионерский ГО, районы Ленинградской области (Всеволожский, Кировский, Ломоносовский);
- приток мигрантов внутри региона и из других субъектов РФ (тип 2) — Зеленоградский и Светлогорский округа Калининградской области;
- приток мигрантов внутри региона (субурбанизация) и из стран СНГ (тип 3) — Гурьевский ГО;
- приток мигрантов из других регионов РФ и стран СНГ (тип 4) — Калининград;

Центры притяжения мигрантов, где происходит замещение собственного населения за счет оттока. Выделяются типы 5—8 в соответствии с преобладающим входящим потоком:

- приток из других регионов РФ при оттоке населения внутри региона (тип 5); включает Балтийский и Янтарный ГО;
- приток из других регионов РФ и стран СНГ при оттоке населения внутри региона (тип 6) — Мамоновский, Светловский ГО;
- приток внутри региона при оттоке населения в другие регионы РФ (тип 7) — ГО «Город Нарьян-Мар»;
- приток из стран СНГ на фоне массового оттока внутри региона (Терский МР), а также в другие регионы РФ (Ловозерский МР) (тип 8).

В целом следует признать, что для муниципалитетов Калининградской области более типичны внутрирегиональные перемещения, что обусловлено возможностью трудоустройства как в промышленно развитых ГО западной части региона, так и в восточных сельскохозяйственных ГО, а также достаточно развитой транспортной сетью. Традиционно экономически развитые и развивающиеся Санкт-Петербург и тяготеющие к нему муниципальные районы Ленинградской области более привлекательны для межрегиональных мигрантов. В свою очередь, более 65% населения ГО «Новая Земля», которое имеет военно-оборонное значение, представлено военнослужащими, которые прибывают/выбывают в различные регионы страны.

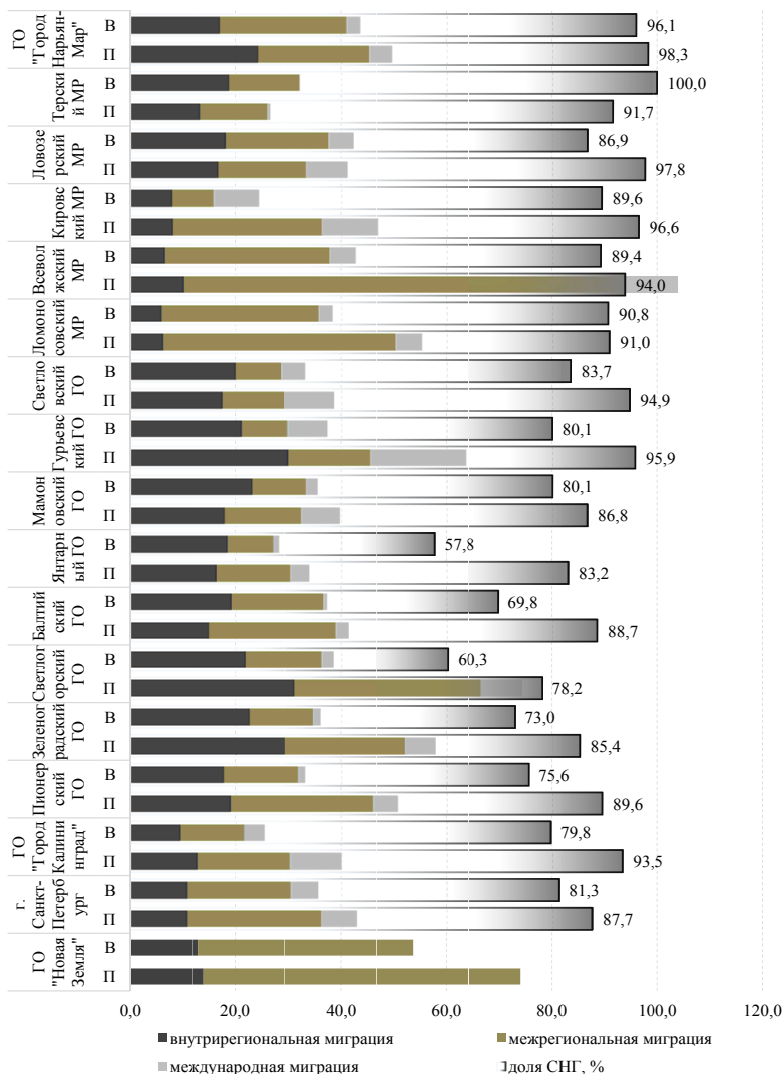

Рис. 5. Интенсивность прибытий и выбытий по направлениям передвижения населения, в среднем за 2011—2020 годы

Источник: составлено на основе данных БД ПМО¹⁵.

Специфика исследуемых приграничных территорий, тяготеющих своим месторасположением к странам Европы и одновременно активно включенных в Евразийскую миграционную систему, — значительный удельный вес международных мигрантов (в среднем по муниципалитетам 13% всех прибытий и 9% всех выбытий). Так, в Кировском МР и Гурьевском ГО среднегодовые международные прибытия и выбытия превышают 20%; в Санкт-Петербурге, Калининграде, Всеволожском МР, Светловском ГО и Ловозерском МР — более 10%, в остальных выше 5%. Исключение составляет Терский МР, где удельный вес международных мигрантов едва достигает 2,0%, и ГО «Новая Земля», где нет международных мигрантов, что связано с особым режимом допуска на территорию оборонного значения. Миграционное сальдо абсолютно во всех муниципалитетах с зарубежными странами положительно.

¹⁵ База данных показателей муниципальных образований. URL://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm (дата обращения: 04.09.2021).

Следует признать, что международная мобильность весьма дифференцирована в рамках исследуемого периода. В большинстве муниципалитетов она снижается в 2015–2017 годах, что может быть связано с международными событиями, а именно — с введением экономических санкций в связи с вхождением Крыма в состав России и политическими процессами, происходящими на Украине. Однако эта тенденция типична не для всех исследуемых субъектов. В большинстве муниципалитетов Калининградской области, Ловозерском МО и Терском МО, ГО «Город Нарьян-Мар», напротив, в эти годы наблюдается тенденция нарастания удельного веса международных мигрантов. Заметно сокращение удельного веса международных мигрантов во всех МО в 2020 году, что, несомненно, связано с пандемией COVID-19 и соответствующими ограничениями международных передвижений.

Преобладающее большинство международных мигрантов — это выходцы из стран СНГ. Их удельный вес превышает 90% в исследуемых муниципалитетах Ленинградской области, в Гурьевском ГО, Терском МР и ГО «Город Нарьян-Мар». В большинстве остальных субъектов он достигает 80%. Более 20% всего миграционного оборота в Светлогорском ГО составляют выходцы из приграничных и других зарубежных государств, в то время как более 20% эмигрантов из Калининграда, Пионерского, Зеленоградского, Балтийского и Янтарного округов Калининградской области направляются в страны дальнего зарубежья.

Анализ данных о половом составе мигрантов свидетельствует о феминизации миграционных процессов (рис. 6). В 2011–2020 годах очевидна тенденция увеличения удельного веса женщин среди мигрантов. В среднегодовом разрезе в 12 из 17 исследуемых муниципалитетов доля женщин среди прибывших и выбывших превышает 50%. Особенно это характерно для МО Калининградской и Ленинградской областей, Санкт-Петербурга и Терского МР. При этом в большинстве случаев происходит ухудшение гендерных диспропорций в сторону увеличения удельного веса женского населения. Балансирование соотношения числа мужчин и женщин в структуре населения за счет миграции наблюдается только в Ломоносовском МР, Светлогорском, Светловском, Янтарном ГО и ГО «Город Нарьян-Мар».

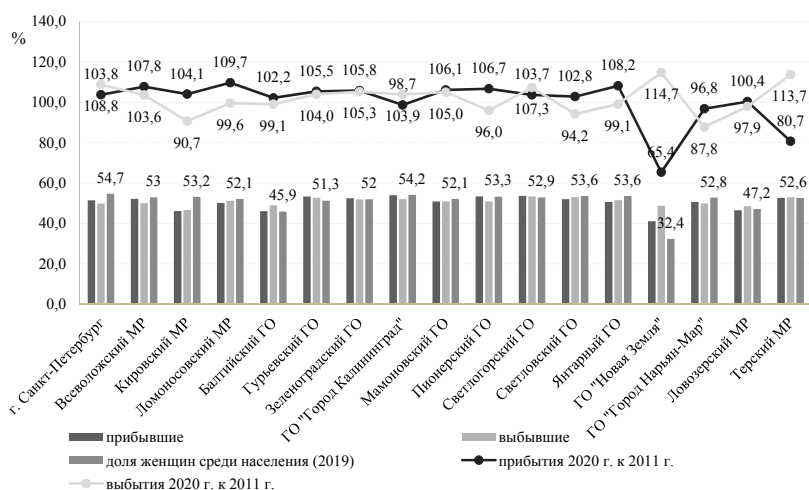

Рис. 6. Удельный вес женщин в структуре населения и миграционных потоков в среднем в 2011–2020 годах

Источник: составлено по данным БД ПМО¹⁶.

¹⁶ База данных показателей муниципальных образований. URL: [//rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm) (дата обращения: 04.09.2021).

Перевес мужского населения среди мигрантов сложился в муниципалитетах с преимущественно «мужской» структурой занятости (или повышенной долей «мужских» отраслей), что нашло отражение и в структуре населения (кроме Кировского МР) — в Балтийском ГО, ГО «Новая Земля», Ловозерском и Кировском МР. Здесь сокращение гендерных диспропорций характерно для Кировского и Ловозерского МР и, напротив, обострение — в ГО «Новая Земля» и Балтийском ГО.

Возрастной состав мигрантов в исследуемой приморской зоне традиционный. Основную когорту составляет население в возрасте 25—59 лет, доля которого колеблется в пределах 45—65%. При этом в течение рассматриваемого периода их удельный вес практически по всем территориям сократился. Значительно выросло представительство этой возрастной группы только на ГО «Новая Земля» — на 120% в структуре прибывших и на 117% среди выбывших относительно 2012 года.

В следующей по значению когорте мигрантов — 0—14 лет — в 2012—2020 годах отчетливо прослеживается увеличение удельного веса среди мигрантов (16—24%), что свидетельствует о позитивных последствиях демографической политики государства. В то же время лишь в некоторых муниципалитетах отмечается резкое увеличение доли этой когорты именно среди прибывших, где она превысила соответствующую долю среди выбывших. Это прежде всего Кировский и Ломоносовский МР, Зеленоградский ГО, а также Калининград и ГО «Город Нарьян-Мар». Во всех остальных наблюдается «омоложение» возрастной структуры выбывающих, и в исходящем потоке доля детей продолжает превышать долю среди вновь прибывших.

Затем идет молодежь в возрасте 20—24 лет, которая меняет место жительства с целью учебы и профессиональной самореализации. Данные в конкретно-годовом срезе демонстрируют сокращение удельного веса лиц 20—24 лет среди мигрантов в среднем до 6—8% в 2020 году. Максимальная миграционная мобильность молодежи наблюдается в Балтийском ГО, где на эту когорту приходится более 20% всех прибывших и более 10% выбывших. Повышенный удельный вес также присущ ГО «Новая Земля», ГО «Город Нарьян-Мар», Ловозерскому и Терскому МР, Санкт-Петербургу. Здесь на иммигрантов в возрасте 20—24 лет приходится 10—15%. Следует также обратить внимание на более высокую долю молодежи в структуре эмигрантов сравнительно с иммигрантами в Калининграде и Санкт-Петербурге.

Когорта переселенцев 15—19 лет незначительно представлена в структуре миграционных потоков (до 7%). Повышенная доля (более 10%) отмечается только в Санкт-Петербурге, который стягивает абитуриентов со всей страны в свои вузы. Также более высокая доля среди выбывших в северных муниципалитетах.

Доля лиц в возрасте старше 65 лет среди мигрантов не превышает 5—6%. Исключением являются территории Крайнего Севера, а именно ГО «Город Нарьян-Мар», Ловозерский МР, где их удельный вес еще меньше. Здесь наблюдается тенденция оттока пенсионеров, которые по истечении срока трудовой деятельности выбирают местом постоянного проживания территории с более благоприятным климатом. Особенно ярко это проявляется в ГО «Новая Земля», где эта категория лиц практически отсутствует среди мигрантов. В свою очередь, многие ГО Калининградской области являются реципиентами лиц старше трудоспособного возраста. Так, в Зеленоградском, Мамоновском, Пионерском и Светлогорском МО удельный вес прибывающих пенсионеров существенно выше, чем выбывающих.

Заключение

Российская приморская зона Балтийского, Белого и Баренцева морей, как и территории сопредельных стран, крайне неоднородна по уровню миграционной привлекательности. На макроуровне в российских субъектах, как в Норвегии и Финляндии, преобладающим фактором притяжения выступает тяготение к крупной городской агломерации. Наиболее заметный отток населения сохраняется в северных регионах России и Норвегии. Несмотря на это, приморское положение на микроуровне

в Архангельской области определяет более благоприятное развитие миграционной обстановки, чем в континентальной части региона, а именно — менее интенсивную убыль населения. В наиболее привлекательных приморских муниципалитетах Калининградской и Ленинградской областей миграция многократно компенсирует естественную убыль населения.

В российской части Балтийского, Белого и Баренцева морей выделяются два крупных ареала притяжения мигрантов — Санкт-Петербургская и Калининградская агломерации — и ряд отдельных приморских центров притяжения на территории северных субъектов СЗФО РФ. Важно отметить, что на фоне сжигания миграционно аттрактивного пространства приморской зоны в течение последних 10 лет нарастает интенсивность миграционного прироста сложившихся центров миграционного притяжения, т.е. протекает поляризация миграционного пространства исследуемой приморской зоны, главным образом в Калининградской и Санкт-Петербургской агломерациях.

Из 17 исследуемых территорий, демонстрирующих высокую миграционную привлекательность (исключая ГО «ЗАТО город Североморск»), несомненно, большей миграционной привлекательностью обладают Санкт-Петербург, МР Ленинградской области и ГО Калининградской области. Здесь отмечается высокая диверсификация факторов притяжения мигрантов (среди которых — повышенный спрос на рынке труда, низкая безработица, повышенный уровень оплаты труда, развитая система образования), в том числе обусловленных приморским положением, а также поддержка на федеральном уровне, в частности в отношении привлечения инвестиций. В свою очередь, исследуемые арктические муниципалитеты имеют единственный фактор притяжения мигрантов — более высокий уровень оплаты труда, так как в них существуют северные надбавки к зарплате в размере 100%. То есть фактически работники организаций на этих территориях должны получать заработную плату в двойном размере. Однако значимость северных преференций за работу в суровых климатических условиях в исследуемые годы фактически нивелируется. Так, в 2019 году среднемесячная заработная плата работников организаций ГО «Город Нарьян-Мар» (без учета субъектов малого предпринимательства) лишь на 15% превышала оплату труда в Ломоносовском МР, на 20% — в Санкт-Петербурге и на 55,5% — в Калининграде. В ГО «Новая Земля» среднемесячная зарплата была выше, чем в Ломоносовском МР, лишь на 5%, а оплата труда в Ловозерском МР — ниже, чем в Санкт-Петербурге, МР Ленинградской области и Янтарном ГО¹⁷. Практика стимулирования инвестиционной деятельности в арктических субъектах начинает вводиться только с 2021 года.

В ГО «ЗАТО город Североморск», который является базой Северного военно-морского флота, в Балтийском ГО — базе Балтийского военно-морского флота — и в ГО «Новая Земля», где функционируют объекты военно-оборонного значения, фактором, сдерживающим приток мигрантов, стал особый режим допуска граждан на территорию и ограничения на право ведения хозяйственной и предпринимательской деятельности. Особый правовой режим ведения хозяйственной деятельности действует и в Ловозерском МР, который, согласно Распоряжению Правительства РФ от 2009 года, отнесен к особо охраняемым территориям традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации¹⁸.

¹⁷ Подсчитано авторами на основе Базы данных показателей муниципальных образований (URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/>).

¹⁸ *Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации* : распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 г. № 631-р (с изменениями на 11 февраля 2021 года) // Электронный фонд правовых и научно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902156317?marker=1ODASOI> (дата обращения: 04.09.2021).

Несмотря на то что миграция, как правило, обогащает состав принимающего населения, в семи центрах притяжения мигрантов наблюдается замещение местного населения выходцами из других регионов России и стран, как правило, СНГ. Обращает на себя внимание также повышенная доля участия в международной миграции среди рассматриваемых территорий.

Отмечаемая в большинстве исследуемых центров притяжения мигрантов «феминизация» потоков негативно сказывается на гендерных диспропорциях в структуре населения. Сохраняющееся превалирование мужского населения среди мигрантов, обусловленное «мужской» структурой экономики в иных муниципалитетах, требует активизации усилий по перераспределению населения внутри региона посредством создания рабочих мест для женского населения.

Значительное сокращение доли наиболее экономически активных на рынке труда когорт мигрантов (20—59 лет), особенно в структуре входящих потоков, свидетельствует как об изменении структуры населения в целом, так и о постепенном смещении факторов притяжения в исследуемые центры: с сугубо трудовой сферы в сторону социальных факторов, наиболее значимых для иных возрастных групп. Привлекающее на первый взгляд «омоложение» миграционных потоков, к сожалению, в большинстве случаев отражается главным образом на структуре эмиграции. Наиболее значимым выглядит практически повсеместное «старение» входящих потоков (за исключением ГО «Новая Земля» и Всеволожского МР), что подтверждают более ранние исследования [49].

По мнению авторов настоящей статьи, одним из факторов повышения миграционной привлекательности и экономической активности целого ряда исследуемых муниципалитетов мог бы стать туризм (с акцентом на поддержку ведения малого и среднего бизнеса). К таким муниципалитетам относятся Балтийский, Пионерский и Янтарный округа, где значительна протяженность естественных пляжей. В Гурьевском и Мамоновском ГО имеется потенциал для развития сельскохозяйственного, культурно-исторического и событийного туризма. В Зеленоградском ГО перспективными направлениями являются лечебно-оздоровительный, сельский, экологический, водный и культурно-исторический туризм. Все северные/арктические приморские муниципалитеты обладают большим потенциалом для развития арктического, спортивного и экстремального туризма. Дополнительно в местах проживания коренных малочисленных народов (ГО «Город Нарьян-Мар» и Ловозерский МР) существенный интерес представляет этнокультурный туризм.

Мощным толчком к экономическому развитию арктических территорий и, соответственно, возрастанию факторов миграционной привлекательности может стать реконструкция Северного морского пути и развитие соответствующей транспортной инфраструктуры. Нуждаются в реконструкции Мурманский и Архангельский морские порты, морской порт ГО «Город Нарьян-Мар» и его морской терминал в Амдерме. Хотелось бы надеяться на воплощение в жизнь проекта строительства морского порта Индига на берегу Баренцева моря в Ненецком АО, который расположен на трассе Северного морского пути. Позитивные изменения в северных приморских муниципалитетах возможны в связи с тем, что федеральным законом от 13 июля 2020 года «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» эти территории приравнены к особой экономической зоне¹⁹.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 1918-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции») в части анализа миграционной обстановки в приморской зоне России. Работа выполнена с использованием средств государственного бюджета по госзаданию на 2021 год № 2249-21 «Реализация научно-исследовательских мероприятий по проблемам геополитики и исторической памяти на калининградском направлении» в части сопоставления миграционной обстановки в приморской зоне России и сопредельных стран.

¹⁹ О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: федер. закон от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/b6a66c38be962d3c8a290a889ef73e8df5d4bbbb/ (дата обращения: 18.08.2021).

Список литературы

1. Massey D., Arango J., Hugo G. et al. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, № 3. P. 431—466.
2. Lee E. S. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3, № 1. P. 47—57.
3. Simon F. C., Stark O. A Theory of Migration as a Response to Occupational Stigma // International Economic Review. 2011. Vol. 52, № 2. P. 549—571.
4. Fedorov G. M., Mikhailov A. S., Kuznetsova T. Yu. The influence of the sea on the economic development and settlement structure in the Baltic Sea region // Baltic region. 2017. Vol. 9, № 2. P. 4—18. 10.5922/2074-9848-2017-2-1.
5. Druzhinin A. G. The coastalisation of population in today's Russia: A sociogeographical explication // Baltic region. 2017. Vol. 9, № 2. P. 19—30. 10.5922/2074-9848-2017-2-2.
6. Creel L. Ripple effects: population and coastal regions. Washington, 2003.
7. Coldbach C. Out-migration from Coastal Areas in Ghana and Indonesia — the Role of Environmental Factors // CESifo Economic Studies. 2017. Vol. 63, № 4. P. 529—559. <https://doi.org/10.1093/cesifo/ifx007>.
8. Druzhinin A., Mikhaylov A., Lialina A. Migration and innovation attractiveness of coastal regions: analysis of interdependence in Russia // Quaestiones Geographicae. 2021. Vol. 40, № 2. P. 5—18. 10.2478/quageo-2021-0019.
9. Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. 1971. Vol. 61, № 2. P. 219—249.
10. Montanari A., Staniscia B. From global to local: Human mobility in the Rome coastal area in the context of the global economic crisis // Volltextausgaben. 2011. № 3—4. P. 127—200. <https://doi.org/10.4000/belgeo.6300>.
11. Iden G., Richter C. Factors Associated with Population Mobility in the Atlantic Coastal Plains Region // Land Economics. 1971. Vol. 47, № 2. P. 189—195.
12. Fulanda B., Munga C., Ohtomi J. et al. The structure and evolution of the coastal migrant fishery of Kenya // Ocean & Coastal Management. 2009. Vol. 52, № 9. P. 459—466. <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2009.07.001>.
13. Merks J.-L., Reimann L., Hinkel J., Vafeidis A. T. Gridded population projections for the coastal zone under the Shared Socioeconomic Pathways // Global and Planetary Change. 2016. Vol. 145. P. 57—66. 10.1016/j.gloplacha.2016.08.009.
14. O'Reilly K. The British on the Costa del Sol. L., 2000.
15. Janoschka M., Haas H. (Eds.) Contested Spatialities, Lifestyle Migration and Residential Tourism. L., 2013.
16. Huber A., O'Reilly K. The construction of Heimat under conditions of individualised modernity: Swiss and British elderly migration in Spain // Ageing and Society. 2004. Vol. 24, № 3. P. 327—351.
17. Casado-Díaz M. Retiring to Spain: An Analysis of Difference among North European Nationals // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2006. Vol. 32, № 8. P. 1321—1339.
18. Benson M., O'Reilly K. Lifestyle Migration: Expectations, Aspirations, and Experiences. L., 2009.
19. Membrado J. K. Pensioners' coast: migration of elderly north Europeans to the Costa Blanca // MÉTODE Science Studies Journal. 2015. Iss. 5. P. 65—73. 10.7203/metode.81.3111.
20. Laiz I., Relvas P., Plomaritis T., Garel E. Erasmus experience between the University of Cadiz (Spain) and the University of Algarve (Portugal) // EDULEARN16: proceedings of conference. Barcelona, 2016. P. 4649—4653. 10.21125/edulearn.2016.2119.
21. Ionov V. V., Kaledin N. V., Kakhro N. M. et al. Forms of International cooperation in Environmental education: the experience of Saint Petersburg State University // Baltic region. 2016. Vol. 8, № 4. P. 114—128. doi: 10.5922/2074-9848-2016-4-8.
22. Burt J., Killilea M., Ciprut S. Coastal urbanization and environmental change: Opportunities for collaborative education across a global network university // Regional Studies in Marine Science. 2019. 26:100501. 10.1016/j.rsma.2019.100501.
23. Klemeshev A. P., Korneevets V. S., Palmowski T. et al. Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region // Baltic region. 2017. Vol. 9, № 4. P. 4—20. 10.5922/2079-8555-2017-4-1.
24. Kostyaev A., Fedorov G., Kuznetsova A. et al. The Baltic Sea Region in the demographic dimension // The 13th International Days of Statistics and Economics: proceedings of conference. Prague, 2019. P. 783—793. 10.18267/pr.2019.los.186.78.

25. *Ryazantsev S. V., Molodikova I. N.* Guest Editor's Introduction. New economic and migratory trends in the Baltic Sea region during the COVID-19 pandemic // *Baltic region*. 2020. Vol. 12, № 4. P. 4—9. 10.5922/2079-8552-2020-4-1.
26. *Лялина А. В.* Роль миграции в демографическом развитии Калининградской области // *Региональные исследования*. 2019. № 4. С. 73—84. doi: 10.5922/1994-5280-2019-4-6.
27. *Житин Д. В., Шендрик А. В.* Динамика численности населения городов Ленинградской области: влияние кризиса 2014—2016 годов // *Известия Русского географического общества*. 2017. Т. 149, № 6. С. 24—43.
28. *Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению* / под ред. В. В. Фаузер. Сыктывкар, 2016.
29. *Фаузер В. В.* Население российского Севера: проблемы воспроизводства // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2017. Т. 54, № 3. С. 121—133.
30. *Гильтман М. А., Обухович Н. В., Ларионова Н. И.* Влияние заработной платы в Европейской части России на миграцию в районах Крайнего Севера // *Мир России. Социология. Этнология*. 2020. Т. 29, № 3. С. 28—50.
31. *Коровкин А. Г., Долгова И. Н., Единак Е. А., Королев И. Б.* Оценка состояния и перспектив развития рынков труда и миграционных взаимосвязей регионов российской Арктики // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2015. Т. 6, № 4—1. С. 213—222.
32. *Sukneva S. A., Nikulkina I. V.* Tax Mechanisms of Economic Development and the Improvement of Migration Situation in the Russian Arctic // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2017. Vol. 7, № 1. P. 144—153.
33. *Sokolova F., Wooik C.* The Russian Arctic in the Post-Soviet Period: Dynamics of Migration Processes // *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2019. Vol. 8, № 2. P. 197—225.
34. *Heleniak T.* Out-Migration and Depopulation of the Russian North during the 1990s // *Post-Soviet Geography and Economics*. 1999. Vol. 40, № 3. P. 155—205. doi:10.1080/10889388.1999.10641111.
35. *Heleniak T.* The Role of Attachment to Place in Migration Decisions of the Population of the Russian North // *Polar Geography*. 2009. Vol. 32, № 1—2. P. 31—60. 10.1080/10889370903000398.
36. *Лялина А. В.* Миграционные процессы в приморских муниципалитетах Калининградской области: «агломерационные» эффекты или талассоаттрактивность? // *Псковский региональный журнал*. 2021. Т. 46, № 2. С. 58—78
37. *Кочемасова А. Б.* Миграционные потоки г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области: анализ, проблемы, перспективы // *European research: innovation in science, education and technology*. 2015. № 8 (9). С. 50—52
38. *Мкртчян Н. В.* Внутророссийская миграция в региональных столицах и нестоличных территориях // *Научные труды: Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН*. 2018. 10.29003/m280.sp_ief_ras2018/568—585.
39. *Регионы Севера и Арктики Российской Федерации: современные тенденции и перспективы развития: монография* / под науч. ред. Т. П. Скуфыной, Н. А. Серовой. Апатиты, 2017.
40. *Социально-экономическое развитие северо-арктических территорий России: монография* / под науч. ред. Т. П. Скуфыной, Е. Е. Емельяновой. Апатиты, 2019.
41. *Druzhinin A. G.* The coastalisation of population in today's Russia: A sociogeographical explication // *Baltic region*. 2017. Vol. 9, № 2. P. 19—30. 10.5922/2074-9848-2017-2-2.
42. *Karachurina L. B., Mkrtychyan N. V.* Role of migration in enhancing contrasts of settlement pattern at municipal level in Russia // *Regional research of Russia*. 2016. Vol. 6, № 4. P. 332—343. 0.1134/S2079970516040080.
43. *Вакуленко Е. С., Мкртчян Н. В., Фурманов К. К.* Опыт моделирования миграционных потоков на уровне регионов и муниципальных образований РФ // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2011. № 1. С. 431—450.
44. *Дружинин А. Г., Лялина А. В.* Приморские муниципалитеты России: концептуализация, идентификация, типологизация // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2020. № 2—1 (2). С. 320—351.
45. *Василенко П. В.* Методика оценки миграционной привлекательности территории // *Географический вестник*. 2014. Т. 3, № 3. С. 38—46.
46. *Вдовина Э. Л., Круглова А. В.* Оценка миграционной привлекательности депрессивных регионов Средней России // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского*. 2009. № 18. С. 105—110.

47. Рыбачкова А. В. Современная оценка миграционной привлекательности регионов Центральной России и Поволжья // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: www.science-education.ru/120-16707.

48. Rangel C. G., Lopez E. J. Redistribution of migratory attractiveness among Mexican municipalities, 2000—2020 // *Estud. demogr. urbanos*. 2018. Vol. 33, № 2. P. 289—325. <https://doi.org/10.24201/edu.v33i2.1739>.

49. Соколов Н. В., Рехтина Л. С. От молодежной миграции к миграции пожилых: парадоксы старения принимающего общества // *ЖИСП*. 2018. Т. 16, № 1. С. 51—66.

Об авторах

Флера Харисовна Соколова, доктор исторических наук, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Россия.

E-mail f.sokolova@narfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3063-6128>

Анна Валентиновна Лялина, кандидат географических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

MIGRATION ATTRACTIVENESS OF THE COASTAL ZONE OF RUSSIA'S NORTH-WEST: LOCAL GRADIENTS

F. Kh. Sokolova¹

A. V. Lyalina²

¹ Northern (Arctic) Federal University
named after M.V Lomonosov
2 Lomonosova pr., Arkhangelsk, 163002, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 29.08.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-4

© Sokolova, F. K., Lyalina, A. V., 2021

A well-acknowledged driver of change, population movement intensifies the development of coastal territories. The Russian North-West holds a vast coastal zone. Granting access to the Baltic, the White, and the Barents Seas, it is an area of geostrategic importance where much of the country's coastal economy — one of the national priorities — is located. Push and pull factors are enormously diverse in the area, as are migration flows forming attraction poles for migrants. There is little research on the issue despite its social and practical significance. Thus, research is required to examine how the coastal factor can benefit the migration attractiveness and human resources of Russian coastal territories of geostrategic importance. This study aims to delineate coastal territories and investigate local migration flows compared to those recorded in inland regions. The research draws on the concept of coastalisation, employing universal, geographical, and statistical research methods. It uses documentary sources and official 2011—2020 statistics. The findings show that the coastal position and maritime economic activity are relevant factors for migration attractiveness. Saint Petersburg

To cite this article: Sokolova, F. K., Lyalina, A. V., 2021, Migration attractiveness of the coastal zone of Russia's North-West: local gradients, *Balt. Reg.*, Vol. 13, no 4, p. 54—78. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-4.

and the coastal municipalities of the Leningrad and Kaliningrad regions are more attractive to migrants than more northerly territories. However, there are attraction poles farther north too, and the coastal zone of the Arkhangelsk region attracts more migrants than its inland part. The study demonstrates the growing polarisation of migration space in the coastal areas and especially agglomerations. Changes in the age structure of immigration flows have caused social factors in attractiveness to migrants to replace employment-related factors.

Keywords:

coastal zone, migration attractiveness, migration, coastalisation, attraction poles for migrants, Russian North-West, Arctic

References

1. Massey, D., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, J. 1993, Theories of International Migration: A Review and Appraisal, *Population and Development Review*, vol. 19, no. 3, p. 431—466.
2. Lee, E.S. 1966, A Theory of Migration, *Demography*, vol. 3, no. 1, p. 47—57.
3. Simon, F.C., Stark, O. A 2011, Theory of Migration as a Response to Occupational Stigma, *International Economic Review*, vol. 52, no. 2, p. 549—571.
4. Fedorov, G.M., Mikhailov, A.S., Kuznetsova, T.Yu. 2017, The influence of the sea on the economic development and settlement structure in the Baltic Sea region, *Balt. Reg.* vol. 9, no. 2, p. 4—18. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2074-9848-2017-2-1>.
5. Druzhinin, A.G. 2017, The coastalisation of population in today's Russia: A sociogeographical explication, *Balt. Reg.*, vol. 9, no. 2, p. 19—30. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2074-9848-2017-2-2>.
6. Creel, L. 2003, *Ripple effects: population and coastal regions*, Washington.
7. Coldbach, C. 2017, Out-migration from Coastal Areas in Ghana and Indonesia — the Role of Environmental Factors, *CESifo Economic Studies*, vol. 63, no. 4, p. 529—559. doi: <https://doi.org/10.1093/cesifo/ifx007>.
8. Druzhinin, A., Mikhaylov, A., Lialina A. 2021, Migration and innovation attractiveness of coastal regions: analysis of interdependence in Russia, *Quaestiones Geographicae*, vol. 40, no. 2, p. 5—18. doi: <https://doi.org/10.2478/quageo-2021-0019>.
9. Zelinsky, W. 1971, The Hypothesis of the Mobility Transition, *Geographical Review*, vol. 61, no. 2, p. 219—249.
10. Montanari, A., Staniscia, B. 2011, From global to local: Human mobility in the Rome coastal area in the context of the global economic crisis, *Volltextausgaben*, no. 3—4. p. 127—200. doi: <https://doi.org/10.4000/belgeo.6300>.
11. Iden, G., Richter, C. 1971, Factors Associated with Population Mobility in the Atlantic Coastal Plains Region, *Land Economics*, vol. 47, no. 2, p. 189—193.
12. Fulanda, B., Munga, C., Ohtomi, J., Osore, M., Mugo, R., Hossain, M.Y. 2009, The structure and evolution of the coastal migrant fishery of Kenya, *Ocean & Coastal Management*, vol. 52, no. 9, p. 459—466. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2009.07.001>.
13. Merkens, J.-L., Reimann, L., Hinkel, J., Vafeidis, A.T. 2016, Gridded population projections for the coastal zone under the Shared Socioeconomic Pathways, *Global and Planetary Change*, no. 145, p. 57—66. doi: <https://doi.org/10.1016/j.gloplacha.2016.08.009>.
14. O'Reilly, K. 2000, *The British on the Costa del Sol*, London.
15. Janoschka, M., Haas, H. (eds.) 2013, *Contested Spatialities, Lifestyle Migration and Residential Tourism*, London.
16. Huber, A., O'Reilly, K. 2004, The construction of Heimat under conditions of individualised modernity: Swiss and British elderly migration in Spain, *Ageing and Society*, vol. 24, no. 3, p. 327—351.
17. Casado-Díaz, M. 2006, Retiring to Spain: An Analysis of Difference among North European Nationals, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 32, no. 8, p. 1321—1339.
18. Benson, M., O'Reilly, K. 2009, *Lifestyle Migration: Expectations, Aspirations, and Experiences*, London.

19. Membrado, J.K. 2015, Pensioners' coast: migration of elderly north Europeans to the Costa Blanca, *MÉTODE Science Studies Journal*, no. 5, p. 65–73. doi: <https://doi.org/10.7203/metode.81.3111>.
20. Laiz, I., Relvas, P., Plomaritis, T., Garel, E. 2016, Erasmus experience between the University of Cadiz (Spain) and the University of Algarve (Portugal), *EDULEARN16: proceedings of conference*, Barcelona, p. 4649–4653. doi: <https://doi.org/10.21125/edulearn.2016.2119>.
21. Ionov, V.V., Kaledin, N.V., Kakhro, N.M., Kassens, H., Movchan, V.N., Pfeiffer E.-M., Fedorova, I.V., Zubrzycki, S. 2016, Forms of International cooperation in Environmental education: the experience of Saint Petersburg State University, *Balt. Reg.*, vol. 8, no. 4, p. 86–95. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-4-8>.
22. Burt, J., Killilea, M., Ciprut, S. 2019, Coastal urbanization and environmental change: Opportunities for collaborative education across a global network university, *Regional Studies in Marine Science*, vol. 26, art.100501. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rsm.2019.100501>.
23. Klemeshev, A.P., Korneevets, V.S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G. M. 2017, Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region, *Balt. Reg.*, vol. 9, no. 4, p. 4–20. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-4-1>.
24. Kostyaev, A., Fedorov, G., Kuznetsova, A., Nikonova, G., Letunov, S., Nikonov, A. 2019, The Baltic Sea Region in the demographic dimension. In: *The 13th International Days of Statistics and Economics: proceedings of conference*, Prague, p. 783–793. doi: <https://doi.org/10.18267/pr.2019.los.186.78>.
25. Ryazantsev, S.V. Molodikova, I.N. 2020, Guest Editor's Introduction. New economic and migratory trends in the Baltic Sea region during the COVID-19 pandemic, *Balt. Reg.*, vol. 12, no. 4, p. 4–9. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-1>.
26. Lyalina, A.V. 2019, The role of migration in the demographic development of the Kaliningrad region, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 4, p. 73–84. doi: <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-4-6> (in Russ.).
27. Zhitin, D.V., Shendrik, A.V. 2017, Dynamics of the population of the cities of the Leningrad region: the impact of the crisis of 2014–2016, *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Geographical Society], vol. 149, no. 6, p. 24–43 (in Russ.).
28. Fauser, V.V. (ed.) 2016, *Naselenie severnykh regionov: ot kolichestvennykh pokazatelei k kachestvennomu izmereniyu* [The population of the northern regions: from quantitative indicators to qualitative measurement], Syktyvkar, SSU im. Pitirima Sorokin, 240 p. (in Russ.).
29. Fauser, V.V. 2017, The population of the Russian North: problems of reproduction, *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo porjadka* [The North and the Market: Formation of the Economic Order], vol. 54, no. 3, p. 121–133 (in Russ.).
30. Giltman, M.A., Obukhovich, N.V., Larionova, N.I. 2020, Impact of wages in the European part of Russia on migration in the Far North, *Mir Rossii*, vol. 29, no. 3, p. 28–50. doi: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-28-50> (in Russ.).
31. Korovkin, A.G., Dolgova, I.N., Edinak, E.A., Korolev, I.B. 2015, Assessment of the state and prospects for the development of labor markets and migration relationships in the regions of the Russian Arctic, *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)* [WORLD (Modernization. Innovation. Development)], vol. 6, no. 4–1, p. 213–222 (in Russ.).
32. Sukneva, S.A., Nikulkina, I.V. 2017, Tax Mechanisms of Economic Development and the Improvement of Migration Situation in the Russian Arctic, *International Journal of Economics and Financial Issues*, vol. 7, no. 1, p. 144–153.
33. Sokolova, F., Wooik, C. 2019, The Russian Arctic in the Post-Soviet Period: Dynamics of Migration Processes, *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, vol. 8, no. 2, p. 197–225.
34. Heleniak, T. 1999, Out-Migration and Depopulation of the Russian North during the 1990s, *Post-Soviet Geography and Economics*, vol. 40, no. 3, p. 155–205. doi: <https://doi.org/10.1080/10889388.1999.10641111>.
35. Heleniak, T. 2009, The Role of Attachment to Place in Migration Decisions of the Population of the Russian North, *Polar Geography*, vol. 32, no. 1–2, p. 31–60. doi: <https://doi.org/10.1080/10889370903000398>.
36. Lyalina, A.V. 2021, Migration processes in the coastal municipalities of the Kaliningrad region: “agglomeration” effects or thalasso-attractiveness? *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regional Journal], vol. 46, no. 2, p. 58–78 (in Russ.).

37. Kochemasova, A.B. 2015, Migration flows of St. Petersburg and the Leningrad region: analysis, problems, prospects, *European research: innovation in science, education and technology*, no. № 8 (9), p. 50—52 (in Russ.).
38. Mkrтчyan, N.V. 2018, Intra-Russian migration in regional capitals and non-capital territories, *Nauchnye Trudy* [Scientific works], Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. doi: https://doi.org/10.29003/m280.sp_ief_ras2018/568-585.
39. Skuf'ina, T.P., Serova, N.A. (eds.) 2017, Regiony Severa i Arktiki Rossiiskoi Federatsii: sovremennye tendentsii i perspektivy razvitiya: monografiya [Regions of the North and the Arctic of the Russian Federation: current trends and development prospects: monograph], Apatity, KSC RAS, 171 p. (in Russ.).
40. Skuf'ina, T.P., Emelyanova, E.E. (eds.) 2019, *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie severo-arkticheskikh territorii Rossii* [Socio-economic development of the north-arctic territories of Russia], Apatity, KSC RAS, 119 p. (in Russ.).
41. Druzhinin, A.G. 2017, The coastalisation of population in today's Russia: A sociogeographical explication, *Balt. Reg.*, vol. 9, no. 2, p. 19—30. doi: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-2-2>.
42. Karachurina, L.B., Mkrтчyan, N.V. 2016, Role of migration in enhancing contrasts of settlement pattern at municipal level in Russia, *Regional Research of Russia*, vol. 6, no. 4, p. 332—343. doi: <https://doi.org/10.1134/S2079970516040080>.
43. Vakulenko, E.S., Mkrтчyan, N.V., Furmanov, K.K. 2011, Experience in modeling migration flows at the level of regions and municipalities of the Russian Federation, *Nauchnye Trudy* [Scientific works], Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, no. 1, p. 431—450 (in Russ.).
44. Druzhinin, A.G., Lyalina, A.V. 2020, Primorsky municipalities of Russia: conceptualization, identification, typology, *Geopolitika i ekogeodinamika regionov* [Geopolitics and ecogeodynamics of regions], no. 2—1 (2), p. 320—351 (in Russ.).
45. Vasilenko, P.V. 2014, Methodology for assessing the migration attractiveness of a territory, *Geograficheskii vestnik* [Geographical Bulletin], vol. 3, no. 3, p. 38—46 (in Russ.).
46. Vdovina, E.L., Kruglova, A.V. 2009, Assessment of the migration attractiveness of depressed regions of Central Russia, *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo* [Izvestia of the Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky], no. 18, p. 105—110 (in Russ.).
47. Rybachkova, A.V. 2014, Modern assessment of the migration attractiveness of the regions of Central Russia and the Volga region, *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], no. 6, available atL: www.science-education.ru/120-16707 (accessed 15.02.2021).
48. Rangel, C.G., Lopez, E.J. 2018, Redistribution of migratory attractiveness among Mexican municipalities, 2000—2020, *Estud. demogr. urbanos* [online], vol.33, no. 2, p. 289—325. doi: <https://doi.org/10.24201/edu.v33i2.1739>.
49. Sokolov, N.V., Rekhina, L.S. 2018, From youth migration to migration of the elderly: paradoxes of aging in the host society, *Zhurnal Issledovaniy Sotsial'noi Politiki* [Social Policy Research Journal], vol. 16, no. 1, p. 51—66 (in Russ.).

The authors

Prof. Flera K. Sokolova, Northern (Arctic) Federal University named after M.V Lomonosov, Russia.

E-mail f.sokolova@narfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3063-6128>

Dr Anna V. Lyalina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

ВОПРОСЫ МИГРАЦИИ

МИГРАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОЛЬШУ И СТРАНЫ БАЛТИИ: ДИНАМИКА И ОСОБЕННОСТИ

В. В. Воротников
А. А. Габарта

МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76
Институт Европы РАН,
125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11, стр. 3

Поступила в редакцию 13.08.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-5
© Воротников В.В., Габарта А.А., 2021

Цель статьи — проанализировать особенности миграции граждан государств постсоветского пространства в страны северо-восточной периферии ЕС (Польшу, Литву, Латвию, Эстонию) и оценить, насколько справедлив тезис о превращении их из стран-экспортеров в страны-реципиенты рабочей силы. После смены социально-экономической парадигмы и вхождения в ЕС они вступили на путь ускоренного экономического развития. В этих государствах вырос уровень благосостояния и доходов граждан, ощутимо снизился уровень безработицы, но дальнейший экономический рост стал усложняться из-за оттока и возникшего в результате этого дефицита квалифицированной рабочей силы. Такое положение дел побуждает правительства стран Балтии и Польши разрабатывать программы по привлечению трудовых мигрантов из-за рубежа. Анализируемые государства в достаточно короткий промежуток времени превратились из экспортеров рабочей силы в ее импортеров. В отличие от стран Западной Европы Польша и — в меньшей степени — страны Балтии стремятся привлечь мигрантов, имеющих географическую, культурную и языковую близость с центром притяжения рабочей силы. В перспективе это должно способствовать их быстрой и легкой интеграции в общество. Также правительства Польши и Литвы разрабатывают целый комплекс мер по привлечению и переселению на историческую родину лиц, проживающих на постсоветском пространстве, имеющих польское или литовское происхождение. Таким образом, для достижения поставленной цели авторы анализируют динамику и особенности миграционных потоков; факторов притяжения мигрантов; характерных черт миграционной политики стран-реципиентов, а также эволюции диаспоральной политики.

Ключевые слова:

ЕС, Польша, страны Балтии, Литва, Латвия, Эстония, постсоветское пространство, международная миграция, диаспоры, Карта поляка, репатрианты, диаспоральная политика

Введение

Международная миграция населения является естественным процессом перемещения людей между странами как на временной, так и на постоянной основе [1]. Вместе с отменой ограничений на перемещение товаров, услуг и капитала на рубеже XX–XXI веков также имела место либерализация принципов перемещения рабочей силы. У этого феномена есть различные причины — от поиска лучших условий жизни до единственного способа выжить. В последнее время в научном сообществе вырос интерес к изучению теоретических аспектов международной

Для цитирования: Воротников В. В., Габарта А. А. Миграция жителей постсоветского пространства в Польшу и страны Балтии: динамика и особенности // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 4. С. 79–94. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-4.

миграции, а прежде всего ее последствий в социальной сфере, как на макро-, так и на микроуровне. Этим можно объяснить повышенное внимание к этой теме среди экономистов, социологов, политологов и даже культурологов, результатом чего стала публикация огромного количества исследований, анализирующих причины миграции, ее воздействие на состояние рынков труда, включая их внутреннюю конкурентоспособность, уровень заработной платы, дефицит или избыток определенных профессий. Большой вклад в изучение вышеупомянутых закономерностей внесли Дж. Бхавати [2], Г. Борхас [3; 4], Д. Дэвис и Д. Вайнштейн [5], Р. Фаини [6], Р. Фридберг и Дж. Хант [7], Д. Хамермеш [8], Ж.-С. Пишке и Д. Вейлинг [9], Т. Гамельтофт-Хансен, Н. Н. Соренсен [10], а также О. Ю. Потемкина [11; 12], С. В. Рязанцев [13; 14] и др. Научная литература по миграционной проблематике посвящена различным аспектам данного явления, что свидетельствует о том, что объект изучения не теряет своей актуальности, а наоборот, только ее усиливает, приобретая, более того, междисциплинарный характер. Кроме экономических последствий международная миграция оказывает влияние как в социальном, так и культурном измерениях. Она порождает как адаптационные процессы, так и социальные конфликты; как интеграционные, так и дезинтеграционные процессы. Миграция может способствовать культурному разнообразию принимающей стороны через появление новых форм проведения досуга, моделей потребления, профессиональной этики, коммуникации и управления. Миграция также влияет на отношения в семье, которая участвует в этом процессе, навязывая мигрантам новые модели поведения, социальные роли или меняя существующие. Другим не менее важным объектом изучения выступают различные ожидания и опасения со стороны общества, которые сопровождали миграцию на протяжении многих десятилетий.

Таким образом, мы имеем дело с феноменом, приобретающим большое значение для общественной жизни. Миграция как социальное явление — неотъемлемая часть социальной реальности. Его игнорирование может привести к непониманию мотивации людей, решивших мигрировать в другое государство для улучшения своих условий жизни.

Целью статьи является анализ особенностей миграционных потоков из государств постсоветского пространства в страны северо-восточной периферии ЕС. Предмет исследования — четыре постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы: Польша, Литва, Латвия и Эстония, постепенно превращающиеся из экспортеров рабочей силы, которыми они были на протяжении последних 30 лет, в центр притяжения миграционных потоков. Для подтверждения этой гипотезы авторы работы ставят перед собой следующие задачи: анализ миграционных потоков граждан постсоветских стран в Польшу и страны Балтии, их динамики и особенностей; факторов притяжения мигрантов; характерных черт миграционной политики стран-реципиентов, а также эволюции диаспоральных политик. В статье рассматриваются нормативные акты Польши и стран Балтии, статистические материалы, а также публикации исследователей из указанных государств и данные проведенных в исследуемых странах социологических опросов.

Факторы миграции

Польша и страны Балтии большую часть своей новейшей истории выступали в роли экспортеров рабочей силы [15]. Одним из последствий их миграционной истории в последние два столетия является наличие значительных диаспор за пределами страны: польская может достигать 20 млн человек, литовская — не менее 1,3 млн латвийская — не менее 370 тыс., эстонская — от 120 до 200 тыс. [16].

В связи с развитием экономик этих государств после смены социально-экономической модели и вступления в ЕС постепенно стал наблюдаться рост уровня благосостояния граждан (более успешный в сравнении с другими постсоветскими странами — табл. 1), проявляющийся в увеличении реальной заработной платы, снижении безработицы, которая со временем сменилась проблемой нехватки рабочей силы, осо-

бенно в таких отраслях национальной экономики, как сельское хозяйство и строительство. Эти тенденции способствовали постановке в общественной дискуссии вопроса о необходимости облегчения доступа иностранцев на национальные рынки труда.

Таблица 1

Уровень ВВП на душу населения в 2011–2020 годах, тыс. долл. США

Страна	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Польша	13,9	13,1	13,7	14,3	12,6	12,4	13,9	15,5	15,7
Латвия	13,9	13,9	15,1	15,7	13,8	14,3	15,7	17,9	17,8
Литва	14,4	14,4	15,7	16,6	14,3	15,0	16,9	19,2	19,6
Эстония	17,6	17,5	19,2	20,4	17,5	18,4	20,5	23,2	23,7
Азербайджан	7,2	7,5	7,9	7,9	5,5	3,9	4,1	4,7	4,8
Армения	3,5	3,7	3,8	4,0	3,6	3,6	3,9	4,2	4,6
Белоруссия	6,5	6,9	8,0	8,3	5,9	5,0	5,8	6,3	6,7
Грузия	4,0	4,4	4,6	4,7	4,0	4,1	4,4	4,7	4,7
Казахстан	11,6	12,4	13,9	12,8	10,5	7,7	9,2	9,8	9,8
Киргизия	1,1	1,2	1,3	1,3	1,1	1,1	1,2	1,3	1,3
Молдавия	2,9	3,0	3,3	3,3	2,7	2,9	3,5	4,2	4,5
Россия	14,3	15,4	16,0	14,1	9,3	8,7	10,7	11,4	11,6
Таджикистан	0,8	1,0	1,0	1,1	0,9	0,8	0,8	0,8	0,9
Туркменистан	5,6	6,7	7,3	8,0	6,4	6,4	6,6	7,0	7,0
Узбекистан	1,9	2,1	2,3	2,5	2,6	2,6	1,8	1,5	1,7
Украина	3,6	3,9	4,0	3,1	2,1	2,2	2,6	3,1	3,7

Источник: составлено на основе статистических данных Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (дата обращения: 10.08.2021).

Основной экономический фактор, который побуждает граждан одной страны искать лучшую участь в другом государстве, — разница в уровне доходов. Обычно ее измеряют с помощью подушевого ВВП в анализируемых странах. Некоторые ученые склонны считать, что не менее важными факторами, а иногда даже доминирующими являются четыре нижеперечисленные [17].

1. Возрастная структура общества. Один из основополагающих факторов — это доля молодежи в общем количестве населения в стране — экспортере рабочей силы. Молодые люди в большей степени потенциально подвержены миграции, так как в отличие от своих старших соотечественников более склонны к риску. Реальные выгоды от миграции ожидаемы только спустя продолжительное время, поэтому на такой шаг легче идут те, у кого «вся жизнь впереди».

2. Финансовые ресурсы потенциальных мигрантов. Стоимость миграции может быть значительной и включать в себя не только прямые затраты на перемещение (легальное или нелегальное) в другую страну, но и дополнительные издержки, связанные с обустройством на новом месте, переездом семьи. Вследствие этого многие менее обеспеченные группы, несмотря на желание мигрировать, не могут профинансировать свой переезд. Миграция доступна скорее для лиц со средним уровнем дохода [18].

3. Уровень образования. С ростом уровня образования у потенциальных мигрантов наблюдается увеличение устремлений и осведомленности об экономических и социальных возможностях за рубежом. Они лучше ориентируются в имеющихся там перспективах.

4. Наличие общины в стране-реципиенте. Готовность людей к миграции возрастает по мере увеличения количества и качества доступной информации о стране

назначения. Потенциальному мигранту необходимо быть осведомленным об экономической и социальной обстановке в ней. В большинстве случаев эту информацию предоставляют лица с миграционным опытом. Существующая община мигрантов в стране назначения является основным каналом передачи информации.

При анализе потока мигрантов из стран постсоветского пространства в Польшу и государства Балтии можно прийти к выводу, что вышеупомянутые факторы были актуальны и существенным образом повлияли на принятие решения о трудовой миграции. Дополнительным фактором стала политическая нестабильность во «фронтирных» государствах. В украинском случае политические факторы привели к ухудшению экономического положения граждан, частичной географической переориентации потока трудовых мигрантов с востока на запад и в целом к более массовому характеру на западном направлении. В случае с Белоруссией события 2020 года способны оказать на рост миграции лишь крайне ограниченное влияние (несколько тысяч человек). Вместе с тем они коснулись большей частью двух социальных групп — студенчества и интеллектуального класса, а также в основном молодых (до 45 лет) предпринимателей в инновационном секторе экономики (в первую очередь ИТ).

Динамика притока мигрантов в Польшу и государства Балтии

Согласно польской статистике, во втором десятилетии XXI века количество иностранных граждан, легально находящихся в Польше, выросло почти в 5 раз — с 91 тыс. до 452 тыс. человек (табл. 2). Кроме того, Польша в последние годы находится в лидерах среди стран ЕС по количеству выданных разрешений на пребывание в стране. Начиная с 2014 года самой многочисленной группой иностранных граждан, имеющих разрешение на пребывание в Польше, стали граждане Украины. Их численность в анализируемый период (2011 — 2020) возросла более чем в 18,5 раз — с 13 тыс. до 241,6 тыс. чел. В 2020 году граждане Украины составляли более 53% от всех иностранцев, находящихся в Польше. В первую пятерку также вошли Белоруссия и Россия.

Количество граждан Белоруссии, находящихся в Польше, увеличилось более чем в 7,5 раз — с 3,6 тыс. до почти 28 тыс. человек, а граждан России — в 1,6 раза: с 7,5 тыс. до 12,2 тыс. человек.

Таблица 2

Численность иностранцев, имеющих разрешение на пребывание в Польше, 2011 — 2020 годы, чел.

Страна	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Всего</i>	91 258	105 067	115 413	128 620	165 369	218 775	272 269	320 569	391 234	452 091
Украина	13 026	15 529	16 970	22 242	45 157	78 451	114 974	147 903	195 606	241 612
Белоруссия	3668	4072	4263	4660	5602	7042	9991	14 651	21 787	27 915
Молдавия	369	405	394	477	508	749	1 001	1194	2 300	3 660
Россия	7586	7978	7804	7509	7397	8192	8966	9803	11 105	12 279
Грузия	252	321	411	448	654	981	1323	2535	5194	7828
Армения	1503	1951	2004	1840	2088	2454	2611	2772	3013	3131
Азербайджан	131	165	185	175	320	559	713	895	1142	1545
Казахстан	524	550	604	681	759	951	1 039	1122	1468	1700
Узбекистан	215	240	276	348	536	1079	1543	1650	1477	1835
Туркменистан	33	46	49	48	61	87	85	103	123	133
Киргизия	45	43	69	66	108	166	261	345	371	0
Таджикистан	30	57	47	53	72	140	322	458	476	607

Источник: составлено на основе статистических данных портала migracje.gov.pl. URL: <https://migracje.gov.pl/statystyki/zakres/polska/?x=1.3064&y=1.5202&level=1> (дата обращения: 10.08.2021).

Как уже было отмечено, самой многочисленной группой иммигрантов в Польше являются украинцы. В настоящее время основной причиной миграции украинцев в Польшу (помимо географической, культурной и языковой близости) становятся экономические условия в стране исхода, отсутствие перспектив на внутреннем рынке труда и политика сменяющих друг друга правительств, которые не смогли добиться существенного улучшения экономических показателей. Кроме того, украинцев тревожат отсутствие перспектив трудоустройства и повсеместная коррупция на родине. Огромные диспропорции в зарплатах и обесценивание гривны по отношению к другим валютам после 2014 года заставляют их мигрировать в поисках стабильных источников дохода. В конце 2010-х годов украинские работники трудились в каждой десятой польской компании (39% крупных компаний, 21% средних и 6% малых) преимущественно в производственных отраслях или в сфере услуг.

С 2019 года граждане Белоруссии — вторая по численности группа иностранцев, проживающих в Польше. В 2020 году подавляющее большинство белорусов (63%) получили разрешение на временное проживание с целью работы; также значительной была группа лиц, которая в качестве переезда в Польшу задекларировала воссоединение семьи (22%) или получение образования (5%). Начиная с лета 2020 года выросло количество обращений граждан Белоруссии за международной защитой в Польше. Всего в минувшем году было зарегистрировано 405 заявлений. В качестве причины обращения декларировалась сложная политическая ситуация в Белоруссии, сложившаяся после президентских выборов 2020 года¹.

Большинство из прибывших в Польшу мигрантов — граждане Украины, Белоруссии, Молдавии, Армении и России, обладающие средней или высокой квалификацией, которые покинули свою страну в поисках интересной и хорошо оплачиваемой работы. Согласно опросу, проведенному в первом квартале 2019 г. среди граждан постсоветского пространства, находящихся в Польше и имеющих разрешение на работу [19], 70% считают, что приезд в Польшу был выгоден и полезен для них, поэтому они планируют продолжать жить в этой стране.

Почти 60% опрошенных признались, что не видят своего будущего на родине, а 95% не удовлетворены уровнем зарплат и экономическим развитием в своей стране. Около 30% опрошенных экономических иммигрантов стремятся получить в Польше хорошее медицинское обслуживание, образование и социальное обеспечение. Чуть более половины респондентов убеждены, что в Польше можно зарабатывать гораздо больше, выполняя при этом менее престижную работу, чем на родине (рис. 1).

Рис. 1. Основные причины экономической миграции в Польшу граждан бывшего СССР, %

Источник: [19, p. 125].

¹ *Raport dot. obywateli Białorusi*. Urząd do Spraw Cudzoziemców. URL: <https://udsc.gov.pl/statystyki/raporty-specjalne/raport-dot-obywateli-bialorusi> (дата обращения: 06.08.2021).

Более половины респондентов считают неприемлемым продолжать жить в стране, где не соблюдаются законы и процветает коррупция. Примерно 60% опрошенных выразили обеспокоенность сложной политической ситуацией в своей стране. Кроме того, в ходе интервью опрашиваемые лица, находясь в Польше, отмечали, что чувствуют себя в большей безопасности, имеют больше возможностей для профессиональной самореализации, а упрощенная процедура регистрации собственного бизнеса способствует достижению этой цели [19].

Вступление Польши в ЕС значительно повысило ее привлекательность в глазах иностранцев не только как транзитной страны, но и как места учебы, работы и страны проживания. Дополнительным преимуществом Польши стало нахождение в Шенгенской зоне, благодаря чему приезжающим в страну на средне- и долгосрочное пребывание иностранцам предоставлена возможность свободно передвигаться по территории государств, входящих в Шенгенское соглашение.

Страны Балтии помимо ранее упомянутых факторов привлекают мигрантов из государств бывшего СССР тем, что русский язык продолжает играть роль *lingua franca* в бытовом, а часто и в деловом общении, что облегчает как трудоустройство, так и последующее проживание потенциальных мигрантов и членов их семей². Однако этот же фактор расценивается в Латвии и Эстонии местными националистами и национал-популистами (Национальным объединением и ЕКРЕ соответственно) негативно — как угроза национальной идентичности со стороны носителей русского языка и культуры. При этом публикуемые списки востребованных вакансий демонстрируют во всех странах высокую заинтересованность в прибытии как высококвалифицированных специалистов (например, в сфере ИТ), так и представителей рабочих специальностей.

Сведения относительно иммиграции в прибалтийские государства из государств бывшего СССР не столь богаты актуальными статистическими и социологическими выкладками, как в польском случае, однако имеющиеся данные все же позволяют выделить определенные тренды. Из таблицы 3 о предоставлении гражданам не входящих в ЕС государств разрешений на пребывание в этих странах всех типов видно, что Украина, Белоруссия и Россия — основные поставщики иностранной рабочей силы в государства Балтии. Кроме того, нелегальная трудовая миграция с Украины в Литву (и, возможно, Латвию) может также быть значительной, чему способствует возможность временного безвизового пребывания для граждан Украины на территории стран ЕС и, соответственно, трудоустройства, а затем и продолжения работы, к примеру, в «теневом» секторе экономики. Статистически оценить численность этой группы лиц не представляется возможным, однако, согласно данным официального литовского портала «Миграция в цифрах», если численность украинцев, официально проживающих в Литве на 1 января 2020 года, была 23 923 чел. (32% от общего числа зарегистрированных в стране иностранцев), то количество лиц, чье нелегальное пребывание на территории страны подтверждено, составило 724 чел. (37% от общего числа «нелегалов»)³.

² *I Lietuva jie važiuoja su džiaugsmu: priežastys, kurios lietuviams nešauna į galvą / Delfi.lt. 2017.04.30. URL: <https://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/i-lietuva-jie-vaziuoja-su-dziaugsmu-priežastys-kurios-lietuviams-nesauna-i-galva.d?id=74469650> (дата обращения: 08.08.2021).*

³ *Migracija skaičiais. URL: <https://123.emn.lt/> (дата обращения: 08.08.2021).*

Таблица 3

Численность первичных разрешений на пребывание, выданных в государствах Прибалтики, 2017 – 2019 годы

Страна-реципиент	2017			2018			2019		
	Страна-донор	Количество	%	Страна-донор	Количество	%	Страна-донор	Количество	%
Латвия	Россия	1625	24,4	Украина	2292	25,9	Украина	2555	25,2
	Украина	1528	23,0	Россия	1837	20,8	Россия	1827	18,0
	Индия	809	12,1	Индия	1360	15,4	Индия	1342	13,2
	Белоруссия	484	7,3	Белоруссия	633	7,2	Узбекистан	1040	10,3
	Узбекистан	384	5,8	Узбекистан	565	6,4	Белоруссия	768	7,6
	Прочие	1817	27,4	Прочие	2165	24,3	Прочие	2611	25,7
Литва	Украина	4725	46,3	Украина	6041	49,2	Украина	10218	47,7
	Белоруссия	2874	28,2	Белоруссия	3472	28,3	Белоруссия	7121	33,3
	Россия	720	7,1	Россия	817	6,7	Россия	1202	5,6
	Индия	371	3,6	Индия	381	3,1	Индия	368	1,7
	Сирия	218	2,1	Молдавия	143	1,2	Молдавия	324	1,5
	Прочие	1299	12,7	Прочие	1413	11,5	Прочие	2182	10,2
Эстония	Украина	1336	30,5	Украина	1649	32,1	Украина	1909	32,1
	Россия	881	20,1	Россия	1058	20,6	Россия	1306	22,1
	Белоруссия	171	3,9	Белоруссия	220	4,3	Индия	291	4,7
	Индия	165	3,7	Индия	194	3,8	Белоруссия	281	4,5
	США	155	3,5	Нигерия	180	3,5	Нигерия	236	3,8
	Прочие	1672	38,3	Прочие	1842	35,7	Прочие	2096	33,8

Источник: Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 28.07.2021).

Примечательно также, что доминирующей причиной обращения за предоставлением разрешения на пребывание в стране только в случае Литвы называется трудоустройство (в 2017 году — 74,2%, в 2018-м — 77,5%, в 2019-м — 85,9%), тогда как в случае двух других прибалтийских стран три основные указываемые причины (плюс получение образования и семейные обстоятельства) имеют примерно равное значение (табл. 4). Это подтверждает успешность и системность политики Литвы по привлечению трудовых иммигрантов с постсоветского пространства.

Таблица 4

Основные причины первичного обращения за предоставлением разрешения на пребывание в странах Прибалтики, 2017 – 2019 годы, % от общего числа таких обращений

Страна	2017	2018	2019
Латвия	Семья – 31,0	Семья – 25,3	Семья – 23,8
	Образование – 24,1	Образование – 26,4	Образование – 25,4
	Трудоустройство – 32,5	Трудоустройство – 40,4	Трудоустройство – 43,8
Литва	Семья – 9,8	Семья – 8,2	Семья – 5,3
	Образование – 9,7	Образование – 9,7	Образование – 6,2
	Трудоустройство – 74,2	Трудоустройство – 77,5	Трудоустройство – 85,9
Эстония	Семья – 29,0	Семья – 34,3	Семья – 38,9
	Образование – 27,2	Образование – 24,7	Образование – 22,2
	Трудоустройство – 35,0	Трудоустройство – 34,8	Трудоустройство – 33,9

Источник: Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 28.07.2021).

Не только мигранты с постсоветского пространства заинтересованы в переезде в Польшу и государства Прибалтики, но и местные работодатели — в них. Последним в результате удастся временно решать проблему дефицита кадров, существующую на национальных рынках труда. Большинство мигрантов из стран быв-

шего СССР (в данном случае речь идет преимущественно о гражданах Украины и Белоруссии) — это высококвалифицированные работники, обладающие хорошим образованием, знанием языков, большим опытом работы, а нередко — и специализированными навыками, которые весьма востребованы в ЕС, поэтому работодателю не нужно вкладывать средства в обучение нового сотрудника. Считается, что работники-мигранты из постсоветских стран имеют высокую мотивацию к труду и серьезно относятся к своим задачам. Одной из наиболее часто упоминаемых причин найма таких иностранцев является возможность предложить им более низкую заработную плату, что значительно снижает затраты на ведение бизнеса. У мигрантов нет высоких ожиданий относительно заработной платы. Их проще привлечь и к работе в выходные и праздничные дни. При этом в Польше и прибалтийских государствах их доход все же в несколько раз выше, чем тот, который они могли бы получать у себя на родине.

Анализ рынков труда Польши и государств Балтии и воздействия на них мигрантов показывает, что иностранные работники выполняют прежде всего вспомогательную роль. Они нашли себе применение в низкооплачиваемых и непривлекательных для местных работников профессиях. Имеет место монополизация мигрантами вторичных профессий. При этом, по мнению польских экспертов, для того чтобы удержать существующий уровень занятости в Польше в 2050 году, необходимо будет увеличить долю мигрантов в составе польской рабочей силы до 8%⁴. В государствах Прибалтики с учетом продолжающейся депопуляции этот процент должен быть выше.

Особенности правового режима

Из-за дефицита рабочей силы Министерство труда и социальной политики Республики Польша в 2006—2011 годах провело либерализацию трудового и миграционного законодательства, в результате чего иностранным гражданам было разрешено временно трудоустроиваться в стране без необходимости получения разрешения на работу. Сперва эти послабления коснулись только граждан стран, граничащих с Польшей: Белоруссии, России и Украины. Позже они были расширены на граждан государств постсоветского пространства, участвующих в программе «Восточное партнерство», — Армении, Грузии и Молдавии.

Задачу модифицировать свое миграционное законодательство в сторону расширения возможностей для трудоустройства и адаптации приезжающих из третьих стран решает в последние годы и Литва. Так, упор в Межведомственном плане действий по реализации в 2019—2021 годах «Стратегии в области политики демографии, миграции и интеграции на 2018—2030 годы»⁵ делался на представителях диаспоры и возвращающихся литовцах — трудовых мигрантах; однако речь также шла и о необходимости интеграции в общество представителей третьих стран, прибывающих в Литву. Кроме того, с 1 марта 2021 года был облегчен порядок трудоустройства для завершающих обучение в Литве по программам высшего и послевузовского образования, а также высококвалифицированных работников⁶.

⁴ *Polityka migracyjna Polski. Projekt z dnia 10 czerwca 2019 r.* Departament Analiz i Polityki Migracyjnej MSWiA, 2019. P. 7, 11.

⁵ *Dėl Demografijos, migracijos ir integracijos politikos 2018—2030 m. strategijos įgyvendinimo 2019—2021 metų tarpinstitucinio veiklos plano 2.1.10 priemonės 2019 m. detaliojo plano patvirtinimo.* URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/c4eee772978011e9aab6d8dd69c6da66?jfwid=-rwipzde7s> (дата обращения: 08.08.2021).

⁶ *Declaration of the place of residence will be easier for aliens.* 01.03.2021. URL: <https://migracija.lrv.lt/en/news/declaration-of-the-place-of-residence-will-be-easier-for-aliens> (дата обращения: 08.08.2021).

Последняя категория является приоритетной и для политики Латвии и Эстонии в данной области, однако, несмотря на признаваемую на официальном уровне потребность в иммигрантах, на практике эта политика пока малоуспешна. В Эстонии, например, действует программа привлечения иммигрантов в национальную экономику (см. портал Work in Estonia⁷, ориентированный на помощь как в поиске работы, так и в оформлении необходимых документов для переезда). Но в условиях «коронакризиса» в 2020 году были приняты поправки в «Закон об иностранцах» (Alien's act) и «Закон об обязательном выезде и запрете на въезд» (Obligation to Leave and Prohibition on Entry Act), ужесточающие правила пребывания в Эстонии для граждан не входящих в ЕС стран⁸. В Латвии, как отмечают различные источники⁹, попытки реформирования иммиграционного законодательства сталкиваются со значительным общественным противодействием, а сама эта сфера крайне бюрократизирована¹⁰.

Политика в области возвращения ссыльных и переселенцев времен СССР

Одна из особенностей миграционной политики Польши — стремление вернуть на родину потомков граждан, которые после Второй мировой войны по различным причинам оказались на территории СССР (та же особенность характеризует и литовскую политику, что будет показано ниже). Речь идет преимущественно о лицах, имевших польское гражданство до сентября 1939 года, а также о тех, кто проживал за пределами границ Польши, установленных в соответствии с Рижским договором 1921 года.

Проблеме репатриации придавали большое значение все правительства Польши после 1989 года. В силу негативных демографических изменений, старения населения и дефицита рабочей силы репатриация этой группы граждан стала предметом особого интереса со стороны государства. После распада СССР активизировалось возвращение в Польшу граждан постсоветских государств, в том числе тех, кто декларирует польское происхождение.

Политические и социальные преобразования, происходившие как в Польше, так и в государствах бывшего СССР, требовали разработки принципов государственной политики в отношении поляков, проживающих на постсоветском простран-

⁷ Estonia. #1 country in the world of digital life. URL: <https://www.workinestonia.com/> (дата обращения: 08.08.2021).

⁸ Foreigners from third countries who lose their jobs must leave Estonia // ERR. 02.04.2020. URL: <https://news.err.ee/1072360/foreigners-from-third-countries-who-lose-their-jobs-must-leave-estonia> (дата обращения: 08.08.2021) ; The rules of foreigners staying, studying and working in Estonia are being rearranged // Ministry of the Interior. 17.09.2020. URL: <https://www.siseministerium.ee/en/news/rules-foreigners-staying-studying-and-working-estonia-are-being-rearranged> (дата обращения: 08.08.2021).

⁹ Например, этот тезис был основным в выступлении И. Мериня, руководителя проекта «Благосостояние и интеграция в контексте миграции» Института философии и социологии Латвийского университета, в рамках семинара Лондонской школы экономики «Иммиграция в Восточную Европу: новые вызовы». См. видео: *Immigration into Eastern Europe: new challenges*. 27.07.2020. URL: <https://migracija.lv/en/posts/2020-07-lse-immigration-eastern-europe/> (дата обращения: 08.08.2021).

¹⁰ Latvia — Immigration, Emigration, Diaspora // Bundeszentrale für politische Bildung. 20.05.2020. URL: <https://www.bpb.de/gesellschaft/migration/laenderprofile/northerneurope/308824/latvia> (дата обращения: 08.08.2021).

стве. Первые нормативные акты в этой области появились еще в середине 1990-х годов Конституция же Республики Польша гласит, что «лицо, чье польское происхождение было установлено в соответствии с законом, может постоянно проживать на территории Республики Польша» (ст. 52, параграф 5). Таким образом, любой гражданин иностранного государства с польскими корнями имеет право поселиться на постоянное место жительства в Польше.

Закон о репатриации от 9 ноября 2000 года определяет территориальные границы репатриации, ограничивая ее территориями Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и азиатской части Российской Федерации. Таким образом, закон направлен на лиц польского происхождения, которые после окончания Второй мировой войны не получили возможности вернуться в Польшу. Он также регулирует порядок приобретения польского гражданства для репатриантов и обязательства органов государственного управления по отношению к ним и членам их семей.

В 2017 году в Закон о репатриации были внесены изменения. Был учрежден институт уполномоченного по вопросам репатриации, в задачи которого входит координация действий органов государственной власти по отношению к репатриантам. Также были разработаны инструменты поддержки репатриантов во время их переселения в Польшу. Теперь репатриацию в Польшу можно осуществить одним из трех способов:

— приехать в Польшу и прибегнуть к услугам адаптационного центра для репатриантов, а затем получить финансовую помощь от государства на приобретение или аренду жилья;

— приехать в Польшу, воспользовавшись приглашением местного органа самоуправления (гмины); в этом случае местные органы власти предоставляют семье репатрианта отремонтированное и обустроенное для проживания жилье; взамен гмина может получить дотацию в виде гранта из государственного бюджета Польши;

— приехать в Польшу на основании приглашения от польского гражданина или юридического лица, в котором содержится обязательство предоставить репатрианту условия для проживания на срок не менее двух лет; репатрианты, прибывшие по приглашению, могут обратиться к государству за финансовой помощью для удовлетворения своих жилищных потребностей.

Согласно польским статистическим данным, в 1997—2019 годах было подано 8 665 заявлений о выдаче репатриационной визы. Из них положительно было рассмотрено 6 239 заявлений. Большинство заявлений поданы гражданами Казахстана — 53,3% от всего объема заявлений. Доля Украины составила 17,5%, России — 11,9%, Белоруссии — 11,3%¹¹.

После внесения в 2017 году поправок в Закон о репатриации постепенно стало расти число заявлений от этнических поляков, которые хотели бы переехать в Польшу, воспользовавшись этим законом: с 486 заявлений в 2017 году до 2 545 заявлений двумя годами позже. Количество выданных репатриационных виз в анализируемый период также увеличилось: с 298 до 870 соответственно¹².

В 2007 году правительство приняло закон «О Карте поляка», который первоначально был задуман как инструмент укрепления связи поляков, находящихся на постсоветском пространстве, с Польшей. Предполагалось, что обладателям «Карты

¹¹ *Sytuacja demograficzna Polski do roku 2019. Migracje zagraniczne ludności.* GUS. Warszawa, 2020. P. 189—190.

¹² *Rocznik Demograficzny.* 2020. Warszawa, 2020. S. 466. URL: <https://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/roczniki-statystyczne/roczniki-statystyczne/rocznik-demograficzny-2020,3,14.html> (дата обращения: 06.05.2021).

поляка» будет предоставлен ряд льгот, в том числе право на свободное пересечение польской границы, возможность обучения в польских вузах и, в экстренных случаях, получения неотложной медицинской помощи. На практике «Карта поляка» превратилась в инструмент активной миграционной и диаспоральной политики.

Владелец «Карты поляка» имеет право подать заявление на получение постоянного вида на жительство, а также получить финансовое пособие для частичного покрытия расходов на свое текущее проживание в Польше. Сейм 12 апреля 2019 года принял поправку к закону «О карте поляка», распространив ее действие на весь мир. По приблизительным оценкам, в 2017—2019 годах около 70% всех разрешений на постоянное проживание было выдано обладателям «Карты поляка»¹³. При этом за 2008—2019 годы «Карту поляка» получили 143,9 тыс. граждан Белоруссии, 120 тыс. — Украины, 8,4 тыс. — Литвы, 7,1 тыс. — России, 3,37 тыс. — Казахстана, 2,07 тыс. — Латвии, 1,8 тыс. — Молдавии, 619 человек — Узбекистана, 208 человек — Грузии, 180 человек — Азербайджана, 136 человек — Армении, 53 человек — Туркменистана, 23 человек — Эстонии. На остальной мир пришлось 636 выданных документов¹⁴.

Ориентация на возвращение потомков политзаключенных и ссыльных, а также членов их семей является одной из задач и диаспоральной политики Литвы. Из государств постсоветского пространства наибольшее число лиц литовского происхождения проживает именно в России (табл. 5), хотя и в других странах диаспора также представлена: в Латвии — около 25 тыс. человек, на Украине — около 10 тыс., в Казахстане — около 7 тыс., в Белоруссии — от 5 до 30 тыс. (по оценкам, соответственно, белорусской и литовской сторон), в Эстонии — около 2 тыс.

Таблица 5

Численность латышей, литовцев и эстонцев в РСФСР/РФ, чел.

Национальность	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Латыши	74 932	59 695	67 267	46 829	28 520	18 979
Литовцы	108 579	76 718	66 783	40 427	45 569	31 377
Эстонцы	78 566	62 980	55 539	46 390	28 113	17 875

Источник: данные переписей населения.

Как отмечает литовский исследователь Р. И. Муксинов, «основная масса ссыльных и политзаключенных вернулась в Литву в 1956—1959 годах. Среди них немало тех, кто негативно относится к русским и России. “Возвращающиеся в Литву после провозглашения независимости в 1990 году относятся к России и россиянам гораздо лучше и даже просто хорошо”, — заметил нам в интервью сын одного из ссыльных литовцев. Он же особо подчеркнул: “Мы выжили в Сибири только потому, что нам помогали простые русские люди”. Благодаря современным исследованиям выяснилось одно очень важное обстоятельство: не Москва, а Вильнюс в лице А. Снечкуса длительное время препятствовал возвращению ссыльных на родину. Причина тому — боязнь серьезных столкновений, возможных в связи с тем, что дома, квартиры и земли ссыльных уже были заняты другими людьми» [20, с. 138].

¹³ *Polityka migracyjna Polski. Projekt z dnia 10 czerwca 2019 r.* Departament Analiz i Polityki Migracyjnej MSWiA, 2019. P. 7, 11.

¹⁴ *Rocznik Demograficzny. 2020.* Warszawa, 2020. S. 466. URL: <https://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/roczniki-statystyczne/roczniki-statystyczne/rocznik-demograficzny-2020,3,14.html> (дата обращения: 06.05.2021).

Программа возвращения политзаключенных и ссыльных действует с 1992 года; всего за это время в Литву выразили желание вернуться более 2,5 тыс. семей (не только из России, но и из других государств постсоветского пространства), из которых на момент окончания действия программы переселения 2015—2017 годов (отчет по программе 2018—2020 годов пока не опубликован) жильем было обеспечено 2052 семьи, финансовую поддержку получили более 5 млн человек¹⁵. В 1992—2018 годах на строительство/покупку жилья для переселенцев было потрачено 32 млн евро, на реализацию программы в 2018—2020 годах из государственного бюджета было выделено 1,17 млн евро¹⁶, запрос на 2021—2023 годы составляет около 1,3 млн евро¹⁷.

Выводы

Рынки труда Польши и стран Балтии испытывают дефицит кадров, что касается и высоко-, и низкоквалифицированного труда. Эти государства отдают предпочтение иммигрантам из стран постсоветского пространства (в первую очередь его европейской части). Законодательство Польши и прибалтийских государств ориентировано преимущественно на привлечение высококвалифицированных специалистов, хотя они и составляют меньшинство въезжающих на территорию этих стран иммигрантов с постсоветского пространства. В последние годы между ними развернулась конкуренция за привлечение специалистов в сфере ИТ из Белоруссии и России, однако Латвия проигрывает эту борьбу Литве и обе они — Польше, предоставляющей более выгодные условия для функционирования предприятий малого и среднего бизнеса в инновационной сфере.

В отношении низкоквалифицированных работников регулирование в Польше и Литве в целом мягче, чем в Латвии и Эстонии. Первые две страны в большей степени ориентированы на привлечение мигрантов на долгосрочной основе с их возможной последующей интеграцией в общество. Две другие, несмотря на понимание неизбежности этого процесса, к привлечению рабочей силы из государств бывшего СССР относятся настороженно, поскольку такие мигранты, как правило, являются носителями русского языка и культуры и в представлении местного политического класса могут стать угрозой для идентичностей титульных этносов. В условиях «коронакризиса» эта категория иммигрантов в Латвии и Эстонии оказалась наиболее уязвимой.

Характер иммиграционных процессов показывает, что в последние годы исследуемые государства превращаются из государств-доноров в государства-реципиенты рабочей силы. И если иммиграция украинцев носит экономический характер (сезонные работы, долгосрочная работа в сфере услуг), то часть въезжающих в Польшу и страны Балтии из Белоруссии, России, государств Средней Азии оказываются просителями политического убежища. К примеру, в случае с Россией к таким лицам относятся как некоторые деятели, причисляющие себя к политической оппозиции федеральной власти, так и представители некоторых народов Северного Кавказа.

Что касается Белоруссии, то с августа-сентября 2020 года Польша и Литва стали предоставлять льготы (например, польский план «Солидарность с Беларусью») для лиц, которые потеряли или не могут продолжать работу или обучение в этой стране

¹⁵ *Politinių kalinių ir tremtinių bei jų šeimų narių sugrįžimo į Lietuvą programos įgyvendinimas*. 12/2019. URL: https://socmin.lrv.lt/uploads/socmin/documents/files/veiklos-sritys/socialine-integracija/Tremtiniu%20informacija_2019-12.docx (дата обращения: 05.04.2021).

¹⁶ *Įsakymas dėl politinių kalinių ir tremtinių bei jų šeimų narių sugrįžimo į Lietuvą 2018—2020 metų veiksmų plano patvirtinimo*. 2017 m. rugsėjo 13 d. nr. A1—47 (Suvestinė redakcija nuo 2020-11-25). URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/3d7d81429cad11e796fec328fe7809de/asg> (дата обращения: 05.04.2021).

¹⁷ *Įsakymas dėl politinių kalinių ir tremtinių bei jų šeimų narių sugrįžimo į Lietuvą 2021—2023 metų veiksmų plano patvirtinimo*. 2020 m. rugpjūčio 26 d. Nr. A1-777. URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/1c1b98b0e79711ea9342c1d4e2ff6ff6> (дата обращения: 15.03.2021).

по политическим причинам (хотя и просителями убежища они также, как правило, не являются). Соответствующие программы касаются в основном студентов и ученых, ориентированы чаще на молодежную аудиторию (примерно 10 тыс. студентов обучаются в Польше¹⁸, от 1,5 до 2 тыс. — в Литве) и в перспективе могут способствовать «утечке умов» из Белоруссии, хотя до событий осени 2020 года более 80% всех обучавшихся в странах ЕС белорусских студентов возвращались на родину.

Наконец, Польша и Литва реализуют отдельное, имеющее полноценную политико-правовую базу направление иммиграционной политики — возвращение на родину представителей диаспоры. Польский подход гораздо более широкий, он ориентирован на сотни тысяч человек и помимо чисто социально-экономической составляющей имеет также культурно-экспансионистскую — расширение за счет «Карты поляка» сферы влияния на пространстве «восточных кресов» и культурно-религиозная консолидация бывших земель Речи Посполитой вокруг современной Польши.

С учетом описанных тенденций России важно активнее участвовать в борьбе за привлечение высококвалифицированных работников из государств европейской части постсоветского пространства — в первую очередь Украины и Белоруссии, поскольку миграция из остальных государств в государства Балтии и Польшу носит в целом ограниченный характер.

Статья подготовлена при финансовой поддержке ИМИ МГИМО в рамках проекта № 2022-02-01.

Список литературы

1. Reinert K. A., Rajan R. S., Glass A. J., Davis L. S. The Princeton Encyclopedia of the World Economy. Princeton, 2009.
2. Bhagwati J. N. In Defense of Globalization. Oxford, 2007.
3. Borjas G. J. The Wage Impact of the Marielitos: A Reappraisal // ILR Review. 2017. Vol. 70, iss. 5. P. 1077—1110. doi: 10.1177/0019793917692945 2017.
4. Borjas G. J., Monras J. The labour market consequences of refugee supply shocks, Economic Policy. 2017. Vol. 32, iss. 91. P. 361—413.
5. Davis D., Weinstein D. Technological superiority and the losses from migration // NBER Working Paper. No. 8971.
6. Faini R. Remittances and the brain drain: Do more skilled migrants remit more? // World Bank Economic Review. 2007. Vol. 21, № 2. P. 177—191. doi:10.1093/wber/lhm006.
7. Friedberg R., Hunt J. The impact of immigration on host county wages, employment and growth // Journal of Economic Perspectives. 1995. Vol. 9, № 2. P. 23—44.
8. Hamermesh D. Labor Demand. Princeton, NJ, 1993.
9. Pischke J.-S., Veiling J. Employment effects of immigration to Germany: an analysis based on local labor markets // Review of Economics and Statistics. 1997. № 79. P. 594—604.
10. Gammeltoft-Hansen T., Sorensen N. N. (eds.) The Migration Industry and the Commercialization of International Migration. Routledge, 2013. P. 1—286.
11. Потемкина О. Ю. Иммиграционная политика Европейского союза. М., 2010.
12. Потемкина О. Ю. Многоуровневое управление миграцией в Европейском союзе // Современная Европа. 2020. № 2. С. 100—110.
13. Рязанцев С. В. Опыт и проблемы регулирования миграционных потоков в странах Западной Европы. М., 2001.
14. Рязанцев С. В., Ткаченко М. Ф. Мировой рынок труда и международная миграция. М., 2010.
15. Воротников В. В., Габарта А. А. Влияние трудовой миграции на социально-экономическое развитие Польши и стран Прибалтики после 2004 г. // Современная Европа. 2016. № 6. С. 125—136.

¹⁸ Количество белорусских студентов в Польше удвоилось и составило 10 тысяч // Витебский курьер. 22.08.2020. URL: <https://vkurier.by/211426> (дата обращения: 08.08.2021).

16. *Воротников В. В.* Актуальные проблемы диаспоральной политики стран Балтии // Современная Европа. 2018. № 7. С.128—140. doi: 10.15211/soveurope72018137151.

17. *Hatton T. J., Williamson J. G.* Emigration in the long run: Evidence from two global centuries // Asian-Pacific Economic Literature. 2009. Vol. 23, № 2. P. 17—28. doi:10.1111/j.1467—8411.2009.01238.x.

18. *Reinert K. A.* An Introduction to International Economics: New Perspectives on the World Economy. 2nd ed. Cambridge, 2015. P. 192—193.

19. *Kruhlaya M.* Иммиграция заробкочивих обывателей государств бывшего ЗСРР шансом развития польских предприятий // Współczesne problemy ekonomiczne w badaniach młodych naukowców. Т. 4. Teoria i praktyka / redakcja naukowa: Ewa Gruszewska. Białystok, 2020.

20. *Мукинов Р. И.* Политика властей Литвы в отношении своей зарубежной диаспоры. Вильнюс, 2012.

Об авторах

Владислав Владиславович Воротников, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки; директор, ведущий научный сотрудник, Центр европейских исследований Института международных исследований, МГИМО МИД России, Россия; ведущий научный сотрудник отдела исследований Центральной и Восточной Европы, Институт Европы РАН, Россия.

E-mail: vorotnikov.vladislav@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3374-5677>

Анджей Артурович Габарта, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики; старший научный сотрудник Центра европейских исследований Института международных исследований, МГИМО МИД России, Россия; ведущий научный сотрудник отдела исследований Центральной и Восточной Европы, Институт Европы РАН, Россия.

E-mail: a.habarta@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4236-3777>

MIGRATION FROM POST-SOVIET COUNTRIES TO POLAND AND THE BALTIC STATES: TRENDS AND FEATURES

V. V. Vorotnikov
A. Habarta

MGIMO University
76 Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia
Institute of Europe Russian Academy of Sciences
11/3 Mokhovaya ul., Moscow, 125009, Russia

Received 13.08.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-5
© Vorotnikov, V. V., Habarta, A., 2021

This article aims to analyse migration from the post-Soviet space to the northeastern periphery of the EU (Poland, Lithuania, Latvia, Estonia) and examine the hypothesis about these states, once countries of origin, turning into destinations for migrants. A change in the socio-economic

To cite this article: Vorotnikov, V. V., Habarta, A. 2021, Migration from Post-Soviet countries to Poland and the Baltic States: trends and features, *Balt. Reg.*, Vol.13, no 4, p. 79—94. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-5.

paradigm and accession to the EU sped up economic development in the Baltics and Poland. Despite growing welfare and income levels and a decline in the unemployment rate, further economic growth was hampered by the outflow of skilled workforce and resulting labour shortages. In response, the governments of the Baltics and Poland drew up programmes to attract international labour. Soon these countries transformed from exporters of labour into importers. Unlike Western European countries, Poland and, to a lesser extent, the Baltic States are trying to attract migrants from neighbouring nations with similar cultural and linguistic backgrounds. In the long run, this strategy will facilitate migrant integration into the recipient society. The Polish and Lithuanian governments are devising measures to encourage ethnic Poles and Lithuanians to repatriate from post-Soviet republics. To achieve the aim of the study, we investigate the features of migration flows, trends in migration, migration policies of recipient countries, and the evolution of diaspora policies.

Keywords:

EU, Poland, Baltic States, Lithuania, Latvia, Estonia, post-Soviet space, international migration, diaspora, Karta Polaka, repatriates diaspora policy

References

1. Reinert, K.A., Rajan, R.S., Glass, A.J., Davis, L.S. 2009, *The Princeton Encyclopedia of the World Economy*, Princeton, Princeton University Press, p.764.
2. Bhagwati, J.N. 2007, *In Defense of Globalization*, Oxford, p.344.
3. Borjas, G.J. 2017, *The Wage Impact of the Marielitos: A Reappraisal ILR Review*.
4. Borjas, G.J., Monras J. 2017, The labour market consequences of refugee supply shocks, *Economic Policy*, vol. 32, no. 91, p. 361—413.
5. Davis, D., Weinstein, D. 2002, Technological superiority and the losses from migration, *Working Paper*, no. 8971, Cambridge, MA, NBER.
6. Faini, R. 2007, Remittances and the brain drain: Do more skilled migrants remit more? *World Bank Economic Review*, vol. 21, no. 2, p. 177—191. doi: <https://doi.org/10.1093/wber/lhm006>.
7. Friedberg, R., Hunt, J. 1995, The impact of immigration on host county wages, employment and growth, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 9, no. 2, p. 23—44.
8. Hamermesh, D. 1993, *Labor Demand*, Princeton, NJ, Princeton University Press.
9. Pischke, J. — S., Veiling, J. 1997, Employment effects of immigration to Germany: an analysis based on local labor markets, *Review of Economics and Statistics*, no. 79, p.594—604.
10. Gammeltoft-Hansen, T., Sorensen, N.N. 2013, *The Migration Industry and the Commercialization of International Migration*, p. 1—286.
11. Potemkina, O.Yu. 2010, *Immigratsionnaya politika Evropeiskogo Soyuza*, Moscow, Russkii souvenir, 129 p. (in Russ.).
12. Potemkina, O.Yu. 2020, Multilevel governance of the EU migration policy, *Sovremennaya Evropa*, no. 2, p. 100—110. doi: <https://doi.org/10.15211/SOVEUROPE22020100110> (in Russ.)
13. Ryazantsev, S.V. 2001, *Opyt i problemy regulirovaniya migratsionnykh potokov v stranakh Zapadnoi Evropy* [Experience and problems of regulation of migration flows in Western Europe], Moscow, Institute for Social and Political Research, 71 p. (in Russ.).
14. Ryazantsev, S.V., Tkachenko, M.F. 2010, *Mirovoi rynek truda i mezhdunarodnaya migratsiya* [World labor market and international migration], Moscow, Economy, 303 p. (in Russ.).
15. Vоротников, V. V., Habarta, A. A. 2016, The influence of labour migration on Poland and Baltic states development, *Sovremennaya Evropa*, no. 6, p.125—136.. doi: <https://doi.org/10.15211/soveurope62016125136> (in Russ.).
16. Vоротников, V. V. 2018, Contemporary challenges to Diaspora policies of the Baltic states, *Sovremennaya Evropa*, no. 7, p.128—140. doi: [10.15211/soveurope72018137151](https://doi.org/10.15211/soveurope72018137151) (in Russ.).
17. Hatton T. J., Williamson J. G. Emigration in the long run: Evidence from two global centuries // *Asian-Pacific Economic Literature*. 2009. Vol. 23, № 2. P. 17—28. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8411.2009.01238.x>.
18. Reinert, K.A. 2015, *An Introduction to International Economics: New Perspectives on the World Economy*, 2nd ed., Cambridge, Cambridge University Press, p. 192—193.

19. Kruhlaya, M. 2020, *Imigracja zarobkowa obywateli państw byłego ZSRR szansą rozwoju polskich przedsiębiorstw, Współczesne problemy ekonomiczne w badaniach młodych naukowców*, T. 4. Teoria i praktyka, redakcja naukowa, Ewa Gruszewska, Białystok.

20. Muksinov, R.I. 2012, *Politika vlastei Litvy v otnoshenii svoei zarubezhnoi diasporы* [The policy of the Lithuanian authorities in relation to their diaspora abroad], Vilnius, *Politika*, p. 138 (in Russ.).

The authors

Dr. Vladislav V. Vorotnikov, Director, Centre for European Studies of the Institute for International Studies, MGIMO University, Russia; Leading Research Fellow, Institute of Europe Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: vorotnikov.vladislav@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3374-5677>

Dr. Andrzej Habarta, Leading Research Fellow, Centre for European Studies of the Institute for International Studies, MGIMO University, Russia; Leading Research Fellow, Institute of Europe Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: a.habarta@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4236-3777>

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ С АРАБСКОГО ВОСТОКА В ШВЕЦИИ: ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ

А. В. Сарабьев

Институт востоковедения РАН,
107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12

Поступила в редакцию 01.09.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-6
© Сарабьев А. В., 2021

Все большую роль в экономике и демографии Швеции играют арабские ближневосточные диаспоры, и прежде всего иракская и сирийская. Цель исследования — выявить особенности формирования указанных экономически активных диаспор в Швеции за последние три десятилетия. Автор полагает, что мы стали свидетелями смены парадигмы иммиграционной и деловой активности выходцев из стран арабского Востока в Швеции. В зависимости от меняющейся ситуации в странах исхода и вызванных политическими и военными потрясениями миграционных явлений происходит изменение лидерства диаспор — как в иммиграционном процессе, так и в роли общин в экономической жизни страны. Исследование опирается на работы ведущих исследовательских центров и данные ведущих международных и шведских статистических агентств. Выводом автора является обоснованное предположение, что наблюдавшийся всплеск притока сирийцев (трудовых мигрантов, беженцев и ищущих убежища) и последовавший его спад не вернули ситуацию к безусловному лидерству иракцев среди арабских общин Швеции. Высокая деловая активность сирийцев-иммигрантов, их профессиональные навыки, уровень образования, широкие деловые связи дают основание предполагать выход этой диаспоры на лидирующие позиции среди арабов-иммигрантов, а также их глубокую интеграцию в шведский социум.

Ключевые слова:

трудовая миграция, арабские иммигранты, сирийская диаспора, иракская диаспора, миграционные волны, Швеция

Введение

По мере подъема темпов экономического роста во второй половине XX века Швеция стала принимать большое количество трудовых, политических иммигрантов и беженцев. Решающее значение для развития страны имела трудовая иммиграция, которая внесла огромный вклад в превращение Швеции в «государство всеобщего благосостояния». В настоящее время к экономическому аспекту общественного развития добавился и демографический возрастной: одной из главных социальных проблем для Швеции стала нехватка трудоспособного населения в связи со старением и низкой рождаемостью [1, p. 30].

Данные Всемирного банка по Швеции наглядно демонстрируют устойчивый прирост трудовых ресурсов как раз в период «миграционного бума»: если до 1994 года

Для цитирования: Сарабьев А.В. Трудовые мигранты с арабского Востока в Швеции: изменение парадигмы // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 4. С. 95–110. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-6.

наблюдалось обвальное сокращение трудовых ресурсов, а до 2000 года — относительно стабильный низкий уровень (на 2000 год — 4 млн 514,1 тыс.), то с 2004 года идет устойчивый рост показателя (до 5 млн 477,2 тыс. на 2020 год)¹. Совершенно очевидно, что это связано с притоком в страну рабочей силы из-за рубежа.

Одним из сознательно выбранных государством способов решения проблемы сокращения доли трудоспособного населения было изменение демографии посредством иммиграции. И важнейшей составляющей потока мигрантов в Швецию стали выходцы из арабских стран Ближнего Востока (в широком понимании термина — страны Леванта, Ирак и даже Египет). Среди всего населения ближневосточные иммигранты составляют в Швеции до 4%, и наибольшими по численности диаспорами остаются иракская и сирийская [2, р. 1].

Многие авторы авторитетных исследований признают, что не только собственно трудовая миграция, но и интеграция в экономику принимающей страны потенциала беженцев оказывает безусловный положительный эффект [3, р. 117]. Например, на сайте Министерства иностранных дел Швеции было опубликовано заявление, в котором говорилось, что «большое количество беженцев в Швеции не подвергло краху шведскую экономическую систему: напротив, безработица среди молодежи значительно снизилась, оставаясь на самом низком уровне за 13 лет, тогда как Швеция вообще нуждается в иммигрантах, чтобы компенсировать снижение рождаемости и восстановить человеческий потенциал» [4].

Тема арабской иммиграции в Швецию занимает ученых из многих исследовательских центров по всему миру. Выделяются разные ее аспекты, связанные как непосредственно с экономическим эффектом иммиграции, так и с проблемами социальной и экономической интеграции иммигрантов-арабов. Целый ряд исследований посвящен религиозной идентичности арабов-иммигрантов, беженцев и ищущих убежища в Швеции [5—9].

Многие европейские и восточные исследователи посвящают свои работы вопросам социальной интеграции в Швеции иммигрантов-арабов. Поднимаемые в них проблемы касаются далеко не только социальной изоляции и дискриминации, но и позитивных моментов вовлечения иммигрантов в культурную и деловую жизнь страны, кооперации арабских диаспоральных сообществ и соответствующих трудовых коллективов [10—13]. Существуют и работы более общего плана: например, теоретическое осмысление шведского варианта политики мультикультурализма давно волнует исследователей и вызывает необходимость обобщения динамики этой политики [14].

Официальные источники предоставляют определенные показатели, имеющие отношение к нашей теме. Однако приблизиться к каким-либо выводам или проследить динамику участия ближневосточных диаспор Швеции в экономике страны можно только в сопоставлении этих показателей и с учетом внеэкономических данных (сведений о мере адаптации, культурно-религиозных связях диаспор, их деловой конкуренции и т. п.). Главными источниками остаются Всемирная организация труда (ILO), Шведское статистическое бюро (SCB), авторитетные мировые статистические агентства (например, KNOMAD, Statista) и др. Но немаловажным источником являются и сообщения организаций социальной направленности, а также опросы и интервью отдельных участников этого процесса.

Наше исследование ставит своей целью проследить изменение трендов формирования экономически активных арабских ближневосточных диаспор в Швеции за последние три десятилетия — на фоне быстро меняющейся мировой повестки

¹ Labor force, total — Sweden//The World Bank. 2021. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.IN?locations=SE> (дата обращения: 04.09.2021).

и вызванных политическими и военными потрясениями миграционных явлений. Исследовательская гипотеза — идея о смене парадигмы иммиграционной и деловой активности выходцев из стран арабского Востока в Швеции, которая заключается как в изменении лидерства в трудовой иммиграции, так и в «заметности» общин в экономической и культурной сферах шведского социума.

Общая ситуация и релевантные показатели по Швеции

Власти Швеции делают многое для популяризации своего генерального видения использования иммигрантов как трудового ресурса и решения социально-экономических проблем страны. Тем не менее социальные изменения, вызванные притоком мигрантов, болезненно воспринимаются населением этой страны с населением 10 млн 330 тыс. человек [15]. Даже небольшие потоки иммигрантов, беженцев и прочих групп лиц, прибывающих из-за рубежа, очень ощутимы в Швеции ввиду этой сравнительно невысокой численности населения. Приводимые ниже абсолютные цифры — например по выданным разрешениям на работу, — несмотря на кажущуюся незначительность, все же релевантны для шведского общества.

С вопросом трудовой иммиграции неразрывно связаны и вопросы беженцев (и ищущих убежища), поскольку эти категории лиц, по реформированному шведскому трудовому законодательству, также могут (на определенных условиях) пополнять трудовые ресурсы страны. Во время европейского кризиса с беженцами «в 2015 году Швеция достигла исторического максимума по количеству просителей убежища: за этот год было подано почти 163 тыс. заявлений. Впоследствии правительство приняло меры по ограничению притока ищущих убежища... но, несмотря на ограничительные меры, Швеция в 2017 году согласилась на переселение 2,8 тыс. беженцев, подавших заявление о предоставлении убежища в Италии или Греции. <...> Наибольшее количество беженцев в Швеции имеют сирийское, афганское и иракское происхождение. <...> В целом около 60% претендентов были мужчинами и около 40% — женщинами. Большинство ищущих убежища — молодые люди: более половины из них были моложе 25 лет» [1, р. 30—31]. Не исключено, что большая часть из них быстро включается в трудовую деятельность в стране пребывания, не только формально пополняя трудовые ресурсы, но и фактически участвуя в деловых и производственных процессах.

Лиц, родившихся «в Азии» и имеющих статус иммигрантов в Швеции, насчитывается, по данным на 2021 год, 26 172 человека (13 411 мужчин и 12 761 женщин). При этом лиц, родившихся «в Азии», но имеющих гражданство Швеции насчитывается, по тем же данным на 2021 г., 813 086 человек (418 295 мужчин и 394 791 женщин)². Иммиграция в Швецию в 2021 году, по оценочным данным из того же источника, составит около 81 850 человек³.

Косвенным показателем экономической активности иммигрантов являются денежные переводы трудовых мигрантов из страны (как правило, на историческую родину — на поддержку родственников или участие в местном семейном бизнесе). Приведем данные KNOMAD, начиная с 1993-го и кончая 2020 годом, которые демонстрируют всплески показателя как в периоды изменения внутренней миграционной политики шведских властей, так и в периоды «турбулентности» в регионе Ближнего Востока (табл. 1).

² *Population size, number of deaths, immigrants, emigrants and average population size by region of birth, sex and age. Year 2021—2120 // Statistics Sweden (SCB), September 2021. URL: https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/START_BE_BE0401_BE0401A/BefProgOsiktDetNb/table/tableViewLayout1 (дата обращения: 09.09.2021).*

³ *Ibid.*

Таблица 1

Переводы трудовых мигрантов из Швеции, 1993—2020 годы, млн долл.

1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
260	231	336	429	411	503	484	539	578	508	568	660	729	930	1 056
2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020		
1 206	1 071	1 160	1 390	1 387	1 624	1 591	1 460	1 633	2 046	2 084	1 917	1 766*		

*Составило 0,3% от ВВП Швеции.

Источник: *Remittance outflows*. Global Knowledge Partnership on Migration and Development, May 2021. URL: <https://www.knomad.org/sites/default/files/2021-05/Outward%20remittance%20flows%20May.2021.xlsx> (дата обращения: 24.06.2021).

По данным Всемирного банка на 2017 год, в Швеции насчитывалось 131 888 иммигрантов из Ирака, 98 216 — из Сирии, 26 159 — из Ливана, 3 898 — из Иордании, 6 256 — из Египта⁴.

Ученые, проводившие сравнение интеграции иммигрантов в Швеции и Бельгии (еще одной североευропейской стране с высокой долей иммигрантов-арабов), пришли к выводу, что Швеция имеет очень высокий показатель мобильности на рынке труда, особенно в сравнении с Бельгией, где он намного ниже. Эти исследователи сообщают: «Ключевыми аспектами в этом отношении является тот факт, что в Швеции мигранты могут искать работу со дня прибытия, поскольку в правилах рынка труда не делается различий между шведскими и нешведскими гражданами. <...> Доступ к общей поддержке высок в обеих странах, но именно в плане целевой поддержки вновь прибывших Швеция отличается от Бельгии. В частности, Закон о входе на рынок труда в Швеции от 2009 года (Labor Market Introduction Act) заложил основу, которая облегчила вновь прибывшим изучение шведского языка и поиск работы, соответствующей их навыкам» [1, р. 31].

Смысл реформы заключался в том, что государство уменьшило свое участие в управлении трудовой миграцией и оставило решение о том, кто может иммигрировать, отдельным работодателям, поскольку те лучше знают, какие навыки востребованы в данный момент на рынке труда. Цели новой политики не были четко сформулированы в законопроекте, но суть была в том, чтобы восполнить нехватку рабочей силы в краткосрочной перспективе, а в более долгосрочной — увеличить предложение рабочей силы для противодействия демографическим вызовам [16, р. 2].

Немаловажным фактором, притягивающим трудовую миграцию в Швецию, может служить то, что принятые условия труда в этой стране значительно легче, нежели в странах исхода. Например, трудовая неделя в Швеции за период с 2008 по 2013 год в среднем составляла 27—27 ч для женщин и 33—34 ч для мужчин [17, р. 13], а по другим данным, в 2017 году — 36 ч, в том числе 38 ч в промышленности и 34 ч в ресторанно-гостиничном секторе, тогда как в странах Ближнего Востока этот показатель был гораздо выше: в Египте — 44 ч (в том числе 48 ч в промышленности и 51 ч в ресторанно-гостиничном бизнесе), а в Турции — 46 ч (в том числе 48 и 55 ч в указанных секторах) [18, с. 23].

⁴ *Bilateral Migration Matrix — 2017*// The World Bank. 2018. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (дата обращения: 05.05.2020).

Волны иракской иммиграции

По данным доклада ученых из Института изучения миграций (Мальмё, Швеция), подготовленного для Всемирной организации труда, основной страной исхода трудовых мигрантов с арабского Востока до 2011 года оставался Ирак. С 1993 по 1997 год доля иракцев среди трудовых иммигрантов в Швеции составляла около 7%, и это было сравнимо с долей трудовых иммигрантов из остальных стран Азии вместе взятых (8,5%) [19, р. 5] (табл. 2).

Таблица 2

Трудовая иммиграция из Ирака в Швецию, 1997—2011 годы

Период	Число иммигрантов, чел.	Доля в иммиграционном потоке, %
1993—1997	11 775	6,9
1998—2002	7837	5,4
2003—2007	27 005	10,5
2008—2011	22 000	9,2

Составлено по: [19].

Показательно, что данные по остальным странам арабского Востока в цитируемом исследовании не приводились. Причиной этому была, очевидно, незначительность таких показателей: только за период 2008—2011 годов дан показатель «Остальные страны Ближнего Востока», и в списке он самый высокий — видимо, за счет притока иммигрантов-арабов после начала «арабской весны»: 65 548 человек, или 27,5% от всего иммигрантского потока [19, р. 5].

Приведенные данные позволяют усматривать тесную взаимосвязь эмиграции из Ирака в Швецию с политическими событиями в стране исхода. Сравнительно высокий показатель на протяжении нескольких лет, начиная с 1993 года, может объясняться введенными против правительства Саддама Хусейна жесткими экономическими санкциями после «войны в Заливе» 1991 года и операции коалиции во главе с США «Буря в пустыне». Вдобавок к этому Ирак был экономически ослаблен восьмилетней войной с Ираном, окончившейся в 1988 году, и оба эти фактора стали причиной резкого падения экономики Ирака, истощения как возможностей государства, так и людских ресурсов.

Всплеск эмиграции иракцев в 2003 году опять же объясним военным фактором: интервенция еще больше подорвала экономическую жизнь страны и снова внесла хаос в социальные отношения. Ощущение ненадежности положения, угроза расправы или потери источника дохода, нарушение хозяйственных связей со всей очевидностью стали причиной очередной волны иракской эмиграции. Швеция как страна с сильной иракской диаспорой стала одним из главных направлений эмиграции.

Нестабильность в Ираке на протяжении последующих лет, вспыхивающие внутренние конфликты и операции западного контингента в стране (например, силовое сворачивание проекта племенного ополчения «Ас-Сахва», действующего, по сути, как одна из сторон гражданской войны) [20, с. 109], разгул экстремистских сетей (Аль-Каида и ИГИЛ)⁵ служили причиной довольно высокого уровня эмиграции иракцев и, соответственно, иммиграции в Швецию. Последовавшее в 2011 году начало волны турбулентности во всем регионе, так называемой арабской весны, подстегнуло миграционный процесс. Все это в совокупности дало высокий показатель иммиграции иракцев в Швецию в период 2008—2011 годов. Данные за 2012—2020 годы приведены в таблице 3.

⁵ Запрещены на территории РФ.

Таблица 3

Иммиграция из Ирака в Швецию, 2012 – 2020, чел.

Пол	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Мужчины	1 673	1 326	1 469	1 897	2 328	3 640	2 337	1 637	1 002
Женщины	1 555	1 223	1 433	1 628	1 954	2 897	1 883	1 449	875

Составлено по: *Population size, number of deaths, immigrants, emigrants and average population size by region of birth, sex and age. Year 2021—2120 // Statistics Sweden (SCB), September 2021. URL: https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/START_BE_BE0401_BE0401A/BefProgOsiktDetNb/table/tableViewLayout1 (дата обращения: 09.09.2021).*

По другим данным⁶, в 2020 году в Швецию иммигрировали 2271 чел., называвших местом своего рождения Ирак, и этот показатель отличается от приведенных в таблице 3 — 1877 человек.

Иммигранты-иракцы испытали своего рода конкуренцию со стороны сирийских иммигрантов и беженцев, но, по мере стабилизации ситуации в Сирии, иммиграция иракцев с целью трудовой деятельности стала расти. Об этом косвенно говорят и данные по количеству временных разрешений на работу в Швеции, выданные иракцам (табл. 4).

Таблица 4

Выданные временные разрешения на работу в Швеции иммигрантам из Ирака, чел.

2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
363	556	424	257	223	352	243	342	670	639	520

Составлено по: *Beviljade uppehållstillstånd översikter. Statistik 2010—2020 // Migrationsverket. 2021. URL: <https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Statistik/Beviljade-uppehallstillstand-oversikter.html> (дата обращения: 11.09.2021).*

Что касается самозанятых, то в целом иракцы в Швеции демонстрируют более высокий показатель, нежели коренные жители, но он все же ниже, чем у представителей сирийской или ливанской диаспор.

Вновь прибывающие иммигранты-мусульмане из стран арабского Востока в некоторых случаях получали социальную поддержку в виде программ межрелигиозной интеграции. Одной из таких программ, которая включала организованное общение представителей разных религиозных и национальных сообществ в Швеции с новыми иммигрантами, в том числе в мечетях, посвящена статья исследовательницы из Винчестерского университета. Автор отмечает, что в ходе такого общения «мигранты-мусульмане в преимущественно христианском принимающем сообществе чувствовали себя желанными и получали помощь в поиске новой жизни в Швеции» [21, р. 173].

Особенность Швеции как страны назначения иммигрантов с Ближнего Востока заключается в том, что там уже многие десятилетия существует развитая диаспора ближневосточных христиан. Возможно, некорректно будет говорить о ней как об арабской диаспоре, поскольку, несмотря на то, что страны исхода — Ирак, Сирия, Ливан, арабские по своему национальному большинству, — идентичность этих христиан остается неоднозначной. Многие возводят ее к арамейскому прошлому, кто-то настаивает на ассирийском наследии, а кто-то — и вовсе на финикийском. Различные культурные и общественные организации активно развивают изучение древнего сирийского языка, сохранявшегося в некоторых Восточных Церквях лишь

⁶ *Number immigrants to Sweden 2020, by country of birth // Statista Research Department. 2021. URL: <https://www.statista.com/statistics/522136/sweden-immigration-by-country-of-origin> (дата обращения: 24.08.2021).*

в качестве богослужбного. Так что прибывающие в Швецию трудовые мигранты-мусульмане попадают не только в христианское окружение местного населения (пусть и сильно секуляризованного), но и в условия потенциальной деловой конкуренции со своими бывшими земляками-христианами, сравнительно хорошо интегрированными в шведское общество. Как правило, это христиане родом из северных провинций Ирака (ассирийцы) и отчасти из Северной Сирии (яковиты) [22; 23]. Важно отметить, что не столько абсолютная численность арабской христианской диаспоры в Швеции, сколько известность о ее активности на исторической родине является фактором, благоприятным для интеграции в шведский социум вновь прибывающих мигрантов и беженцев из Сирии и Ирака.

Признавая условность арабского характера христианских диаспор с Ближнего Востока в Швеции, важно иметь в виду эту особенность земляческих сообществ, где христианский элемент может восприниматься как своего рода связующее звено между диаспорой и коренными шведами. Впрочем, в идентичности этой части арабоязычной диаспоры весьма силен национально-исторический компонент: не считая себя арабами и не связывая свое далекое прошлое с арабским языком и культурой, многие диаспоры активно участвуют в продвижении этой идеи. Это, естественным образом, изолирует их от остальных арабов, от арабских деловых сетей и производственных отношений.

Сообщества носителей идей ассирийской или сирояковитской культурной и языковой идентичности в Швеции сравнительно молодые: они стали заметны лишь с начала 70-х годов XX века (первые иммигранты-ассирийцы прибыли из Ирака в 1967 году [24, р. 12]). В трудовой деятельности и деловых связях они держатся чаще всего обособленно от земляков-мусульман, активно пропагандируя свою культуру (например, через спутниковый телеканал *Suryoyo*).

Иммигранты-сирийцы как пассионарная ближневосточная диаспора Швеции

С территории «исторической Сирии» (из турецкого Тур-Абдина) так же, как и иракские христиане, в конце 1960-х годов прибыли в Швецию около 50 тысяч христиан-яковитов. Как пишет польская исследовательница Марта Возняк, этими иммигрантами занималась шведская Комиссия по рынку труда (*Arbetsmarknadsstyrelsen*, AMS), которая распределила их по городам Эскилстуна, Мэрста, Нючёппинг и Сёдертелье, обеспечив разрешениями на работу [25, р. 123–124].

Все прибывающие из Сирии в Швецию отдают себе отчет в том, что это страна с высокой долей носителей арабского языка, что существует множество примеров арабов, которые с успехом устроились на новой родине и даже стали известными людьми (например, актерами, музыкантами, спортсменами). Сирийская диаспора, наряду с иракской и ливанской, относительно сильно экономически, а деловые связи сирийско-шведских бизнесменов покрывают, как правило, несколько стран. Поэтому иммигранты или беженцы рассчитывают на получение той или иной работы в стране пребывания. Острая конкуренция на рынке труда в Швеции, а также соперничество с другими арабскими диаспорами побуждают многих к предпринимательской активности.

По словам одной из представительниц сирийской диаспоры в Швеции, возможности интеграции — «это вопрос личный, и он обращен к природе самого человека — открыт он для европейского общества или закрыт, замкнут». Она добавила, что сама лично и подобные ей встречали понимание со стороны шведов и имели возможность глубоко и легко интегрироваться в местный социум⁷.

⁷ Результаты авторского опроса иммигрантов с Ближнего Востока в разных городах Европы, август 2020 г. (на арабском языке).

Приток сирийцев в Швецию не был равномерным: миграционные волны колебались в зависимости от политико-экономических условий как на исторической родине, так и в стране назначения (табл. 5).

Таблица 5

Иммиграция из Сирии в Швецию, 2012—2020 годы, чел.

Пол	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Мужчины	3 246	7 996	14 130	14 619	26 516	7 465	4 022	2 280	1 121
Женщины	2 382	5 951	8 721	9 944	17 496	7 601	5 088	1 845	928

Составлено по: *Population size, number of deaths, immigrants, emigrants and average population size by region of birth, sex and age. Year 2021—2120 // Statistics Sweden (SCB), September 2021. URL: https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/START_BE_BE0401_BE0401A/BefProgOsiktDetNb/table/tableViewLayout1 (дата обращения: 09.09.2021).*

По данным агентства *Statista*, в 2020 году в Швецию иммигрировали еще больше, чем указано в таблице 5, сирийцев — 3 293 чел⁸.

Сирийские трудовые мигранты в Швеции с немалым трудом получали разрешение на работу и пребывание в стране, о чем говорят данные за полтора десятилетия — с 2000 по 2014 год включительно (табл. 6).

Таблица 6

Выданные временные разрешения на работу в Швеции иммигрантам из Сирии, чел.

2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
72	61	39	39	38	32	35	36	58	199
2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
435	645	534	727	780	—	—	—	138	

Составлено по: *Population size, number of deaths, immigrants, emigrants and average population size by region of birth, sex and age. Year 2021—2120 // Statistics Sweden (SCB), September 2021. URL: https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/START_BE_BE0401_BE0401A/BefProgOsiktDetNb/table/tableViewLayout1 (дата обращения: 09.09.2021).*

Резкое увеличение заявок сирийцев на разрешение на работу в Швеции может быть связано с последствиями для Сирии мирового экономического кризиса 2008 года, тогда как дальнейшее почти полторакратное увеличение — с началом разрушительной войны в Сирии. В свою очередь, шведские власти облегчили эту процедуру по упоминавшемуся выше Закону о входе на рынок труда в Швеции (*Labor Market Introduction Act*) от 2009 года. Поток мигрантов и беженцев усилился, причем сирийцы, имея, как правило, родственников в Ливане, нередко эмигрировали в Европу официально — через порт Бейрута. Вероятно, положительные решения о выдаче разрешений на работу в Швеции принимались прежде всего в отношении этих «официальных» иммигрантов, а не категории ищущих убежища. Многие сирийцы с успехом встраивались в деловые отношения в стране пребывания, и закономерно, что наибольшего результата добивались те, у кого был опыт предпринимательской деятельности и некоторые начальные «активы».

⁸ *Number immigrants to Sweden 2020, by country of birth // Statista Research Department. 2021. URL: <https://www.statista.com/statistics/522136/sweden-immigration-by-country-of-origin> (дата обращения: 24.08.2021).*

Яркий пример успешного бизнеса сирийцев в шведском Мальмё приводит немецкое издание *Deutsche Welle*. Правда, успех рассматриваемой авторами статьи семьи сирийцев (Абу Рукба и аль-Саббаг) был во многом обусловлен опытом и деловыми связями во многих странах. Это вообще «стиль» сирийских предпринимателей — иметь основу бизнеса в стране исхода и развивать его сразу в нескольких странах. Так, бизнес упомянутых семей процветал некогда в Дамаске: семья Саббаг владела пятью фабриками по обжарке орехов, а отец Абу Рукба управлял компанией, импортировавшей в Сирию медицинское оборудование. А семья, владеющая рестораном *Jasmin al-Sham*, стоящим на главной пешеходной улице Мальмё, имела четыре фабрики по производству бумажных салфеток в сирийском городе Хомсе [26].

Deutsche Welle сообщает, что эти выходцы из Сирии привлекают к своему делу родственников и соседей по Дамаску и надеются на широкий рынок сбыта, прежде всего своих соплеменников на новой родине — «112 тысяч сирийцев, бежавших в Швецию с начала гражданской войны». На площади Мёльваанген, центре иммигрантского населения Мальмё, был открыт (с национальным колоритом — исполнением народного танца дабка и арабской музыкой) магазин по продаже приготовленных по арабскому рецепту орехов *Delicious Rosteri*. Важно отметить, что это вызвало, как сообщается, некоторое недовольство (или зависть) со стороны иммигрантов из Ирака, которые не всегда доброжелательно встречают новых арабских иммигрантов — своих потенциальных конкурентов [26].

В числе своих планов Абу Рукба называл экспорт свежееобжаренных орехов в Австрию, а также продвижение этого же бизнеса в столице Германии, а возможно, и включение в свою деятельность обжарки «арабского» кофе. По признанию бизнесмена, сирийцы, подобные ему, не хотят тратить годы на получение пособий, пока они изучают *Svenska för Invandrare* (SFI, шведский язык для иммигрантов, поэтапная языковая программа, которая является официальным первым шагом к интеграции в Швеции), а готовы тут же включаться в местные экономические отношения [26].

Другие примеры приводятся в материале европейской медиасети «Еврактив» (локализация обозначена как «десяток европейских столиц»). Прибывший из Дамаска в 2014 году 24-летний палестинец, начавший с работы кассиром, а теперь изучающий информатику при Хальмстадском университете, стоматолог из Дамаска, практикующая в шведском городке Мариестаде, стабильный заработок 38-летней матери семейства (прибывшего в 2013 году в Скогас, пригород Стокгольма), позволивший ей получить шведское гражданство, — все это примеры разных путей профессиональной реализации и экономической интеграции иммигрантов и беженцев⁹. Правда, остаются факторы, препятствующие полноценному включению сирийцев в местный социум, и это не всегда настороженное отношение к носителям чуждой культуры со стороны местного населения. Нередко причиной изолированности иммигрантов-сирийцев служит их стремление селиться поближе к местам компактного проживания земляков (например, в окрестностях Мальмё или Сёрдетелье) вместо северных областей, где шведские власти предоставляют места для проживания. Об этом сообщила, в частности, глава Сирийской ассоциации Швеции Теодора Абдо: по ее словам, интеграция сирийцев «провалилась» из-за нехватки жилья и их ограниченных социальных контактов со шведами¹⁰.

⁹ *Syrians still finding their way in Sweden, five years on* // Euractiv. 2020. URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/syrians-still-finding-their-way-in-sweden-five-years-on> (дата обращения: 04.08.2021).

¹⁰ *Ibid.*

Есть проблема и с толерантностью к мигрантам. Ее называет, например, иммиграционный эксперт из Гётеборгского университета Йоаким Руист: «Аналитическая ошибка думать, что отношение шведов к иммиграции было доброжелательным до 2015 года и что оно изменилось после иммиграционной волны: эта толерантность на самом деле всегда была хрупкой — все знали, что большая часть населения не хотела беженцев в стране», поскольку в 2015 году Швеция приняла самое большое количество ищущих убежища в Евросоюзе — 163 тыс. человек, из которых около трети фиксировались как сирийцы¹¹. В конце концов в 2016 году власти были вынуждены принять временный закон (срок его действия истекает в конце 2021 года), который затруднил получение постоянного вида на жительство и воссоединение семей, вместо этого предлагая разрешение на проживание сроком на три года. В результате количество сирийцев, прибывающих в страну, резко упало — до 5,5 тыс. чел. в 2016 году и еще ниже в последующие¹².

Сократилось и число ищущих убежища в Швеции из Сирии. Если в 2016 году в страну въехало 2656 женщин и 2803 мужчины из этой категории мигрантов, то в 2019-м — 1 296 женщин и 1 353 мужчины, а в 2020-м — всего 565 женщин и 644 мужчин¹³.

Тем не менее сирийцы становятся все более заметными в шведском деловом сообществе и предпринимательской среде. В результате затяжного сирийского многостороннего конфликта страну покидают не только рядовые граждане, но и высокообразованные люди и профессионалы, не нашедшие себе применения на родине и не надеющиеся обрести там достойную работу в ближайшем будущем. Масштаб разрушения производственной инфраструктуры в Сирии ужасающий: нарушены хозяйственные связи и ощущается недостаток самого необходимого для производства — топлива и энергоносителей. Остаются проблемы в администрировании и правоприменительной практике. Опытные предприниматели, энергичная и образованная молодежь в этих сложных условиях предпочитают реализовывать свои таланты за рубежом — в частности, в сравнительно толерантной Швеции с ее исторической сирийской диаспорой. Многие из начинающих там свое дело бизнесменов уже обладают сетью деловой поддержки в разных странах, что дает им неоспоримые преимущества, например, перед иракцами в Швеции, которые в этом отношении обладают куда меньшими возможностями.

Немаловажной остается и такая категория иммигрантов, как самозанятые. Выходцы из Сирии и Ливана традиционно более активны, чем другие представители Ближнего Востока в Швеции, и доля самозанятых среди них достигает соответственно 12,5 и 11,1%. В некоторых районах эти иммигранты демонстрируют еще более высокий уровень самозанятости, доходящий до 60% [27, р. 6].

В последние несколько лет количество трудовых мигрантов из Сирии в Швецию стало снижаться, по крайней мере в сравнении с такими странами исхода, как Ирак, Египет и Ливан. Превалирующая доля трудовых мигрантов-сирийцев снизилась и почти сравнялась с долей иракцев еще в 2015 году. В дальнейшем, судя по количеству выданных разрешений на работу, показатель по Сирии стал стремительно падать, уступая иракскому в 2020 году уже в 7,5 раза (табл. 7).

¹¹ *Syrians still finding their way in Sweden, five years on* // Euractiv. 2020. URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/syrians-still-finding-their-way-in-sweden-five-years-on> (дата обращения: 04.08.2021).

¹² *Ibid.*

¹³ *Population size, number of deaths, immigrants, emigrants and average population size by region of birth, sex and age. Year 2021—2120* // Statistics Sweden (SCB), September 2021. URL: https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/START_BE_BE0401_BE0401A/BefProgOsiktDetNb/table/tableViewLayout1 (дата обращения: 09.09.2021).

Таблица 7

**Сопоставление показателей: выданные разрешения на работу в Швеции
по странам исхода**

Год	Ирак	Сирия	Египет	Ливан
2010	363	369	141	91
2011	556	570	306	102
2012	424	483	183	61
2013	257	657	87	42
2014	223	688	116	54
2015	352	358	166	39
2016	243	113	106	39
2017	342	128	220	57
2018	670	138	268	86
2019	639	102	274	77
2020	520	72	239	66

Источник: составлено по: *Beviljade uppehållstillstånd översikter. Statistik 2010—2020 // Migrationsverket. 2021. URL: <https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Statistik/Beviljade-uppehållstillstånd-oversikter.html> (дата обращения: 11.09.2021).*

Приведенные цифры, конечно, не означают снижения экономической активности сирийской диаспоры, но касаются лишь иммиграционного потока и готовности шведских властей предоставлять сирийцам право работать и жить в стране. Остается еще огромный теневой сектор экономики, а также самозанятость, где сирийцы находят применение своей предпринимательской активности.

Заключение

Итак, мигранты с арабского Востока в Швеции представлены разными национальными диаспорами, из которых наибольшими являются иракская и сирийская. Обе они развивались неравномерно, переживая волны и спады притока новых иммигрантов, что зависело от ряда обстоятельств. Одна из групп факторов заключалась в изменяющихся условиях на исторической родине, которые и порождали периодические всплески эмиграционной активности. Другая коренится в условиях шведского общества и государства: 1) в степени готовности шведов принимать носителей чуждой культуры и языка и 2) в нормах шведского трудового и миграционного законодательства. Например, как сообщают исследователи из Мальмё, после реформы законодательства и изменения политики в сфере занятости мигрантов в 2009 году существенно возросло относительное число трудовых иммигрантов из стран Ближнего Востока, в частности из Ирака (от 0,5 до 5,5%) и Сирии (от 1 до 4,5%) [16, p. 14, 16].

Волны иммиграции из Ирака вполне отражают социально-политические флуктуации (ирано-иракская война, война в Персидском заливе и операция «Буря в пустыне», суровые экономические санкции, военная оккупация Ирака и т. д.). Тем не менее представители иракской диаспоры Швеции сравнительно хорошо интегрированы в экономические отношения. Иммигранты-сирийцы вплоть до конца первого десятилетия нынешнего века уступали в количественном отношении иракцам. Но в связи с событиями «арабской весны» иммиграция из Сирии стала существенно возобладать над иракской иммиграцией. Поток беженцев из охваченной войной Сирии дал шведскому обществу значительные трудовые и людские ресурсы. Не прекратился и приток собственно трудовых мигрантов, обладающих серьезной профессиональной квалификацией, а главное — сетью деловых связей и материальной поддержки от родственников, проживающих и ведущих бизнес в других странах.

Несмотря на существенный спад иммиграции в Швецию сирийцев к настоящему времени, экономическая деятельность их диаспоры остается чрезвычайно высокой. «Пассионарный» характер их деловой активности позволяет предполагать в ближайшем будущем выход этой арабской диаспоры на лидирующие позиции в стране. Наличие сильного сообщества сирийских и иракских христиан в Швеции, пусть пока достаточно изолированного, дает возможность усматривать его как немаловажное связующее звено в сфере экономических (трудовых, торговых и др.) отношений между арабскими иммигрантами в Швеции в целом (в том числе мусульманами [28]) и принимающим обществом [29; 30].

Исследование выполнено в МГИМО МИД России по проекту Российского научного фонда № 19-18-00251 «Социально-экономическое развитие крупных городов Европы: влияние иностранных капиталовложений и трудовых миграций».

Список литературы

1. *Puschmann P., Sundin E., De Coninck D., d'Haenens L.* Migration and integration policy in Europe: Comparing Belgium and Sweden // *Images of Immigrants and Refugees in Western Europe: Media Representations, Public Opinion and Refugees' Experiences.* Leuven University Press, 2019. P. 21 — 36.
2. *Olaya-Contreras P., Balcker-Lundgren K., Siddiqui F., Bennet L.* Perceptions, experiences and barriers to lifestyle modifications in first-generation Middle Eastern immigrants to Sweden: a qualitative study // *BMJ Open.* 2019. Vol. 9, № 10. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2018-028076>.
3. *Brell C., Dustmann C., Preston I.* The Labor Market Integration of Refugee Migrants in High-Income Countries // *The Journal of Economic Perspectives.* 2020. Vol. 34, № 1. P. 94 — 121.
4. *Zaed X.* Индимадж ал-ладжиин йухассин ал-ауда' ал-иктисадийя ли-аутанихим ал-джадида = Интеграция беженцев улучшает экономические условия их новой родины // *Scientific American.* 27.06.2018. URL: <https://www.scientificamerican.com/arabic/articles/news/asylum-seekers-are-not-a-burden-for-western-european-countries> (дата обращения: 04.09.2021).
5. *Fleischmann F., Phaet K.* Religion and National Identification in Europe: Comparing Muslim Youth in Belgium, England, Germany, the Netherlands, and Sweden // *Journal of Cross-Cultural Psychology.* 2017. Vol. 49, № 1, P. 44 — 61. <https://doi.org/10.1177/0022022117741988>.
6. *Steiner K.* Images of Muslims and Islam in Swedish Christian and secular news discourse // *Media, War & Conflict.* April 2015. Vol. 8, № 1. P. 20 — 45. <https://doi.org/10.1177/1750635214531107>.
7. *Akmir A.* European Arabs: identity, education and citizenship // *Contemporary Arab Affairs.* April-June 2015. Vol. 8, № 2. P. 147 — 162. <https://doi.org/10.1080/17550912.2015.1016762>.
8. *Lacatus C.* What is a blatte? Migration and ethnic identity in contemporary Sweden // *Journal of Arab & Muslim Media Research.* Dec 2007. Vol. 1, № 1. P. 79 — 92. https://doi.org/10.1386/jamr.1.1.79_1.
9. *Lagervall R.* Representations of religion in secular states: the Muslim communities in Sweden // *Contemporary Arab Affairs.* 2013. Vol. 6, № 4. P. 524 — 538. <https://doi.org/10.1080/17550912.2013.856081>.
10. *Bursell M.* Perceptions of discrimination against Muslims. A study of formal complaints against public institutions in Sweden // *Journal of Ethnic and Migration Studies.* 2021. Vol. 47, № 5. P. 1162 — 1179. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2018.1561250>.
11. *Bursell M.* The Multiple Burdens of Foreign-Named Men — Evidence from a Field Experiment on Gendered Ethnic Hiring Discrimination in Sweden // *European Sociological Review.* June 2014. Vol. 30, № 3. P. 399 — 409. <https://doi.org/10.1093/esr/jcu047>.
12. *Borell K., Gerdner A.* Cooperation or Isolation? Muslim Congregations in a Scandinavian Welfare State: A Nationally Representative Survey from Sweden // *Review of Religious Research: The Official Journal of the Religious Research Association.* 2013. Vol. 55, № 4. P. 557 — 571. <https://doi.org/10.1007/s13644-013-0108-3>.
13. *Khosravi Sh.* White masks/Muslim names: immigrants and name-changing in Sweden // *Race & Class.* Jan 2012. Vol. 53, № 3. P. 65 — 80. <https://doi.org/10.1177/0306396811425986>.
14. *Borevi K.* The Political Dynamics of Multiculturalism in Sweden // *Challenging Multiculturalism: European Models of Diversity.* Edinburgh University Press, 2013. P. 138 — 160.

15. O'Neill A. Sweden — Statistics & Facts. Apr 1, 2021. URL: <https://www.statista.com/topics/2406/sweden> (дата обращения: 14.05.2021).

16. Irastorza N., Emilsson H. The Effects of the 2008 Labour-Migration Reform in Sweden: An Analysis of Income // GLO Discussion Paper. 2020. № 680. Global Labor Organization (GLO), Essen. P. 1—31. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/224907/1/GLO-DP-0680.pdf> (дата обращения: 24.06.2021).

17. Anxo D., Ericson Th. Labour Market Measures in Sweden 2008—13: The Crisis and Beyond. International Labour Organization, 2015. P. 1—33. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/dgreports/-/inst/documents/publication/wcms_449934.pdf (дата обращения: 04.09.2021).

18. Кузнецов А. В. Иностранцы мигранты в крупных городах Балтийского региона: истоки, тенденции, перспективы // Балтийский регион — регион сотрудничества : матер. III междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2019. С. 16—28.

19. Bevelander P., Irastorza N. Catching Up: The Labor Market Integration of New Immigrants in Sweden / ILO, Migration Policy Institute. 2014. P. 1—32. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/ed_protect/-/protrav/-/migrant/documents/publication/wcms_313700.pdf (дата обращения: 04.09.2021).

20. Миняжетдинов И. Х. «Нетипичный» терроризм в этноконфессиональном конфликте в Ираке (на примере ситуации вокруг теракта в г. Хан Бани Саад) // Религия и общество на Востоке. 2018. Вып. 2. С. 89—112.

21. Lyck-Bowen M. Multireligious Cooperation and the Integration of Muslim Migrants in Sweden // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2020. Vol. 690, № 1. P. 168—174. <https://doi.org/10.1177/0002716220939919>.

22. Агафошин М. М., Горохов С. А. Влияние внешней миграции на формирование конфессиональной структуры населения Швеции // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 84—99. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-6>.

23. Балабейкина О. А. Мартынов В. Л. Конфессиональное пространство современной Швеции: христианские деноминации // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 3. С. 113—127. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-3-6>.

24. Lundgren S. The Assyrians: Fifty Years in Sweden // The Middle East in the Contemporary World ; transl. by C. Ahlstrand. Mölndal, 2019.

25. Woźniak-Bobińska M. Modern Assyrian/Syriac Diaspora in Sweden. Lodz, 2020.

26. Orange R. Syrian refugees open for business in Sweden // Deutsche Welle, 7.02.2017. URL: <https://www.dw.com/en/syrian-refugees-open-for-business-in-sweden/a-37428707> (дата обращения: 11.07.2020).

27. Andersson L., Hammarstedt M. Ethnic Enclaves, Networks and Self-Employment among Middle Eastern Immigrants in Sweden // International Migration. 2012. Vol. 53, № 6. P. 590—604. <https://doi.org/10.1080/00343404.2020.1839638>.

28. Tausch A. Migration from the Muslim World to the West: Its Most Recent Trends and Effects // Jewish Political Studies Review. 2019. Vol. 30, № 1/2. P. 65—225.

29. Федоров Г. М., Волошенко Е. В., Михайлова А. А., Осмоловская Л. Г., Федоров Д. Г. Территориальные различия инновационного развития Швеции, Финляндии и Северо-Западного федерального округа РФ // Балтийский регион. 2012. Т. 3, № 13. С. 87—102 <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2012-3-6>.

30. Холявко С. И. Шведская модель пространственного планирования: функции, проблемы и решения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 7. С. 159—168.

Об авторе

Алексей Викторович Сарабьев, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН, Россия.

E-mail: alsaraby@ivran.ru.

<https://orcid.org/0000-0002-9796-2411>

LABOUR MIGRANTS FROM THE MIDDLE EAST ARAB COUNTRIES IN SWEDEN: A PARADIGM SHIFT

A.V. Sarabiev

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences
12/1, ul. Rozhdestvenka Moscow, 107031, Russia

Received 01.09.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-6

© Sarabiev, A.V., 2021

Middle East Arab diasporas, primarily the Iraqi and Syrian ones, are playing an increasing role in the economy and demography of Sweden. This study aims to describe the formation of economically active diasporas in Sweden over the past three decades. There has been a paradigm shift in the immigration and business activity of people from the Middle East Arab countries in Sweden. Diaspora leadership changes depending on the situation in the countries of origin and migration phenomena driven by political and military shocks. This change affects the migration process and the role of communities in the economic life of the country. The study draws on the work of top research centres and data from leading Swedish and international statistical agencies. The rise and subsequent decline in Syrian immigration, which included labour migrants, refugees, and asylum seekers, did not restore the unconditional leadership of the Iraqis among the Arab communities of Sweden. The significant business activity of Syrian immigrants, their professional skills, level of education, and broad business ties make the diaspora a likely leader in the Arab community. These four factors also contribute to easier migrant integration into Swedish society.

Keywords:

labour migration, Arab immigrants, Syrian diaspora, Iraqi diaspora, migration waves, Sweden

References

1. Puschmann, P., Sundin, E., De Coninck, D., d'Haenens, L. 2019, Migration and integration policy in Europe: Comparing Belgium and Sweden, *Images of Immigrants and Refugees in Western Europe: Media Representations, Public Opinion and Refugees' Experiences*, Leuven University Press, p. 21–36.
2. Olaya-Contreras, P., Balcker-Lundgren, K., Siddiqui, F., Bennet, L. 2019, Perceptions, experiences and barriers to lifestyle modifications in first-generation Middle Eastern immigrants to Sweden: a qualitative study, *BMJ Open*, vol. 9, no. 10. doi: <https://dx.doi.org/10.1136/bmjopen-2018-028076>.
3. Brell C., Dustmann C., Preston I. 2020, The Labor Market Integration of Refugee Migrants in High-Income Countries, *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 34, no. 1, p. 94–121.
4. Zayed, H. 2018, Integration of “refugees” improves the economic conditions of their new homeland, *Scientific American*, 28 June, available at: <https://www.scientificamerican.com/arabic/articles/news/asylum-seekers-are-not-a-burden-for-western-european-countries> (accessed 4 September 2021) (In Arabic).
5. Fleischmann, F., Phalet, K. 2017, Religion and National Identification in Europe: Comparing Muslim Youth in Belgium, England, Germany, the Netherlands, and Sweden, *Journal of Cross-Cultural Psychology*, November, p. 1–18.
6. Steiner, K. 2015, Images of Muslims and Islam in Swedish Christian and secular news discourse, *Media, War & Conflict*, April, vol. 8, no. 1, p. 20–45.
7. Akmir, A. 2015, European Arabs: identity, education and citizenship, *Contemporary Arab Affairs*, April-June, vol. 8, no. 2, p. 147–162.

To cite this article: Sarabiev, A. V., 2021, Labour migrants from the Middle East Arab countries in Sweden: a paradigm shift, *Balt. Reg.*, Vol. 13, no 4, p. 95–110. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-6.

8. Lacatus, C. 2007, What is a blatte? Migration and ethnic identity in contemporary Sweden, *Journal of Arab & Muslim Media Research*, Dec., vol. 1, no. 1, p. 79–92.
9. Lagervall, R. 2013, Representations of religion in secular states: the Muslim communities in Sweden, *Contemporary Arab Affairs*, October, vol. 6, no. 4, p. 524–538.
10. Bursell, M. 2018, Perceptions of discrimination against Muslims. A study of formal complaints against public institutions in Sweden, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, December, p. 1–18.
11. Bursell, M. 2014, The Multiple Burdens of Foreign-Named Men — Evidence from a Field Experiment on Gendered Ethnic Hiring Discrimination in Sweden, *European Sociological Review*, June, vol. 30, no. 3, p. 399–409.
12. Borell, K., Gerdner, A. 2013, Cooperation or Isolation? Muslim Congregations in a Scandinavian Welfare State: A Nationally Representative Survey from Sweden, *Review of Religious Research: The Official Journal of the Religious Research Association*, December, vol. 55, no. 4, p. 557–571.
13. Khosravi, Sh. 2012, White masks/Muslim names: immigrants and name-changing in Sweden, *Race & Class*, January, vol. 53, no. 3, p. 65–80.
14. Borevi, K. 2013, The Political Dynamics of Multiculturalism in Sweden, *Challenging Multiculturalism: European Models of Diversity*, Edinburgh University Press, p. 138–160.
15. O'Neill, A. 2021, Sweden — Statistics & Facts. Apr 1, *Statista.com*, available at: <https://www.statista.com/topics/2406/sweden> (accessed 14 May 2021).
16. Irastorza, N., Emilsson, H. 2020, The Effects of the 2008 Labour-Migration Reform in Sweden: An Analysis of Income, *GLO Discussion Paper*, no. 680, Essen, 1–31, available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/224907/1/GLO-DP-0680.pdf> (accessed 24 June 2021).
17. Anxo, D., Ericson, Th. 2015, Labour Market Measures in Sweden 2008–13: The Crisis and Beyond, *International Labour Organization*, p. 1–33, available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/dgreports/-/inst/documents/publication/wcms_449934.pdf (accessed 4 September 2021).
18. Kuznetsov, A.V. 2019, Foreign migrants in major cities of the Baltic region: origins, trends, prospects, *Baltic region — cooperation region 2019: Conf. proceedings* (Kaliningrad, 27–31/08/2019), 16–28 (In Russ.).
19. Bevelander, P., Irastorza, N. 2014, *Catching Up: The Labor Market Integration of New Immigrants in Sweden*, ILO, Migration Policy Institute, April, 1–32, available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/ed_protect/-/protrav/-/migrant/documents/publication/wcms_313700.pdf (accessed 4 September 2021).
20. Minyazhetdinov, I. 2018, “Atypical” terrorism in the ethno-confessional conflict in Iraq (on the example of the situation around the terrorist attack in the city of Khan Bani Saad), *Religion and Society in the East*, vol. II, p. 89–112 (In Russ.).
21. Lyck-Bowen, M. 2020, Multireligious Cooperation and the Integration of Muslim Migrants in Sweden, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, July, vol. 690, no. 1, p. 168–174.
22. Agafoshin, M.M., Gorokhov, S.A. 2020, Impact of external migration on changes in the Swedish religious landscape, *Balt. Reg.*, vol. 12, no. 2, p. 84–99. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-6>.
23. Balabeykina, O.A. Martynov, V.L. 2017, Confessional space of modern Sweden: Christian denominations, *Balt. Reg.*, vol. 9, no. 3, p. 113–127. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2074-9848-2017-3-6>.
24. Lundgren, S. 2019, The Assyrians: Fifty Years in Sweden, *The Middle East in the Contemporary World*, Transl. by Carl Ahlstrand, Mölndal, Nineveh Press.
25. Woźniak-Bobińska, M. 2020, *Modern Assyrian/Syriac Diaspora in Sweden*, Lodz, University of Lodz.
26. Orange, R. 2017, Syrian refugees open for business in Sweden, *Deutsche Welle*, 7 February, available at: <https://www.dw.com/en/syrian-refugees-open-for-business-in-sweden/a-37428707> (accessed 11 July 2020).
27. Andersson, L., Hammarstedt, M. 2012, Ethnic Enclaves, Networks and Self-Employment among Middle Eastern Immigrants in Sweden, *International Migration*, vol. 53, no. 6, p. 590–604, doi: <https://dx.doi.org/10.1080/00343404.2020.1839638>.

28. Tausch, A. 2019, Migration from the Muslim World to the West: Its Most Recent Trends and Effects, *Jewish Political Studies Review*, vol. 30, no. 1/2, p. 65—225.

29. Fedorov, G.M., Voloshenko, E.V., Mikhailova, A.A., Osmolovskaya, L.G., Fedorov, D.G. 2012, Territorial differences in the innovative development of Sweden, Finland and the Northwestern Federal District of the Russian Federation, *Balt. Reg.*, vol. 3, no. 13, p. 87—102 doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2012-3-6>.

30. Kholyavko, S.I. 2014, Swedish model of spatial planning: functions, problems and solutions, *IKBFU's Vestnik. Natural and medical sciences*, no. 7, p. 159—168 (In Russ.).

The author

Dr Aleksei V. Sarabiev, Leading Research Fellow, Centre of Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: alsaraby@ivran.ru.

<https://orcid.org/0000-0002-9796-2411>

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ШВЕДСКОГО ИСЛАМИЗМА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО «ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»

Е. Ю. Талалаева

Т. С. Пронина

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

Поступила в редакцию 29.04.2021 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-7

© Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С., 2021

Современные общественно-политические реалии Швеции постепенно трансформируются под влиянием нового актора на европейской геополитической арене — этноконфессионального «параллельного общества». Появлению элементов институционализированного мусульманского «параллельного общества» на «незащищенных территориях» (маргинализированных иммигрантских районах крупных городов Швеции) способствует ряд различных социально-политических факторов. Однако в основе данного процесса лежит деятельность исламистских политических, общественных и экономических структур, придерживающихся религиозно-политического курса «Братьев-мусульман» (организации, запрещенной в РФ) и ориентированных на постепенную исламизацию населения Швеции через идеологическое воздействие на иммигрантов «мусульманского происхождения». Усилия шведских исламистских организаций, направленные на сохранение и укрепление «мусульманской идентичности», не только противодействуют культурной ассимиляции иммигрантов, но и во многом препятствуют полноценной реализации шведской интеграционной политики. Недостаточная изученность процессов «мирной» исламизации шведского общества и сопутствующих ей проблем исламофобии, антимусульманского расизма и радикализации мусульманской молодежи обуславливает актуальность исследования деятельности исламистских организаций в отношении шведского мусульманского иммигрантского сообщества. Реконструкция целостной картины формирования этноконфессионального «параллельного общества» в Швеции в рамках данного исследования осуществляется методом анализа научной литературы, источников и статистических данных, всесторонне отображающих ключевые аспекты феномена шведской исламизации. Кроме того, полученные результаты позволяют оценить эффективность политики противодействия «параллельным обществам» и мер по укреплению демократических ценностей как основы единого шведского социума со стороны государственных структур.

Ключевые слова:

исламизм, политический ислам, «параллельное общество», «незащищенная территория», мусульманская идентичность, иммигранты «мусульманского происхождения», «Братья-мусульмане», национальная безопасность Швеции

Введение

Трансформации современного глобального миропорядка во многом способствует конфессиональный фактор. В частности, это проявляет себя через формирование на территории национальных европейских государств мусульманских

Для цитирования: Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С. Социально-политический аспект шведского исламизма как фактор формирования этноконфессионального «параллельного общества» // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 4. С. 111–128. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-7.

«параллельных обществ», происходящее вследствие идеологического воздействия исламистских организаций на этноконфессиональные иммигрантские сообщества. Исламизм (политический ислам) представляет собой политическую идеологию, произрастающую из особой интерпретации ислама и основывающую на нем свою легитимность. Сара Хан, возглавляющая британскую Комиссию по борьбе с экстремизмом, определила исламизм как современное политизированное движение, идеологическая основа которого предполагает религию в качестве руководства для политических действий и определенной системы веры в Бога [1, р. 52]. Исламистские политические партии, общественные организации и движения существенно отличаются друг от друга, что обуславливает необходимость их исследования в контексте той социально-политической среды, где они функционируют.

В Швеции деятельность исламистских организаций способствует формированию особой «мусульманской идентичности», призванной защитить и сохранить культурно-религиозные традиции шведских мусульман. Однако, с другой стороны, это является основой противопоставления положительного образа «шведов» и «иммигрантов мусульманского происхождения» как источника угроз демократическому укладу шведского общества и национальной безопасности со стороны мусульманской радикализации. Таким образом, нацеленность исламистских организаций на усиление своего влияния в шведском мусульманском сообществе и отстаивание религиозного аспекта идентичности его членов приводят к росту исламофобских настроений в обществе и анклавизации иммигрантских районов в крупных шведских городах с формированием в них элементов «параллельного» социально-политического сектора. Недостаточная изученность данных процессов в контексте шведской общественно-политической системы и острая необходимость поиска решений политических, культурных и социально-экономических проблем, сопутствующих сегрегации шведских иммигрантских пригородов («незащищенных территорий»¹), обуславливают актуальность данного исследования.

Теоретическая основа и методология исследования

Несмотря на значительное число современных исследований, посвященных деятельности зонтичной исламистской организации «Братья-мусульмане» на европейском пространстве, в контексте шведских социально-политических реалий данный феномен изучен слабо. Тем не менее понятие «исламизм» прочно обосновалось в дискурсе шведской политики безопасности, ассоциируясь с экстремистской деятельностью. Согласно отчету Министерства юстиции Швеции о насильственном политическом и исламистском экстремизме «термин исламизм в большинстве случаев используется для описания подхода, рассматривающего ислам как всеобъемлющую и идеологическую модель управления страной, в отличие от взгляда, в котором ислам воспринимается как религия»². Поэтому в отношении проявлений исламской радикализации термин «исламизм» было рекомендовано заменить на понятие «мусульманский экстремизм»³, смещающее акцент с ислама как религии.

¹ Rätt insats på rätt plats – polisens arbete i utsatta områden. S. 16. URL: https://www.riksrevisionen.se/download/18.7546977617592429b913d517/1604927340756/RiR%202020_20%20Anpassad.pdf (дата обращения: 07.04.2021).

² *Våldsbejakande extremism i Sverige, nuläge och tendenser*. Justitiedepartementet. S. 22. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/departmentsserien/valdsbejakande-extremism-i-sverige--nulage-och_H2B44 (дата обращения: 07.04.2021).

³ *Våldsbejakande islamistisk extremism i Sverige*. S. 28. URL: <https://www.cve.se/download/18.62c6cfa2166eca5d70e2160/1547452379244/S%C3%A4po%20V%C3%A5ldsbejakande%20islamistisk%20extremism%202010.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).

Как отмечает шведский антрополог и специалист по вопросам исламизма и мультикультурализма Айе Карлбом, несмотря на существование определенной угрозы для государственной безопасности со стороны радикально ориентированных мусульман, исламизм как социально-политическое явление следует отличать от насильственного экстремизма неофундаменталистских салафитских движений [2, с. 7]. В связи с террористическими актами, затронувшими шведское общество в последние несколько лет, в современном шведском социально-политическом дискурсе стало принято разделять «мирный» исламизм и радикальную экстремистскую деятельность. Таким образом, шведские исламистские организации, официально не признающие своего членства, но руководствующиеся идеологическим установками «Братьев-мусульман», осуществляя свою «мирную» политическую деятельность в условиях европейской демократии наравне с прочими социально-демократическими акторами, считаются не причастными к террористическим актам на европейском пространстве [3, р. 3; 4, р. 30]. Однако это не отменяет устремлений данных религиозно-политических структур «через “мирную” исламизацию западного мира прийти к коренному переустройству глобального мирового порядка на принципах политического ислама» [5, с. 194]. В этом плане под понятием исламизации подразумевается постепенное идеологическое воздействие на мусульманина, нацеленное на формирование его религиозной идентичности как начального этапа построения исламского государства на европейском пространстве. Следовательно, исламистские организации в Швеции ориентированы на долгосрочное постепенное внедрение своей религиозно-политической идеологии в шведское общество, прежде всего через иммигрантские мусульманские сообщества.

В качестве теоретической и источниковой базы данной научной работы выступают: 1) научно-исследовательские проекты по вопросам исламизма и экстремистской деятельности, осуществленные на базе шведских университетов по государственному заказу; 2) полицейские отчеты, отображающие состояние дел в «незащищенных территориях»; 3) исследования проблемы исламофобии и мусульманского расизма в шведском обществе, проведенные по запросу шведских мусульманских организаций; 4) работы, изучающие деятельность исламистской организации «Братья-мусульмане» на европейском пространстве; 5) уставы шведских исламистских организаций; 6) правительственные акты Дании и Швеции в отношении «параллельных обществ»; 7) статистические данные о составе шведского мусульманского населения.

Методология данного исследования предполагает осуществление всестороннего анализа представленной литературы и источников, что позволит составить целостную картину специфики формирования мусульманского «параллельного общества» в Швеции. Таким образом, цель исследования заключается в изучении влияния общественно-политической деятельности шведских исламистских организаций на мусульманское иммигрантское сообщество в Швеции. На основе полученных данных будет осуществлена реконструкция факторов формирования этноконфессионального «параллельного общества» на шведской территории и оценены перспективы государственной политики противодействия «параллельному обществу» как потенциальной угрозе национальной безопасности.

Религиозно-политическая идеология шведских исламистских организаций

Проследить влияние идеологической позиции «Братьев-мусульман» на шведское общество и прибывающих в него иммигрантов из мусульманских стран можно с начала 1980-х годов на основании распространяющихся в иммигрантской среде

информационных листовок об исламе [6, s. 8]. В них был изложен призыв «подчиниться» вере, представленной целостной системой ценностей и норм повседневной жизни, отделяющей этих мусульман от светского общества и под видом религиозного долга постулирующей необходимость дальнейшего распространения этих идей. Стратегический подход «Братьев-мусульман» к построению исламского государства ориентирован на постепенную идеологическую обработку населения, в соответствии с которой личная жизнь мусульман в конечном итоге должна быть подчинена государству, руководствующемуся шариатским судом [6, s. 7]. Данный подход изначально дистанцировал «Братьев-мусульман» от западного общества, способствуя негативному восприятию западных социальных норм и демократических ценностей в мусульманских общинах.

В середине 1990-х годов в Стокгольме была создана «Исламская ассоциация в Швеции». Несмотря на то что данная организация отрицает свою принадлежность к «Братьям-мусульманам», считается, что она функционирует как единый центр, организующий и контролирующей деятельность различных мусульманских организаций⁴ на территории страны и продвигающий идеологические установки «Братьев-мусульман» [6, s. 14]. Исследователи исламизма часто подчеркивают нежелание приверженцев религиозно-политической идеологии «Братьев-мусульман» открыто распространяться о своей причастности к организации (см., напр.: 7, p. 137). Одной из наиболее значимых причин, обосновывающих подобную позицию, является нежелание вызвать неприятие исламистских идей среди немусульманского европейского населения, в сознании которых представления об исламе зачастую соотносятся с негативными проявлениями религиозного экстремизма.

Адаптировавшись к шведской специфике функционирования общественно-политической системы, «Братья-мусульмане» не ограничились созданием общественно-религиозных структур, сформировав разветвленную экономическую структуру [6, s. 10]. Благодаря этому «Братья-мусульмане» смогли обеспечить возможность доступа к финансовым ресурсам, позволяющим распространять и усиливать свое идеологическое влияние среди мусульман, лучше узнавать особенности и способы взаимодействия со шведским обществом. Учитывая, что «Братья-мусульмане» — это «тайная сеть», организации, работающие под ее эгидой, могут осуществлять деятельность, не раскрывая своего членства перед шведской общественностью.

Другим важным стратегическим аспектом европейской деятельности «Братьев-мусульман» является принятие на себя роли лидера европейских мусульман. Иными словами, они взяли на себя представительную роль «посредника» между «мусульманским гражданским обществом» и европейской политической элитой [6, s. 18]. Шведский исламовед Ян Ярпе указывает, что в отличие от ислама как «личной религиозности и опыта... религиозной традиции во всей ее сложности» исламизм представляет собой «призвание религиозной традиции к политическим действиям, утверждение религии как социального строя» [8, s. 12]. Мнению Я. Ярпе созвучен аргумент политолога Бассам Тиби о важности разграничения ислама как религии от политического исламизма: «Исламизм произрастает из особой интерпретации ислама, но это не ислам: это политическая идеология, отличающаяся от учения религии ислама» [9, p. 1]. Б. Тиби не отрицает взаимосвязи этих двух понятий, но представляет исламизм в качестве «изобретения традиции», появившейся вследствие социально-политических изменений на Ближнем Востоке в прошлом столетии [9, p. 1].

⁴ Согласно исследованию «Muslimska Brödrskapet i Sverige» («Братья-мусульмане в Швеции») (2016) к наиболее влиятельным шведским исламистским организациям помимо «Исламской ассоциации Швеции» относятся «Исламская помощь», «Ассоциация изучения Ибн Рушда» и «Молодые мусульмане Швеции» [6, s. 12–14].

Один из наиболее известных «изобретателей» исламистской идеологии — основатель движения «Братьев-мусульман» Хасан аль-Банна, сформулировавший обобщенное понимание ислама, согласно которому религия представляет собой единую систему ценностей и норм для государства и гражданского общества. Специалист по исламистским движениям Халил Аль-Анани характеризует воззрения аль-Банна на религию как «всеобъемлющие убеждения, охватывающие все аспекты человеческой жизни» [10, p. 56]. Согласно мнению профессора Университета Мальмё Анне Софи Роальд, значительный масштаб распространения идеи аль-Банна на европейском пространстве с 1970-х годов вследствие миссионерской деятельности агентов «Братьев-мусульман» способствовал укоренению в общественном представлении исламистского понимания ислама [11, p. 260]. Данная позиция по-прежнему актуальна для организации «Братья-мусульмане» в Египте, в связи с чем Х. аль-Анани отмечает: «Братство не делает различий между религией и политикой. Оно рассматривает ислам как инклюзивную систему, распространяющуюся на все сферы жизни, включая политику, экономику, общество, культуру и т. д.» [10, p. 65].

Религиозно-политическая позиция аль-Банна изначально была идеологической отправной точкой для политических установок исламистских организаций в Швеции [12, s. 20]. Подтверждение данному факту приводится в исследовании шведского исламоведа Йонаса Оттербека публикаций журнала «Салаам» в период 1986—1998 годов, где отмечено, что авторы опубликованных в нем статей чаще всего ссылаются на идеологов «Братьев-мусульман», в частности на Хасана аль-Банну [13, s. 179]. Следовательно, видение ислама как основы для религиозно-политической идеологии, охватывающей все сферы жизни, было заимствовано шведской исламистской средой у авторитетных исламистских идеологов. Один из наиболее распространенных документов, содержащих руководство для понимания ислама шведскими мусульманами, — издание «Att förstå islam» («Понимание ислама») ⁵, составленное под руководством председателя «Федерации шведских мусульман» Махмуда Альдебе при поддержке иммиграционной службы Швеции. Согласно этому документу «ислам предоставляет людям довольно конкретные инструкции, которым необходимо следовать во всех жизненных ситуациях. Инструкции всеобъемлющи и включают моральные, духовные, социальные, политические и экономические аспекты бытия» ⁶.

Такой подход предопределил появление в социально-политическом дискурсе Швеции вопросов о возможности построения «Братьями-мусульманами» управляемого ими «институционализованного исламистского параллельного общества» [14, p. 500] по аналогии с их деятельностью в Египте. В этом плане исламистская деятельность «Братьев-мусульман» и аффилированных с ними европейских организаций по построению мусульманского гражданского общества встречает существенное препятствие: если в Египте формирование «параллельного» социально-политического сектора стало альтернативной возможностью социального обеспечения граждан, которое им не могло предложить государство, то в контексте демократического государственного устройства европейских стран подобная риторика перестает себя оправдывать. Таким образом, «в немусульманских странах публичное повествование о “Братьях-мусульманах” сосредоточено больше на задаче исламизации личности и сообщества, чем государства» ⁷. Однако причаст-

⁵ *Att förstå islam*. URL: <http://docplayer.se/4787087-Att-forsta-islam-2002-06-04-www-islamiska-org-2-81.html> (дата обращения: 07.04.2021).

⁶ *Ibid.* S. 9.

⁷ *Muslim Brotherhood Review: Main Findings*. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/486948/53163_Muslim_Brotherhood_Review_-_PRINT.pdf (дата обращения: 07.04.2021).

ность иммигрантского населения к определенной религиозной традиции и призыв к сохранению собственной «мусульманской идентичности» в современных социально-политических реалиях является недостаточным основанием для избегания ассимиляции в шведское гражданское общество. Формирование идентичности мусульман в шведском обществе представляет собой неоднозначный и многовекторный процесс, выступая одним из ключевых факторов сегрегации районов проживания иммигрантов и превращения данных территорий в этноконфессиональные «параллельные общества».

Специфика формирования «мусульманской идентичности» в шведском обществе

В Швеции отсутствует какая-либо статистика религиозной самоидентификации граждан. Более того, «в Швеции наблюдается сильное нежелание, если не откровенная враждебность, спрашивать, измерять и собирать данные обо всем, что связано с религией, этнической принадлежностью, языком и расой» [15, p. 14]. Единственная категория для обозначения иммигрантов, официально используемая в Швеции, — лица «иностранного происхождения» (*utländsk bakgrund*)⁸, под которой подразумеваются те, кто родился за границей или чьи родители имеют иностранное происхождение.

Одним из важных факторов формирования идентичности различных групп населения в Швеции, противопоставляющего «шведов» и «иммигрантов», является широкое общественное обсуждение официально опубликованных документов о противодействии этноконфессиональному иммигрантскому гетто в Дании⁹. Переоценка датским правительством собственной государственной стратегии в отношении мусульманских гетто получила широкую огласку в шведских средствах массовой информации, став темой многочисленных дебатов о необходимости смены шведского политического курса в отношении иммигрантов, проживающих на «незащищенных территориях». В контексте данного социально-политического дискурса понятия «иммигрант» и «мигрант» предстают в качестве «проблемы» или «угрозы» шведской нации [16, s. 60]. Согласно этим представлениям об идентичности «иммигрант» ассоциируются с преступностью, безработицей, социальными проблемами и недемократическими авторитарными ценностями в отличие от положительного образа «шведа» — законопослушного, работоспособного, социально безопасного и демократичного гражданина.

В отчете, подготовленном представителями шведского мусульманского сообщества в ответ на усиление расистских и исламофобских настроений в стране, подчеркивается популяризация стереотипного представления шведских мусульман как угрозы «шведским ценностям» и самой идее «шведскости» [15, p. 8], сочетающей в себе базовые аспекты культурной идентичности «шведов». Согласно опросу, проведенному в 2018 году среди шведского населения¹⁰, 85% респондентов наиболее

⁸ *Hur många i Sverige är födda i ett annat land?* URL: <https://www.migrationsinfo.se/fragor-och-svar/hur-manga-utrikes-fodda-sverige/> (дата обращения: 07.04.2021).

⁹ *Ghettoen tilbage til samfundet. et opgør med parallelsamfund i Danmark.* København: Socialministeriet. URL: <https://www.regeringen.dk/tidligere-publikationer/ghettoen-tilbage-til-samfundet/> (дата обращения: 07.04.2021) ; *Ét Danmark uden parallelsamfund — Ingen ghettoer i 2030.* København: Økonomi-og Indenrigsministeriet. URL: <https://www.regeringen.dk/nyheder/2018/ghettoudspil/> (дата обращения: 07.04.2021).

¹⁰ *Oscarsson H. E. Vad är viktigt för att vara verkligt svensk?* URL: <https://politologerna.worddpress.com/2019/07/09/vad-ar-viktigt-for-att-vara-verkligt-svensk/> (дата обращения: 22.05.2021).

важным элементом шведской идентичности считают уважение шведских либерально-демократических законов, 69% указывают на необходимость знания шведского языка, 25% на первое место ставят шведское происхождение и 12% — наличие шведских предков, тогда как 9% заявили о важности религиозного фактора (исповедования христианства). Социально-политический дискурс «шведских ценностей» наиболее распространен в отношении недавно прибывших мигрантов из стран с преобладающим мусульманским населением и мусульман, уже обосновавшихся в пригородах крупных шведских городов. Исходя из сложившейся ситуации, официальные представители шведского мусульманского сообщества констатируют неспособность шведского государства серьезно заняться проблемой исламофобии и «антимусульманского расизма» в отношении шведских мусульман адекватным образом, независимо от состава правительства [15, p. 8].

Так как политика мультикультурализма во многом дискредитировала себя на европейском пространстве в вопросах, связанных с миграцией, в последние годы в социально-политическом дискурсе Швеции преобладает заменивший ее термин «разнообразие» [6, s. 24]. Понятие «разнообразие» имеет постмодернистскую коннотацию, что предоставляет ему возможность включить большее число «идентичностей» в описание культурного и религиозного плюрализма современного шведского общества. Под этими идентичностями, призванными формировать единый социум, подразумеваются не только иммигранты, но и, к примеру, сексуальные меньшинства. «Разнообразие» в обществе предполагает наличие устоявшейся структуры ценностей, определяющей отношение шведского гражданина к меньшинствам. Прежде всего речь идет о толерантности в отношении представителей меньшинств и предоставлении им права со стороны мажоритарного общества придерживаться своего особого образа жизни.

Однако эти общеевропейские демократические ценности, призванные способствовать успешной интеграции в единый социум отдельных групп населения, также представляют собой идеологическую «структуру возможностей» исламистских организаций, аффилированных с ассоциацией «Братьев-мусульман». Так как в значительной степени секуляризированной Швеции не представляется возможным открыто заявить о построении государства на основе религиозно-политической идеологии, «Братья-мусульмане» пропагандируют свой исламистский проект в рамках политики мультикультурализма, ориентированной на «разнообразие» в обществе и признание мусульман в качестве «европейского религиозного сообщества» [6, s. 24]. В соответствии с данным подходом приверженцы идей «Братьев-мусульман» охотнее идентифицируют себя с «глобальной мусульманской уммой», чем с какой-либо конкретной нацией [6, s. 14], что существенно затрудняет процесс интеграции мусульманских иммигрантов в шведское общество. В контексте «глобализированного ислама» понятие «мусульманин/мусульманка» часто приобретает «неэтническое» значение, скорее указывая на идентичность, чем на религиозную принадлежность, что позволяет создать новую обобщенную «этническую группу» [17, p. 124—143]. Также к данной группе могут быть причислены «культурные мусульмане». Под понятием «культурный мусульманин/мусульманка» (Cultural Muslim) как правило подразумевают «светского (нерелигиозного) человека, который, имея мусульманское происхождение (то есть живя в немусульманской стране), все еще отождествляет себя с мусульманской культурой или религией, хотя не является практикующим мусульманином» [18, с. 144]. Ключевым положением европейского понимания этой новой обобщенной «мусульманской идентичности» служит предположение, что все люди, хотя бы отдаленно связанные с исламом, причастны к некой мусульманской культуре вне зависимости от их происхождения и социального статуса.

Данный неэтнический дискурс актуален для конструирования современной политики идентичности исламистскими организациями как представителями этноконфессиональных сообществ, население которых преимущественно составляют иммигранты «мусульманского происхождения». Политический социолог Хазем Кандил предлагает семиуровневую модель аль-Банна, характеризующую различные фазы социальных изменений [19, p. 110], согласно которой начальными этапами постепенной исламизации выступают становление мусульманской личности, создание мусульманской семьи и формирование мусульманского правительства, отождествляющие идеальное мусульманское общество. Из этого можно сделать вывод, что процесс исламизации в современном шведском обществе основывается на религиозной идентичности мусульманина.

Опыт включения исламского религиозного проекта в контекст мультикультуралистского дискурса можно проиллюстрировать на примере «Шведской мусульманской ассоциации», провозгласившей «всех людей единым целым, несмотря на их различия в расе, религиозных убеждениях и языке» и стремящейся «к многокультурному обществу, основанному на краеугольных камнях человеческих ценностей, равенства, уважения, терпимости, взаимной интеграции, объективности и благополучия»¹¹. При этом одной из основополагающих целей организации является «продвижение, защита, сохранение и укрепление религиозной идентичности членов»¹². Политическая сфера в данном контексте рассматривается в качестве «важного источника знаний», приобщение к которому способствует более активному участию мусульманского меньшинства в шведском обществе. Однако подход, ориентированный на сохранение и укрепление религиозного аспекта идентичности представителей иммигрантских анклавов, способствует политической и социальной поляризации шведского общества, усиливая противопоставление «мы (мусульмане) — они (остальное общество)».

В современной Швеции наблюдается ситуация, когда понятия «ислам» и «мусульманин» упрощены и унифицированы. Это способствовало появлению нового термина «расизм без рас», когда расизм функционирует на основе культурной и религиозной принадлежности [20, s. 20—21]. Подобные упрощения способствовали появлениям в социально-политическом дискурсе таких понятий, как «культурное столкновение» и «религиозный диалог», описывающих культуру и религию как нечто монолитное и статичное [21, s. 78—79]. Это приводит к тому, что попытка защитить мусульман от влияния ценностей западного общества (свободы совести, гендерного равноправия, современных взглядов на «нетрадиционную» сексуальную ориентацию) путем создания «параллельного» институционализованного исламского сектора в виде «мусульманского гражданского общества» оказывает негативное влияние на процесс интеграции сегрегированных мусульманских сообществ в единый шведский социум и может впоследствии оказаться труднопреодолимым препятствием для социализации мусульман, которые иммигрируют в Швецию в последующие годы, что усилит вероятность их радикализации.

Факторы трансформации «незащищенной территории» в этноконфессиональное «параллельное общество»

Исходя из предположения, что в ближайшие годы не предвидится значительного снижения уровня миграционных потоков из ближневосточных и африканских

¹¹ Sveriges Muslimska Förbund. URL: <http://smf-islam.se/vision/> (дата обращения: 07.04.2021).

¹² Ibid.

мусульманских стран за счет новых беженцев и программ воссоединения семей, «параллельный» социально-политический сектор в Швеции может расшириться и функционировать как конкурирующая с основным обществом социально-политическая структура. Это делает вероятным сценарий развития событий, при котором усилия по культурной исламизации населения страны со стороны мусульманских общественных структур могут спровоцировать эскалацию социальной и политической напряженности внутри государства. При этом справедливо возникает вопрос: какова численность мусульманского населения в Швеции и может ли оно в действительности представлять угрозу благосостоянию шведского общества и территориальной безопасности государства?

В современной Швеции отсутствуют исследования о численности мусульман, однако примерное число человек с «мусульманским происхождением» по состоянию на 2014 год оценивалось в 450 000 человек, до 110 000 из которых были членами шести наиболее авторитетных шведских мусульманских организаций [22, s. 144]. Другие подсчеты указывают на 1 022 850 человек, или 10,2% от общей численности населения Швеции в 2017 году¹⁵ и 8,1% — в 2016-м¹⁴. Однако эти данные ориентируются преимущественно на иммигрантов и беженцев из стран, где большинство населения исповедует ислам, не учитывая число мусульман шведского происхождения или иммигрантов из стран ЕС, бывшего СССР и американских государств. Если обратить внимание на долгосрочную ретроспективу, то «всего за 1990—2018 годы доля мусульман в религиозном населении Швеции выросла более чем в 4,6 раза и составляет почти 14% религиозного населения страны» [23, с. 92].

Исследование работы шведских социальных служб с иммигрантами из неблагополучных районов проживания продемонстрировало значительное число «колониальных стереотипов», в соответствии с которыми иммигранты «мусульманского происхождения» рассматриваются как «культурно отсталые», «традиционные», «нелогичные» и «авторитарные» [24, р. 558—560]. Данная модель восприятия иммигрантов неевропейского происхождения в работе социальных служб через призму их культурной идентичности принадлежит к одному из факторов роста исламофобских настроений в обществе и существенно осложняет интеграцию мусульманского населения в шведский социум.

Среди скандинавских государств только Дания и Швеция открыто публикуют официальные государственные отчеты о состоянии дел в проблемных иммигрантских районах. Во многом такая ситуация обусловлена иной демографической географией других стран Скандинавии и, как следствие, присущей им более слабой степенью урбанизации, что существенно снижает вероятность возникновения сегрегированных иммигрантских анклавов. В частности, официальная позиция норвежских властей¹⁵ основывается на отрицании существования в Осло закрытых для полиции жилых районов, тогда как социальные проблемы в областях с высокой численностью иммигрантов не выводятся в категорию особой угрозы, требующей отдельного рассмотрения. Однако если датская позиция в этом вопросе формируется на основе статистических данных [25, с. 64—65], то шведская система ориентирована на обобщенный опыт в восприятии подобных территорий. К примеру,

¹⁵ *Hübinette T.* Hur många muslimer finns det i Sverige? URL: <https://aktuelltfokus.se/hur-manga-muslimer-finns-det-i-sverige/> (дата обращения: 07.04.2021).

¹⁴ *Europe's Growing Muslim Population.* Pew Research Center: Religion & Public Life. URL: <https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> (дата обращения: 07.04.2021).

¹⁵ *Parallellsamfunn? Et politiblikk.* Oslo Politidistrikt. S. 22—23. URL: <https://www.politiet.no/globalassets/dokumenter/oslo/rapporter/parallellsamfunn/raprap-fra-oslo-politidistrikt-parallellsamfunn-et-politiblikk.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).

в отчетах шведской полиции¹⁶ описывается наличие «параллельных» социальных структур и присутствие насильственного религиозного экстремизма на территории сегрегированных мусульманских районов, однако не указывается, каким образом были получены представленные данные.

Сегрегированные районы проживания мусульманских иммигрантов (включая до 95% жителей иностранного происхождения) в шведском социально-политическом дискурсе часто маркируют «пригородами» (*förorter*), «иммигрантскими районами» (*invandrarområden*), «исключенными территориями» (*utanförskapsområden*) или «незащищенными/уязвимыми территориями» (*utsatta områden*) [15, p. 20], что усиливает негативное восприятие их жителей в шведском обществе.

Согласно отчету Национального оперативного управления полиции Швеции под «незащищенной территорией» (*utsatt område*) понимается «географически обособленная территория, характеризующаяся низким социально-экономическим статусом, местное население которой находится под влиянием преступных группировок»¹⁷. Тогда как «особо незащищенная территория» (*särskilt utsatt område*) подразумевает наличие параллельных социальных структур; экстремизма; лиц, выезжающих за пределы государства для участия в боевых действиях на конфликтных территориях; высокую концентрацию преступных сил. В случае когда территория характеризуется как «незащищенная», но не соответствует особым критериям, ее принято считать «зоной риска».

Большинство пригородов, попадающих под определение «незащищенных территорий», было построено в период с 1965 по 1975 год в соответствии с «миллионной программой» (*Miljonprogram*)¹⁸, нацеленной на восполнение острой нехватки жилья в шведских крупных городах. Однако уже в начале 1970-х годов в таких жилых районах значительно возросло количество пустующих квартир и дефицит доступного жилья превратился в его переизбыток. Постепенно население в районах с многоквартирной застройкой стало представлено людьми с незначительными финансовыми возможностями, многие из которых являлись иммигрантами или были социально маргинализированы. Согласно данным Национального совета по жилищному вопросу, строительству и городскому планированию Швеции, перенаселенность в этих районах характерна для таких групп населения, как молодежь, лица иностранного происхождения и семьи с низкими доходами¹⁹. Кроме того, закрытый план этих районов предусматривал наличие внутренней жилой зоны с местной социальной инфраструктурой и без проезжей части, огражденной по периметру многоквартирными домами и примыкающей к ним кольцевой дорогой. Данное обстоятельство вместе с социально-экономической отсталостью и перенаселенностью «миллионных» пригородов способствует криминализации этих районов и препятствует эффективной работе полиции.

¹⁶ *Utsatta områden — sociala risker, kollektiv förmåga och oönskade händelser / Nationella operativa avdelningen, Underrättelseenheten*. S. 19–20. URL: https://polisen.se/siteassets/dokument/ovriga_rapporter/utsatta-omraden-sociala-risker-kollektiv-formaga-och-oonskade-handelser.pdf (дата обращения: 07.04.2021).

¹⁷ *Kriminell påverkan i lokalsamhället — En lägesbild för utvecklingen i utsatta områden / Nationella operativa avdelningen, Underrättelseenheten*. S. 4. URL: https://polisen.se/siteassets/dokument/ovriga_rapporter/kriminell-paverkan-i-lokalsamhallet.pdf (дата обращения: 07.04.2021).

¹⁸ *Utsatta områden — sociala risker, kollektiv förmåga och oönskade händelser / Nationella operativa avdelningen, Underrättelseenheten*. 2015. S. 8.

¹⁹ *Trångboddheten i storstadsregionerna*. Boverket. S. 15. URL: <https://www.boverket.se/globalassets/publikationer/dokument/2016/trangboddheten-i-storstadsregionerna.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).

В Швеции в настоящее время существует 60 районов, классифицируемых как «незащищенные территории», 32 из которых относятся к категории «особо незащищенные» или находятся в «зоне риска»²⁰. Важно отметить, что число «особо незащищенных территорий» увеличилось с 15 (2015) до 22 (2019)²¹. На возможности преступных группировок в пригородах крупных шведских городов указывают те факты, что в 2020 году их силами были организованы комендантский час в стоковольмском пригороде Тенста и блокпосты для въезжающих автомобилей в гётеборгских районах Хаммаркуллене и Хьелльбо [26, s. 1]. Кроме того, «особо незащищенные территории» являются сопутствующим фактором усиления исламистской радикализации [27, s. 40]. Наиболее четко эта тенденция продемонстрирована в стоковольмских районах Ринкебю, Ангеред и пригороде Мальмё Розенгарде [28, s. 213]. Несмотря на то что радикализованы могут быть «этнические шведы», прежде не соприкасавшиеся с исламом, большинство людей, подвергшихся радикализации, представлены иммигрантами в первом и втором поколении [29, s. 85]. В течение нескольких последних лет в Швеции численность людей, состоящих в различных агрессивно настроенных экстремистских сферах, увеличилась с нескольких сотен до трех тысяч человек [30, s. 35].

В политической обстановке противодействия терроризму проблемы социальной, экономической и политической маргинализации мусульманского населения в Швеции были приравнены к вопросам по борьбе с насильственным экстремизмом. Вследствие этого фактически ко всем мусульманам в общественно-политическом дискурсе Швеции стали относиться как к «подозреваемым» [31, s. 71]. В исследовании о расовом и этническом профилировании как методе борьбы с преступностью в Швеции указывается: «Мусульманину достаточно находиться в одном месте с контролируемым лицом, чтобы самому стать подозреваемым» [32, s. 25]. С другой стороны, итальянский эксперт по вопросам радикального ислама Лоренцо Видино полагает, что агентами сети «Братьев-мусульман» в Европе преднамеренно распространяется антимусульманский нарратив, ориентированный на акцентирование и преувеличение исламофобских инцидентов, что укрепляет среди мусульман мнение об исламофобии и враждебности окружающего их социума [3, p. 3]. Таким образом, сочетание исламистской идеологии с антимусульманским нарративом может способствовать радикализации определенных групп мусульман. Тем не менее шведским Национальным оперативным управлением полиции отмечается: «В настоящее время в Швеции отсутствуют зоны с полноценной параллельной социальной системой, но ее элементы присутствуют на незащищенных территориях»²².

Либеральная интеграционная политика Швеции нацелена на противодействие «параллельным обществам» и укрепление демократических ценностей. Как и в Дании [25, с. 61], в Швеции основная работа по интеграции мусульманских иммигрантов в единое шведское общество ориентирована прежде всего на детей и школу как ключевой общественный институт, влияющий на процесс их социализации. В этом плане особую опасность представляют «независимые религиозные школы»: «Мы хотим остановить появление новых независимых религиозных школ. <...> Школа, которая должна стать мостом в общество, вместо этого рискует превратиться в анклав, изолирующий детей от остального общества и противодействующий ра-

²⁰ Åtgärder för utsatta områden. URL: <https://data.riksdagen.se/fil/1CC11ADE-EE49-410A-9AB3-A71FB162C76A> (дата обращения: 07.04.2021).

²¹ Ibid.

²² Utsatta områden — sociala risker, kollektiv förmåga och oönskade händelser. Nationella operativa avdelningen, Underrättelseenheten. 2015. S. 19.

венству и равному обращению с девочками и мальчиками»²³. Здесь следует пояснить, что политические, социальные и экономические проблемы, связанные с иммиграцией и появлением мусульманских независимых школ, получили широкое обсуждение с начала 2000-х годов и повлекли за собой целый ряд вопросов, связанных с исламистской деятельностью и исламофобией [33, с. 267].

В настоящее время среди 7000 шведских школ 66 школ являются конфессиональными, из которых 11 — мусульманские²⁴. Именно существование мусульманских школ подвержено глубокой критике в шведском социально-политическом дискурсе, и они позиционируются как «религиозные школы» несмотря на то, что данная категория запрещена шведским законодательством и при несоответствии учебной программы шведским образовательным стандартам такие школы были бы закрыты школьной инспекцией. Требования о закрытии конфессиональных мусульманских школ озвучиваются регулярно. В качестве примера их неприятия в шведском обществе можно привести получивший широкий общественный резонанс случай трансляции на одном из крупнейших телеканалов Швеции истории о раздельном размещении мальчиков и девочек в школьном автобусе одной из стохольмских школ [15, р. 37]. Если со стороны шведской общественности подобная ситуация представляется как нарушение демократического уклада, и мусульманское сообщество рассматривает это как одно из проявлений исламофобии в шведском обществе.

Несмотря на то что шведская интеграционная политика нацелена на «уменьшение сегрегации и создание равных условий для жизни»²⁵, одним из наиболее серьезных камней преткновения между государством и шведским мусульманским сообществом стал вопрос об изъятии детей из мусульманских семей, признанных неблагополучными. Согласно статистическим данным системы защиты прав детей в Швеции ежегодно около 30 000 детей находятся под опекой различных государственных учреждений²⁶, 65% из их числа, а также 83% детей, помещенных в дома-интернаты, имеют иностранное происхождение. Учитывая, что общая доля детей и молодежи иностранного мусульманского происхождения составляет примерно 35% от общего числа представителей молодого поколения жителей Швеции, охват аудитории, с которой работает система защиты прав детей, по мнению мусульманского сообщества, чрезмерен [15, р. 16—17]. Данный факт усиливает недовольство шведского мусульманского населения правительственными действиями и способствует поляризации между шведским обществом и мусульманским иммигрантским сообществом.

Все эти факты указывают на необходимость принятия срочных мер со стороны государственных структур по недопущению дальнейшего развития неблагоприятной ситуации. Пример действий правительства Швеции по предотвращению развития мусульманского «параллельного общества» на территории государства — поручение в декабре 2020 года Национальному совету по вопросам здравоохранения

²³ *Avcı G.* Liberal integrationspolitik. Stärk individen — motverka parallellsamhällen. S. 4. URL: <https://data.riksdagen.se/fil/575BDE5E-4DF0—4F77-A6BC-664AE949D94C> (дата обращения: 07.04.2021).

²⁴ *Lista:* Sveriges religiösa friskolor. Skolvärlden. URL: <https://skolvarden.se/artiklar/lista-sveriges-religiosa-friskolor> (дата обращения: 07.04.2021).

²⁵ *Lagercrantz H. (red.).* Segregation i Norden — om inkludering, unga och politik. S. 19. URL: <https://nordicwelfare.org/wp-content/uploads/2019/10/Segregation-i-norden-webb1.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).

²⁶ *Statistik om socialtjänstens insatser till barn och unga 2019 / Socialstyrelsen.* S. 1. URL: <https://www.socialstyrelsen.se/globalassets/sharepoint-dokument/artikelkatalog/statistik/2020-8-6871.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).

и социального обеспечения инвестировать 250 млн шведских крон в год в период 2021—2023 годов на социальные инициативы на «незащищенных территориях», направленные на принятие и расширение мер в области предупреждения преступной деятельности²⁷. Однако, как показывает ситуация в Швеции, на сегодняшний день этих мер недостаточно для того, чтобы оказать эффективное противодействие усилению сегрегации иммигрантских мусульманских общин. С одной стороны, исламистские организации, способствуя образованию «параллельных обществ» на территории Швеции, не располагают идеологическими инструментами в противостоянии радикализации мусульманской молодежи, проживающей на «незащищенных территориях». В частности, стремление религиозно-политической идеологии «Братьев-мусульман» адаптироваться к демократическому укладу европейских государств приводит к расхождению ее практики с общим посланием Корана, что в результате вызывает активизацию экстремисткой деятельности салафитов [34, s. 60]. С другой стороны, государственная интеграционная политика использует довольно противоречивые методы культурной ассимиляции мусульманской молодежи, вызывающие недовольство шведского мусульманского сообщества.

Выводы

Несмотря на достаточно широкое освещение социально-политической деятельности исламистского движения в европейских странах, в Швеции данный феномен по-прежнему остается слабо изученным. Однако активизация действий «мусульманских экстремистов» за последнее десятилетие, повлекшая за собой исламофобский и антимусульманский дискурс в шведском обществе, способствовала актуализации исследований по проблемам исламизма и сегрегации мусульманских иммигрантских общин.

Постепенное идеологическое воздействие исламистских организаций, разделяющих религиозно-политические и социальные идеи «Братьев-мусульман», на шведских иммигрантов «мусульманского происхождения» во многом предопределило сложившуюся территориальную анклавизацию районов их проживания. К настоящему времени данная группа шведских жителей по разным подсчетам составляет 10—14% населения. С целью предотвращения поляризации шведского общества государством была осуществлена попытка реабилитировать дискредитировавшую себя политику мультикультурализма при помощи нового концепта «разнообразия». Однако политика «разнообразия» предоставила «структуру возможностей» для исламистских организаций, адаптировавших идеологические установки «Братьев-мусульман» к специфике демократического шведского общества. Это обеспечило защиту социально-политической деятельности данных организаций от внешней критики путем отставания религиозной идентичности представителей мусульманских меньшинств.

Разветвленная сеть исламистских структур во всех сферах шведского общества и роль «посредника», представляющего интересы мусульманского сообщества перед государством, позволяет исламистским организациям осуществлять противодействие культурной ассимиляции мусульманских иммигрантов за счет формирования особой «мусульманской идентичности». Данный неэтнический подход препятствует эффективной интеграции иммигрантов из мусульманских стран в единый шведский социум и открывает возможности для построения в иммигрантских

²⁷ *Sociala insatser i utsatta områden / Regeringskansliet*. URL: <https://www.regeringen.se/presst-meddelanden/2021/02/sociala-insatser-i-utsatta-omraden/> (дата обращения: 07.04.2021).

районах «параллельного» политического и социально-экономического сектора, располагающего своими «параллельными» общественными структурами: школами, различными социальными службами и экономической инфраструктурой, функционирующими в соответствии с исламскими нормами и ценностями. С другой стороны, усиление влияния датской риторики о необходимости противодействия «параллельным» иммигрантским гетто на шведский социально-политический дискурс способствует проявлениям «антимусульманского расизма» в обществе.

Данные отчетов шведской полиции о состоянии дел в «особо незащищенных территориях», численность которых с 2015 года возросла на треть, низкая эффективность работы социальных служб с иммигрантами и противоречивая политика государства в отношении детей «мусульманского происхождения» указывают на неспособность действующей государственной интеграционной политики отрегулировать сложившуюся ситуацию. Отсутствие эффективных действий по решению проблемы развития «параллельных» структур в «незащищенных территориях» является сопутствующим фактором усиления насильственного экстремизма, что представляет угрозу национальной безопасности. С другой стороны, ситуация усугубляется действиями исламистских организаций. Несмотря на то что идеология «Братьев-мусульман» не только не призывает к экстремистским действиям, но и стремится отгородиться от этого крайнего проявления исламизма, широкое распространение политизированного варианта ислама в мусульманском европейском обществе способствует радикализации молодежи, считающей методы «мирной» исламизации недостаточными для качественных изменений в европейском обществе. Таким образом, проблема насильственного мусульманского экстремизма стала общей для государства и исламистских организаций, несмотря на разное направление социально-политических векторов их воздействия на шведское мусульманское сообщество. Следовательно, решение сложившейся проблемы должно осуществляться объединением усилий обеих сторон, консолидация которых возможна при условии конструирования новой идентичности шведских граждан иностранного «мусульманского происхождения», соответствующей как представлениям демократического шведского общества, так и устремлениям исламистских организаций сохранить мусульманскую культурную традицию и религиозную идентичность иммигрантов из мусульманских стран.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта «Трансформации глобального профессионального геопространства: феномен “параллельных” обществ в системе международно-политических отношений», № 19-18-00054.

Список литературы

1. Khan S. The Battle for British Islam: Reclaiming Identity from Extremism. L., 2016.
2. Carlbom A. Samhället måste öppna sig för mångfalden. Mångfaldspolicyn som politisk möjlighet till islamisk activism. Malmö, 2019. URL: <https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/28798.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
3. Vidino L. The Muslim Brotherhood in Austria. Rapport. Wien, 2017.
4. Roy O. Jihad and Death: The Global Appeal of Islamic State. L., 2016.
5. Андреева Л. А. Вызов современной конституционной системе Германии: деятельность организации «Братья-мусульмане» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 4. С. 192—210. doi: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-9.
6. Norell M., Carlbom A., Durrani F.K.P. Muslimska Brödraskapet i Sverige. 2016. URL: <https://rib.msb.se/filer/pdf/28248.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
7. Pargeter A. The Muslim Brotherhood: From Opposition to Power. L., 2013.
8. Hjärpe J. Islamism: Politisk-religiösa rörelser i den muslimska världen. Malmö, 2010.

9. *Tibi B.* Islamism and Islam. New Haven, 2012.
10. *Al-Anani Kh.* Inside the Muslim Brotherhood. Oxford, 2016.
11. *Roald A. S.* The Discourse of Multiculturalism: An Obstacle to Cultural Change? // *Tidskrift for Islamforskning*. 2014. Årg. 8, Nr. 1. S. 248—274. doi: 10.7146/tifo.v8i1.25330
12. *Carlbohm A.* Islamiskaktivism i en mångkulturell kontext—ideologisk kontinuitet eller förändring? Malmö, 2018. URL: <https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/28456.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
13. *Otterbeck J.* Islam på svenska: tidskriften Salaam och islams globalisering. Lund, 2000.
14. *Schuck C.* A Conceptual Framework of Sunni Islamism // *Politics, Religion & Ideology*. 2013. Vol. 14, № 4. P. 485—506. doi: 10.1080/21567689.2013.829042.
15. *Hübinette T., Abdullahi M.* Swedish Muslims in Cooperation Network Alternative Report. Stockholm, 2018. URL: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CERD/Shared%20Documents/SWE/INT_CERD_NGO_SWE_30871_E.pdf (дата обращения: 07.04.2021).
16. *Lundin T.* Svenskhet i förändring — en kulturvetenskaplig analys av debatten om gettopaketet i svensk press. Göteborg, 2019. URL: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/62140/1/gupea_2077_62140_1.pdf (дата обращения: 07.04.2021).
17. *Roy O.* Globalized Islam: The Search for a New Umma. N.Y., 2004.
18. *Дианина С. Ю., Халиль М. А. М., Глаголев В. С.* «Культурный ислам» в пространстве Северной Европы // *Балтийский регион*. 2019. Т. 11, № 3. С. 142—160. doi: 10.5922/20798555201938.
19. *Kandil H.* Inside the Brotherhood. Cambridge, 2015.
20. *Johansson E. (Ed.)* Forskning om utsatthet hos förmodade muslimer och islamofobi i Sverige. Oxford, 2013. URL: <https://www.do.se/globalassets/publikationer/rapport-forskning-diskriminering-muslimer-sverige.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
21. *Gardell M.* Islamofobi. Stockholm, 2010.
22. *Larsson G.* Islam och muslimer i Sverige — en kunskapsöversikt. Stockholm, 2014. URL: <https://www.myndighetsnst.se/download/18.50d91f6b155046e7152c7081/1464948170878/Nr%204,%20Islam%20och%20muslimer,%20nr%204%20komplett.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
23. *Агафошин М. М., Горохов С. А.* Влияние внешней миграции на формирование конфессиональной структуры населения Швеции // *Балтийский регион*. 2020. Т. 12, № 2. С. 84—99. doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-6.
24. *Eliassi B.* Constructing cultural Otherness within the Swedish welfare state: The cases of social workers in Sweden // *Qualitative Social Work*. 2015. Vol. 14, № 4. P. 554—571. doi: 10.1177/1473325014559091.
25. *Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С.* Этноконфессиональные иммигрантские гетто как проблема национальной безопасности в современном общественно-политическом дискурсе Дании // *Балтийский регион*. 2020. Т. 12, № 3. С. 55—71. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-4.
26. *Alfthan V.* No-Go Zones i Norden. En jämförande analys mellan två förorter i Finland och problemområden i Sverige och Danmark. 2021. URL: https://www.theseus.fi/bitstream/handle/10024/356450/LP_Alfthan.pdf?sequence=2&isAllowed=y (дата обращения: 07.04.2021).
27. *Fredriksson T., Torstensson M.* Islamistisk radikaliserings. En studie av särskilt utsatta områden. Stockholm, 2019. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1338258/FULLTEXT02> (дата обращения: 07.04.2021).
28. *Ranstorp M., Ahlin F., Hyllengren P., Normark M.* Mellan Salafism och Salafistisk Jihadism — Påverkan mot och utmaningar för samhället. Stockholm, 2018. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1231645/FULLTEXT02.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
29. *Gustafsson L., Ranstorp M.* Swedish Foreign Fighters in Syria and Iraq: An Analysis of Open-Source Intelligence and Statistical Data. Stockholm, Bromma, 2017. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1110355/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
30. *Häggström H., Brun H. (Eds.)* Antagonistiska hot och dess påverkan på lokalsamhället. Stockholm, Bromma, 2019. URL: <https://www.fhs.se/download/18.4de5088316de-ae29189350/1571641866102/Antagnostiska%20hot%20och%20dess%20p%C3%A5verkan%20p%C3%A5%20lokalsamh%C3%A4llet.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
31. *Andersson M. R., Mattson C.* Från ord till handlingsplan. En rapport om kommunala handlingsplaner mot våldsbejakande extremism. Sveriges Kommuner och Landsting. Karlstad, 2017. URL: <https://docplayer.se/108172120-Fran-ord-till-handlingsplan-en-rapport-om-kommunala-handlings-planer-mot-valdsbejakande-extremism.html> (дата обращения: 07.04.2021).

32. *Mulinari S. L.* Slumpvis utvald. Ras-/etnisk profilering i Sverige. Stockholm, 2017. URL: http://www.criminology.su.se/polopoly_fs/1.361560.1513162298!/menu/standard/file/CRD-5600-Rapport_Slumpvis-utvald_final.pdf (дата обращения: 07.04.2021).

33. *Cato J.* När islam blev svenskt: föreställningar om islam och muslimer i svensk offentlig politik 1975—2010. Lund, 2012.

34. *Amghar S., Khadiyatoulah F.* Disillusioned militancy: the crisis of militancy and variables of disengagement of the European Muslim Brotherhood // *Mediterranean Politics*. 2017. Vol. 22, № 1. P. 54—70. doi: 10.1080/13629395.2016.1230941.

Об авторах

Екатерина Юрьевна Талалаева, научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Россия.

E-mail: aikatarin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6007-5202>

Татьяна Сергеевна Пронина, доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Россия.

E-mail: tania_pronina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8902-9154>

SWEDISH ISLAMISM AS A SOCIAL AND POLITICAL ASPECT IN THE FORMATION OF AN ETHNO-CONFESSIONAL PARALLEL SOCIETY

**Talalaeva, E. Yu.,
Pronina, T. S.**

Pushkin Leningrad State University
10 Petersburgskoe shosse, Pushkin, St Petersburg, 196605, Russia

Received 29.04.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-7
© Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S., 2021

An ethno-confessional parallel society, a new actor in the European geopolitical space, is transforming the social and political fabric of Sweden. An institutionalised Muslim parallel society is emerging in vulnerable areas, such as marginalised immigrant districts of Swedish cities, through the efforts of Islamist political, social, and economic structures adhering to the religious and political doctrine of the Muslim Brotherhood. Committed to maintaining the Muslim identity, these organisations seek gradual Islamisation of the Swedish population through ideological influence on immigrants with a Muslim background. These efforts thwart cultural assimilation attempts and hinder the implementation of Swedish integration policy. The lack of research into the peaceful Islamisation of Swedish society and the related problems of Islamophobia, anti-Muslim racism, and radicalisation of Muslim youth lends urgency to investigating the influence of Islamist organisations on the Swedish Muslim immigrant

To cite this article: Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. 2021, Swedish Islamism as a social and political aspect in the formation of an ethno-confessional parallel society, *Balt. Reg.*, Vol. 13, no 4, p. 111—128. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-7.

community. This study analyses the literature, sources, and statistics on the essential aspects of Swedish Islamisation to provide a holistic picture of the formation of an ethnic-confessional parallel society in Sweden. The findings help evaluate the effectiveness of the national policy on confronting parallel societies, as well as of measures to promote democratic values as the foundation of a united Swedish society.

Keywords:

Islamism, political Islam, parallel society, vulnerable area, Muslim identity, immigrants, Muslim Brotherhood, national security of Sweden

References

1. Khan, S. 2016, *The Battle for British Islam: Reclaiming Identity from Extremism*, London, SAQI.
2. Carlbom, A. 2019, *Samhället måste öppna sig för mångfalden. Mångfaldspolicyn som politisk möjlighet till islamisk activism*, Malmö, Malmö Universitet, 2019, available at: <https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/28798.pdf> (accessed April 07, 2021).
3. Vidino, L. 2017, *The Muslim Brotherhood in Austria. Rapport*, Wien, Universität Wien.
4. Roy, O. 2016, *Jihad and Death: The Global Appeal of Islamic State*, London, Hurst & Company.
5. Andreeva, L.A. 2020, A Challenge to the Modern Constitutional System of Germany: The Activities of the Muslim Brotherhood, *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, vol. 13, no. 4, p. 192—210. doi: <https://dx.doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-9>.
6. Norell, M., Carlbom, A., Durrani, F.K.P. 2016, *Muslimska Brödraskapet i Sverige*, available at: <https://rib.msb.se/filer/pdf/28248.pdf> (accessed April 07, 2021).
7. Pargeter, A. 2013, *The Muslim Brotherhood: From Opposition to Powe*, London, Saqi Books.
8. Hjärpe, J. 2010, *Islamism: Politisk-religiösa rörelser i den muslimska världen*, Malmö.
9. Tibi, B. 2012, *Islamism and Islam*, New Haven, Yale University Press.
10. Al-Anani, Kh. 2016, *Inside the Muslim Brotherhood*, Oxford, Oxford University Press.
11. Roald, A.S. 2014, The Discourse of Multiculturalism: An Obstacle to Cultural Change? *Tidskrift for Islamforskning*, vol. 8, no. 1, p. 248—274. doi: <https://dx.doi.org/10.7146/tifo.v8i1.25330>.
12. Carlbom, A. 2018, *Islamiskaktivism i en mångkulturell kontext—ideologisk kontinuitet eller förändring?* Malmö, Malmö Universitet, available at: <https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/28456.pdf> (accessed April 07, 2021).
13. Otterbeck, J. 2000, *Islam på svenska: tidskriften Salaam och islams globalisering*, Lund.
14. Schuck, C. 2013, A Conceptual Framework of Sunni Islamism, *Politics, Religion and Ideology*, vol. 14, no. 4, p. 485—506. doi: <https://dx.doi.org/10.1080/21567689.2013.829042>.
15. Hübinette, T., Abdullahi, M. 2018, *Swedish Muslims in Cooperation Network Alternative Report*, Stockholm, available at: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CERD/Shared%20Documents/SWE/INT_CERD_NGO_SWE_30871_E.pdf (accessed April 07, 2021).
16. Lundin, T. 2019, *Svenskhet i förändring — en kulturvetenskaplig analys av debatten om gettopaketet i svensk press*, Göteborg, available at: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/62140/1/gupea_2077_62140_1.pdf (accessed April 07, 2021).
17. Roy, O. 2004, *Globalized Islam: The Search for a New Umm*, New York, Columbia University Press.
18. Dianina, S. Yu., Khalil, M.A.M., Glagolev, V.S. 2019, Cultural Islam in Northern Europe, *Balt. Reg.*, vol. 11, no. 3. p. 142—160. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/20798555201938>.
19. Kandil, H. 2015, *Inside the Brotherhood*, Cambridge, Polity press.
20. Johansson, E. (ed.) 2013, *Forskning om utsatthet hos förmodade muslimer och islamofobi i Sverige*, Oxford, Oxford Research, available at: <https://www.do.se/globalassets/publikationer/rapport-forskning-diskriminering-muslimer-sverige.pdf> (accessed April 07, 2021).
21. Gardell, M. 2010, *Islamofobi*, Stockholm, Leopard Förlag.
22. Larsson, G. 2014, *Islam och muslimer i Sverige — en kunskapsöversikt*, Stockholm, available at: <https://www.myndighetsnst.se/download/18.50d91f6b155046e7152c7081/1464948170878/Nr%204,%20Islam%20och%20muslimer,%20nr%204%20komplett.pdf> (accessed April 07, 2021).

23. Agafoshin, M.M., Gorokhov, S.A. 2020, Impact of external migration on changes in the Swedish religious landscape, *Balt. Reg.*, vol. 12, no. 2, p. 84—99. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-6>.

24. Eliassi, B. 2015, Constructing cultural Otherness within the Swedish welfare state: The cases of social workers in Sweden, *Qualitative Social Work*, vol. 14, no. 4, p. 554—571, doi: <https://dx.doi.org/10.1177/1473325014559091>.

25. Talalaeva, E. Yu., Pronina, T.S. 2020, Ethno-confessional immigrant ghettos as a national security problem in Denmark's social and political discourse, *Balt. Reg.*, vol. 12, no. 3. p. 55—71. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-4>.

26. Alfthan, V. 2021, *No-Go Zones i Norden. En jämförande analys mellan två förorter i Finland och problemområden i Sverige och Danmark*, available at: https://www.theseus.fi/bitstream/handle/10024/356450/LP_Alfthan.pdf?sequence=2&isAllowed=y (accessed April 07, 2021).

27. Fredriksson, T., Torstensson, M. 2019, *Islamistisk radikaliserings. En studie av särskilt utsatta områden*, Stockholm, available at: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1338258/FULLTEXT02> (accessed April 07, 2021).

28. Ranstorp, M., Ahlin, F., Hyllengren, P., Normark, M. 2018, *Mellan Salafism och Salafistisk Jihadism — Påverkan mot och utmaningar för samhället*, Stockholm, available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1231645/FULLTEXT02.pdf> (accessed April 07, 2021).

29. Gustafsson, L., Ranstorp, M. 2017, *Swedish Foreign Fighters in Syria and Iraq: An Analysis of Open-Source Intelligence and Statistical Data*, Stockholm, Bromma, available at: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1110355/FULLTEXT01.pdf> (accessed April 07, 2021).

30. Häggström, H., Brun, H. (eds.), 2019, *Antagonistiska hot och dess påverkan på lokal-samhälle*, Stockholm, Bromma, available at: <https://www.fhs.se/download/18.4de5088316de-ae29189350/1571641866102/Antagnostiska%20hot%20och%20dess%20p%C3%A5verkan%20p%C3%A5%20lokalsamh%C3%A4llet.pdf> (accessed April 07, 2021).

31. Andersson, M.R., Mattson, C. 2017, *Från ord till handlingsplan. En rapport om kommunala handlingsplaner mot våldsbejakande extremism. Sveriges Kommuner och Landsting*, Karlstad: Advant Produktionsbyrå, available at: <https://docplayer.se/108172120-Fran-ord-till-handlingsplan-en-rapport-om-kommunala-handlings-planer-mot-valdsbejakande-extremism.html> (accessed April 07, 2021).

32. Mulinari, S.L. 2017, *Slumpvis utvald. Ras-/etnisk profilering i Sverige*, Stockholm: Civil Rights Defenders and Stockholm University, available at: http://www.criminology.su.se/polopoly_fs/1.361560.1513162298!/menu/standard/file/CRD-5600-Rapport_Slumpvis-utvald_final.pdf (accessed April 07, 2021).

33. Cato, J. 2012, *När islam blev svenskt: föreställningar om islam och muslimer i svensk offentlig politik 1975—2010*, Lund, Lunds Universitet.

34. Amghar, S., Khadiyatoulah, F. 2017, Disillusioned militancy: the crisis of militancy and variables of disengagement of the European Muslim Brotherhood, *Mediterranean Politics*, vol. 22, no. 1, p. 54—70. doi: <https://dx.doi.org/10.1080/13629395.2016.1230941>.

The authors

Ekaterina Yu. Talalaeva, Research Fellow, Centre for Religious and Ethnopolitical Studies, Pushkin Leningrad State University, Russia.

E-mail: aikatarin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6007-5202>

Prof. Tatiana S. Pronina, Senior Researcher, Centre for Religious and Ethnopolitical Studies, Pushkin Leningrad State University, Russia.

E-mail: tania_pronina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8902-9154>

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

О РОЛИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯХ ЗАНЯТОСТИ В ДИНАМИКЕ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Г. М. Федоров¹
С. Киндер²
Т. Ю. Кузнецова¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

² Тюбингенский университет Эберхарда и Карла,
72074, Германия, Тюбинген

Поступила в редакцию 01.06.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-8

© Федоров Г. М., Киндер С.,
Кузнецова Т. Ю., 2021

Структурные изменения в экономике в сочетании с территориальными и межселенными различиями в уровне и качестве жизни населения способствуют серьезным изменениям в системе населенных пунктов страны. В пользу городских агломераций усиливается поляризация расселения и пространственное перераспределение сельского населения из восточных и северных субъектов РФ в южные и столичные регионы. Возрастают пока еще недостаточно изученные типологические различия региональных систем расселения, которые необходимо учитывать в стратегическом и пространственном планировании. В данной статье на основе положений концепции геодемографической обстановки с использованием массива официальных статистических данных по субъектам РФ, а также по муниципалитетам и населенным пунктам Калининградской области рассматривается связь изменений в сельском расселении с динамикой занятости населения, обусловленной структурными сдвигами в экономике российских регионов. Показано влияние процесса поляризации расселения на формирование мезо- и микрорегиональных различий динамики населенных пунктов. Отмечено наличие регионов, обладающих резервами перераспределения населения из села в город, в зависимости от структуры и динамики занятости сельского населения.

Ключевые слова:

сельское расселение, Россия, Калининградская область, плотность населения, динамика расселения, занятость населения

Введение

Сельское расселение изучается в России намного менее интенсивно, чем городское, хотя еще в 1960-е годы С. А. Ковалевым положено начало комплексному исследованию сельских населенных пунктов [1]. К. К. Шешельгисом предложена концепция Единой системы расселения [2], развитая затем в трудах Б. С. Хорева

Для цитирования: Федоров Г. М., Киндер С., Кузнецова Т. Ю. О роли географического положения и изменениях занятости в динамике сельского расселения // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 4. С. 129–146. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-8.

[3]. Под руководством Т. И. Заславской выполнено изучение миграции сельского населения, в ходе которого рассматривались изменения в сельском расселении [4]. Географические исследования сельской местности России с выявлением факторов, закономерностей и территориальных различий процессов продолжаются [6—7]. Особое внимание уделяется характеру миграционных процессов на селе [8—10], приводящих к изменению структуры занятости населения [11—12] и сдвигам в экономике [13—15]. Но теоретическое основание развития сельских систем расселения (если не считать вполне обоснованных утверждений о происходящей поляризации расселения и отдельных предложений о необходимости сближения сельского и городского уровня жизни, повышения роли малых городов, диверсификации доходов и др.) с их типологизацией, как и представления о желаемом будущем каждого типа, пока не вполне определены.

Кардинально изменившиеся после отказа от административно-командной системы экономические и социальные условия развития села требуют новой экистической концепции, в которой достойное место занимало бы сельское расселение. Пока же исключительно большое внимание уделяется геоурбанистике — она фактически заменила прежнюю географию населения и населенных пунктов в учебном процессе при подготовке кадров по географическим (и в целом региональным) специальностям. В данной статье рассматриваются некоторые факторы, мезо- и микрорайонные особенности динамики сельского расселения, в том числе в увязке с экономическим развитием села. На наш взгляд, полученные результаты могут оказаться полезными при обосновании общих положений концепции развития сельского расселения в новых социально-экономических условиях.

Методология исследования

Теоретическую основу исследования составляет концепция региональной геодемографической обстановки [16; 17], в которой демографические процессы увязываются с социально-экономическими факторами, прежде всего с динамикой занятости в аграрных отраслях (сельское хозяйство и охота, лесоводство и лесозаготовки, рыболовство и рыбоводство). В методическом плане особое внимание уделяется выявлению качественных особенностей сельского расселения на основе его мезо- и микрорайонной типологизации. Используются опубликованные данные Росстата в разрезе субъектов РФ и материалы Калининградстата об изменениях людности населенных пунктов, обработанные с помощью методов комбинированных группировок, экономико-картографических и графоаналитических методов.

Мезорайонные различия динамики сельского расселения

Плотность населения — один из факторов, в наибольшей степени коррелирующий с динамикой сельского населения. Понятно, что более высокая плотность населения объясняется повышенными темпами его прироста в предшествующий период, но изменившиеся социально-экономические условия часто приводили к перераспределению регионов по уровню естественного и миграционного прироста. Коэффициент корреляции между плотностью (в 2020 году) и динамикой сельского населения (1989—2020) составляет 0,65 (как известно, существенной считается связь между показателями при коэффициенте корреляции, превышающем по модулю 0,7). Еще один показатель, обнаруживающий наличие прямой связи с динамикой сельского населения, — среднегодовая температура в регионе; коэффициент корреляции — 0,63.

Группировка субъектов РФ по плотности и динамике численности сельского населения (табл. 1, рис. 1) позволяет выявить некоторые территориальные особенности сельского расселения и его динамики.

Таблица 1

**Распределение субъектов РФ по плотности
и динамике численности сельского населения**

Человек на км ² , 2020 год	2020 год в % к 1989 год			
	79,9 и менее	80,0—99,9	100,0—109,9	110,0 и более
30,0— 64,9	—	—	Московская область	Республики Ингушетия, Чеченская, Крым, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Адыгея, Северная Осетия – Алания, Краснодарский край
10,0— 24,9	Республики Мордовия, Чувашская, Воронежская, Брянская, Курская, Тамбовская области	Республика Татарстан, Белгородская, Липецкая, Тульская, Владимирская области	Республики Башкортостан, Удмуртская, Ставропольский край, Ростовская, Самарская области	Карачаево-Черкесская Республика, Калининградская область
5,0—9,9	Пензенская, Калужская, Ульяновская, Рязанская, Смоленская области	Орловская области, Республика Марий Эл, Алтайский край, Ивановская, Челябинская, Ярославская, Саратовская, Волгоградская области	Ленинградская, Астраханская, Оренбургская области	—
1,0—4,9	Курганская, Омская, Тверская, Псковская, Кировская, Новгородская, Костромская, Вологодская области, Еврейская АО	Республика Калмыкия, Пермский, Приморский края, Кемеровская, Новосибирская, Тюменская (без АО) области	Республики Хакасия, Алтай, Свердловская область	—
0,01—0,99	Республики Карелия, Коми, Забайкальский, Хабаровский, Красноярский, Камчатский края, Сахалинская, Амурская, Архангельская (без Ненецкого АО), Мурманская, Магаданская области, Ямало-Ненецкий, Ненецкий, Чукотский АО	Республики Тыва, Саха (Якутия), Иркутская, Томская области	Ханты-Мансийский АО – Югра	—

Примечание: учтены 82 субъекта РФ – без Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя.

Составлено на основе данных: Болдырев В.А. Итоги переписи населения СССР. М. : Финансы и статистика, 1990. 45 с. ; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. М. : Росстат, 2020. 1242 с.

В правой верхней клетке таблицы 1 представлены регионы Южного и Северо-Кавказского федеральных округов с наибольшей плотностью сельского населения и, одновременно, с его значительным ростом (в республиках Северного Кавказа благодаря накопленному ранее демографическому потенциалу, а в Республике Крым и Краснодарском крае — вследствие миграционного притока). Возросла численность сельского населения, хотя и меньшими темпами, и в Московской области. В нижних клетках сосредоточены регионы с наименьшей плотностью населения, расположенные на востоке страны и севере Европейской части, где сельское население, наоборот, сокращается (кроме Ханты-Мансийского АО — Югры), причем в большинстве регионов сокращение за 1989—2020 годы превысило 20%.

В регионах с плотностью населения 1,0—4,9 и 10,0—24,9 человек на км² только по три из них характеризуются ростом численности сельского населения, а субъекты РФ с повышенной плотностью (10,0—24,9 человек, все в Европейской части страны) распределены по показателям динамики населения более равномерно, хотя число теряющих сельских жителей (11 регионов) превышает количество имеющих растущую численность (7 регионов).

Сокращение за 1989—2020 годы в целом по РФ численности сельского населения произошло на 7,4%, а в 34 регионах — более чем на 20%. Т. Г. Нефедова и Н. В. Мкртчян на основе подробного анализа выявили причины сокращения [6; 11]. Можно утверждать, что продолжающееся миграционное перераспределение сельского населения обусловлено как стремлением населения к проживанию в городах (в лучших социальных и бытовых условиях) или в других сельских регионах (с комфортными климатическими условиями), так и сокращением числа рабочих мест на селе вследствие организационно-технологических преобразований в ходе рыночных реформ.

Остановимся на роли динамики занятости в сельском хозяйстве как факторе оттока населения из села — на наш взгляд, здесь требуются некоторые уточнения. Так, Ю. Г. Быченко, В. Л. Шабанов справедливо отмечают, что сельскохозяйственная занятость охватывает все меньшую долю сельского населения (хотя нельзя согласиться с тем, что «сельское хозяйство постепенно утратило роль системообразующей отрасли в сельской местности» [18, с. 138] — эта роль осталась, но существенно снизилась). Но главной причиной сокращения доли занятых в сельском хозяйстве в сравнении с численностью сельского населения является не рост доли трудоспособного населения в сельской местности (которое, как отмечают указанные авторы применительно к периоду 1990—2009 годов, возросло на 15%), а структурные изменения в соотношении типов хозяйствующих субъектов. Главным фактором выступает снижение численности занятых в сельском хозяйстве, которая за 1990—2004 годы сократилась на 31%¹. Этот процесс продолжается. Количество занятых в аграрном секторе (сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство) за 2005—2019 годы уменьшилась на 36%². В 2019 году по сравнению с 2017 годом в сельском хозяйстве (растениеводство и животноводство, охота) численность занятых, как и в целом по аграрному сектору, снизилась на 6%.

Причиной происходящих изменений стало снижение роли крестьянских (фермерских) хозяйств и хозяйств населения в сельскохозяйственном производстве в пользу крупных высокотехнологизированных предприятий (требующих меньших затрат ручного труда). Новые рабочие места в других видах экономической деятельности возникают в гораздо меньшем количестве из-за конкуренции городов (особенно крупных), обеспечивающих чаще всего более высокую рентабельность производства товаров

¹ Рассчитано на основе данных: *Народное хозяйство РСФСР в 1990 году*. М. : Республиканский информационно-издательский центр, 1991. С. 109 ; *Регионы России. Социально-экономические показатели*. 2005. М. : Росстат, 2006. С. 84.

² Рассчитано на основе данных: *Регионы России. Социально-экономические показатели*. 2006. М. : Росстат, 2007. С. 106 ; *Регионы России. Социально-экономические показатели*. 2020. М. : Росстат, 2020. С. 142.

и услуг. Альтернативные виды деятельности, которые не могут быть созданы в городах (например, экологический туризм), появляются медленно. Поэтому в пригородных зонах городов развивается маятниковая трудовая миграция, а из периферийных районов продолжается отток сельского населения в города.

Хотя еще в начале 2000-х годов делались оценки об исчерпании ресурсов перераспределения трудовых ресурсов из села в город [19] (и сейчас такие оценки усиливаются), это суждение, на наш взгляд, требует дополнительной проверки конкретными расчетами. По крайней мере, в 2017 году отток населения из сельской местности в города внутри РФ составил 97,9 тыс. человек, а в 2018 году — 101,3 тыс. (В то же время сельское население российских регионов пополнилось мигрантами из-за рубежа: сальдо миграции в 2017 году составило 50,6 тыс., а в 2018 году — 31,8 тыс. человек.)³

Конечно, в 2020—2021 годах в условиях мероприятий, препятствующих распространению пандемии коронавируса COVID-19, количественные характеристики миграционных процессов изменятся. Но прежние направления перераспределения населения между селом и городом должны, на наш взгляд, сохраниться. Один из факторов этого — соотношение доли занятых в аграрном секторе (в том числе в сельском хозяйстве) и удельного веса сельского населения в его общей численности. В целом по стране это соотношение составляет для всего аграрного сектора 26,5%, а для сельского хозяйства — 23,4%, значительно различаясь в разрезе федеральных округов (табл. 2). Самый высокий показатель (35,2%) — на Северном Кавказе, причем почти полностью (как и в Южном федеральном округе) за счет сельского хозяйства. На Северо-Западе, в Сибири и на Дальнем Востоке значительную роль играют лесоводство и лесозаготовки. Дальний Восток и, в меньшей мере, Северо-Запад концентрируют значительное число сельских поселков со специализацией на рыболовстве и рыбоводстве.

Таблица 2

Удельный вес занятых в аграрном секторе, % к доле сельского населения, 2019 год

Российская Федерация, федеральные округа	Всего	Сектор		
		Растениеводство и животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях	Лесоводство и лесозаготовки	Рыболовство и рыбоводство
РФ	26,5	23,4	2,4	0,7
Центральный	24,4	22,3	1,8	0,3
Северо-Западный	24,7	15,0	7,6	2,1
В том числе:				
Калининградская область	21,1	17,1	1,5	2,5
Южный	28,7	27,7	0,3	0,7
Северо-Кавказский	35,2	34,6	0,3	0,3
Приволжский	27,2	24,9	2,1	0,2
Уральский	20,8	17,0	3,3	0,5
Сибирский	29,1	23,7	5,0	0,4
Дальневосточный	26,0	16,0	5,3	4,7

Составлено на основе данных: *Регионы России. Социально-экономические показатели*. 2020. М. : Росстат, 2020. 1242 с.

³ *Демографический ежегодник России*. 2019. М. : Росстат, 2019. С. 219.

Еще большими, естественно, являются различия занятости по отношению к численности сельского населения в разрезе субъектов РФ (рис. 1). Эти различия требуется учитывать при оценке перспектив динамики сельского расселения. Остановимся на оценке ситуации в регионах, где указанный показатель наиболее высок — более 40%.

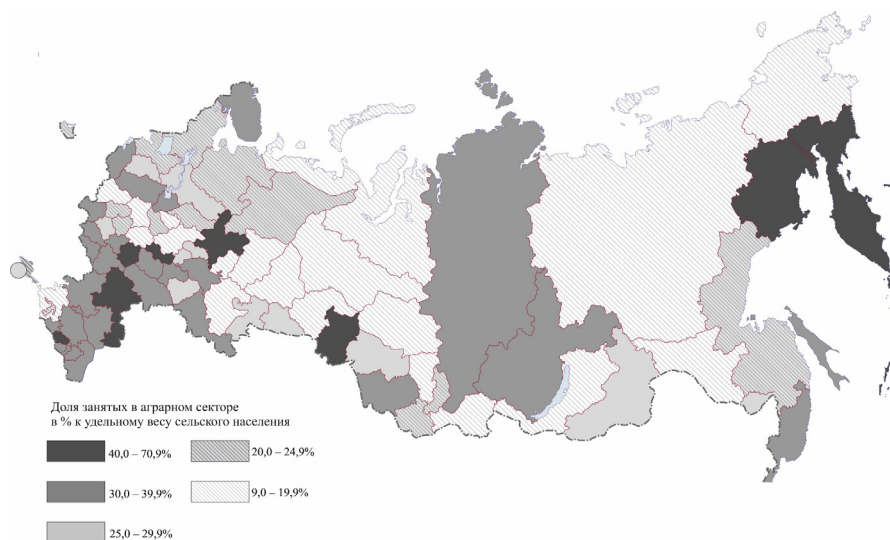

Рис. 1. Доля занятых в аграрном секторе, % к удельному весу сельского населения

Составлено на основе данных: *Регионы России. Социально-экономические показатели*. 2020. М. : Росстат, 2020. 1242 с.

В Республике Мордовия, Тамбовской и Волгоградской областях отношение количества занятых в аграрном секторе (и в сельском хозяйстве) к численности сельского населения превышает 50%, в Кабардино-Балкарской Республике, Омской и Воронежской областях — 40%. В Магаданской области — 71%, но первое место в составе аграрного сектора занимает рыболовство и рыбоводство. Кроме того, показатель столь высок потому, что значительная часть занятых сосредоточена в городских населенных пунктах. В Камчатском крае также преобладает занятость в рыболовстве и рыбоводстве, и рассматриваемый показатель превышает 40%. Выше 40% он также в Кировской и Астраханской областях. Здесь в структуре аграрного сектора преобладает сельское хозяйство, но довольно высок удельный вес в Кировской области — лесоводства и лесозаготовок, в Астраханской — рыболовства и рыбоводства.

Рассмотренные регионы с высокой долей занятых в сельском хозяйстве, если оно получит развитие за счет ускоренного роста производительности труда при высвобождении кадров, могут иметь возможности для перераспределения сельского населения в города или другие регионы без ущерба для обеспеченности кадрами аграрного сектора. Среди остальных групп регионов имеют такие возможности те, где меньше отношение количества занятых в аграрном секторе к численности сельского населения и, одновременно, меньшие возможности имеет занятость в других видах деятельности. Так, к ним нельзя отнести Краснодарский край и Республику Крым, где высока и имеет хорошие предпосылки роста занятость сельских жителей в туризме и рекреации.

Микрорайонные различия динамики сельского расселения в Калининградской области

Т. Г. Нефедова справедливо отмечает, что ключевой параметр организации сельской территории — пригородно-периферийные различия [19]. Они проявляются

в нарастании внутри регионов различий между пригородными зонами больших городов периферийными районами. Конечно, имеют место и различия между динамикой людности сельских поселков внутри каждой из зон — пригородной и периферийной, поскольку на развитие систем расселения действуют и другие факторы. Рассмотрим подробнее происходящие в региональной системе населенных пунктов процессы на примере Калининградской области, которая вследствие эксклавности является хорошей моделью для исследования систем расселения.

Изучение экистических процессов в увязке с экономическим развитием началось в Калининградской области в 1970-е годы [20]. Ряд работ по проблемам сельского расселения и населения был выполнен уже в XXI веке [21—25]. Определенное внимание уделяется проблемам развития сельского хозяйства региона [26—30], специфика которого влияет на расселение. Общие тенденции поляризации сельскохозяйственного производства и сельского расселения выявлены. Но оценка особенностей динамики численности сельских населенных пунктов не производилась, и приведенные ниже картосхемы и их анализ, позволяющий более точно отразить изменения в сельском расселении, выполнены впервые.

Динамика сельского расселения Калининградской области имеет и общие, и особенные черты с другими регионами Средней полосы России. Общая черта — качественное отличие пригородных районов от периферийных. Особенности обусловлены относительно благоприятными природными условиями, высокой плотностью населения, в том числе сельского, густой сетью городских населенных пунктов, высокой насыщенностью автодорогами с твердым покрытием. Кроме того, для региона характерно значительное положительное сальдо миграции, причем большая часть переселенцев прибывает в сельскую местность, где гораздо ниже по сравнению с городами стоимость жилья. В результате сельское население в 2020—2020 годах увеличилось темпами, близкими к городскому.

За 1992—2020 годы численность и городского, и сельского населения Калининградской области возросла (рис. 2), тогда как в РФ имело место сокращение обоих показателей, особенно численности сельского населения.

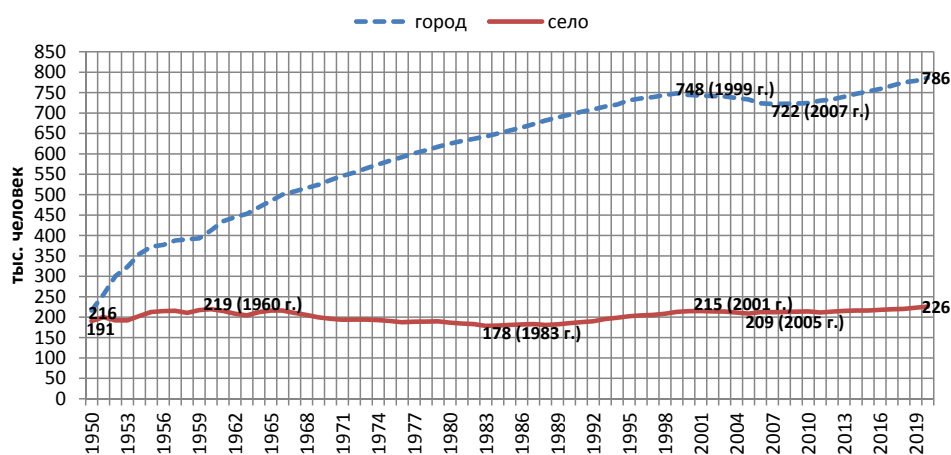

Рис. 2. Динамика численности городского и сельского населения Калининградской области, 1950—2020 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных: *Демографический ежегодник*. 2010. Калининград : Калининградстат, 2010. 80 с. ; *Демографический ежегодник Калининградской области*. 2018 год. URL: <https://kaliningrad.gks.ru/population> (дата обращения: 10.02.2021) ; *Калининградская область в цифрах*. 2020. Калининград : Калининградстат, 2020. Т. 1. 150 с.

Численность занятых в аграрном секторе области в 1990—2005 годах оставалась практически стабильной. В 2005 году она была 48,8 тыс. человек. Но к 2019 году сократилась более чем вдвое — до 22,5 тыс. человек (и составила 46,1% по отношению к 2005 году — в РФ 63,6%, то есть сокращение в Калининградской области происходило более высокими темпами⁴). При этом только за 2017—2019 годы сокращение составило 12,5% (в РФ — 5,8%)⁵. В сельском хозяйстве численность занятых уменьшилось на 10,1%, в лесоводстве и лесозаготовках — на 24,6%, в рыболовстве и рыбодовстве — на 19,3%.

Отметим, что хотя на рыболовство и рыбоводство приходится все еще повышенная доля занятых по сравнению с РФ, их численность сокращается значительно более высокими темпами. Рыбопромышленная специализация региона, одного из ведущих в добыче и переработке рыбы в СССР, намного снизилась и продолжает уменьшаться.

Сокращение численности занятых в сельском хозяйстве связано с концентрацией производства у более крупных производителей — сельскохозяйственных предприятий, более механизированных и не требующих столь большого числа занятых по сравнению с крестьянскими (фермерскими) хозяйствами и хозяйствами населения. Этот процесс в Калининградской области происходит более интенсивно по сравнению с РФ в целом, где он также имеет место (табл. 3). При этом темпы роста объемов сельскохозяйственного производства в Калининградской области благодаря развитию крупных предприятий выше среднероссийских: если в 2005 году на область приходилось 0,54% произведенной сельхозпродукции, то в 2019-м — 0,70%.

Таблица 3

**Изменение структуры производства сельскохозяйственной продукции
по типам производителей, 2005—2019 годы**

Вид продукции	Тип производителей					
	Сельско-хозяйственные организации		Хозяйства населения		Крестьянские (фермерские) хозяйства	
	2005	2019	2005	2019	2005	2019
<i>Скот и птица на убой</i>						
Российская Федерация	46,2	79,8	51,4	17,1	2,4	3,1
Калининградская область	67,6	92,8	28,8	5,7	3,6	1,5
<i>Молоко</i>						
Российская Федерация	45,1	54,1	51,8	37,4	3,1	8,5
Калининградская область	38,4	59,5	57,1	35	4,5	5,5
<i>Зерно</i>						
Российская Федерация	80,6	70,1	1,1	0,7	18,3	29,2
Калининградская область	78,9	90,1	0,4	0,7	20,7	9,2
<i>Картофель</i>						
Российская Федерация	8,4	21	88,8	65,7	2,8	13,3
Калининградская область	11,9	27,9	72,2	50	16	22,1
<i>Овоцы</i>						
Российская Федерация	18,7	28,1	74,4	51,7	6,9	20,2
Калининградская область	5,5	14,1	83,1	54,1	11,4	31,8

Составлено на основе данных: *Регионы России. Социально-экономические показатели*. 2020. М. : Росстат, 2020. 1242 с.

⁴ *Регионы России. Социально-экономические показатели*. 2002. М. : Госкомстат, 2002. 863 с. ; *Регионы России. Социально-экономические показатели*. 2020. М. : Росстат, 2020. 1242 с.

⁵ *Среднегодовая численность занятых в экономике* (расчеты на основе интеграции данных) с 2017 г. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: 13.04.2021).

Внутри области различия динамики расселения весьма велики и в общем виде соответствуют закономерностям процесса поляризации. Наиболее высокие темпы роста численности населения в 2010—2020 годах были у областного центра, а еще более высокие — у его пригородной зоны (табл. 4, рис. 3). В дальней пригородной и периферийной зонах имел место отток населения (на периферии – более значительный). Специфической особенностью области во всех трех зонах стали более высокие показатели динамики сельского населения по сравнению с городским.

Таблица 4

Динамика численности городского и сельского населения Калининградской области, 2020—2020 годы

Зона Калининградской области	Численность населения, тыс. человек, 01.01.2020 г.	2020 год, % к 2010 году	
		Город	Село
<i>Всего</i>	1012,5	107,6	107,1
Калининград	489,4	113,3	—
Ближняя пригородная	257,7	113,4	114,9
Дальняя пригородная	65,8	93,9	97,5
Периферийная	191,7	91,9	95,1

Составлено на основе данных: *Демографический ежегодник. 2010. Калининград* : Калининградстат, 2010. 80 с. ; *Численность населения Калининградской области на 01.01.2020 г.* URL: <https://kaliningrad.gks.ru/population> (дата обращения: 10.02.2021).

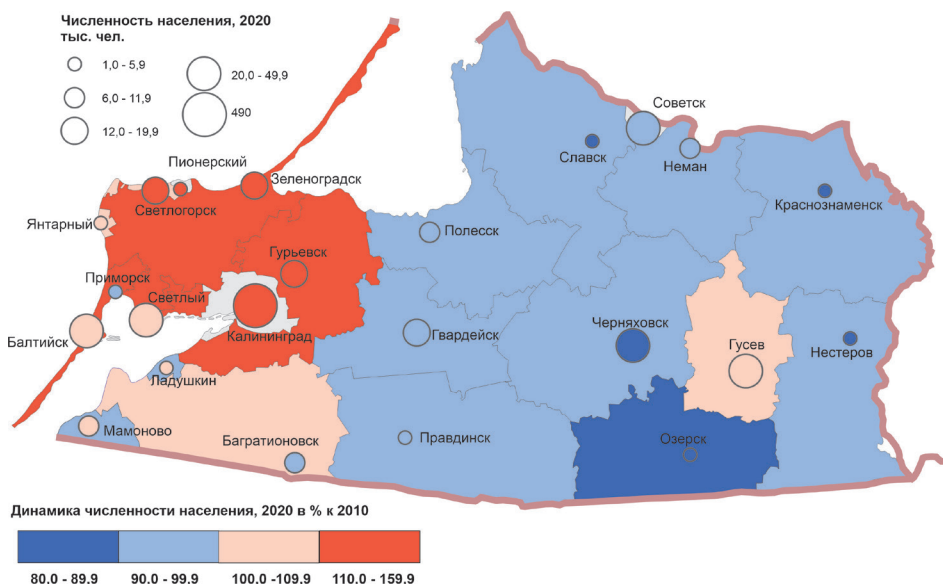

Рис. 3. Численность населения городских населенных пунктов на начало 2020 года, динамика численности городского и сельского населения, 2020 год в % к 2010 году

Источник: составлено на основе данных: *Демографический ежегодник. 2010. Калининград* : Калининградстат, 2010. 80 с. ; *Численность населения Калининградской области на 01.01.2020 г.* URL: <https://kaliningrad.gks.ru/population> (дата обращения: 10.02.2021).

Все сельские населенные пункты муниципальных образований ближней пригородной зоны характеризуются повышенной занятостью населения вне аграрного сектора. Развита маятниковая трудовая миграция в Калининград и другие города зоны. Значительная часть занятых работает в самих поселках (как в сфере производства услуг, так и в размещенных в них промышленных предприятиях). В большинстве же остальных муниципалитетов более существенную роль играет занятость в сельском хозяйстве. Указанное соотношение косвенно отражают данные таблицы 5.

Таблица 5

Отношение доли муниципалитета в областном производстве сельскохозяйственной продукции в Калининградской области, % к удельному весу сельского населения

Муниципальный округ*	Доля в численности сельского населения, %	Доля муниципалитета в областном производстве сельскохозяйственной продукции
<i>Ближняя пригородная зона</i>		
Багратионовский**	11,84	45,9
Балтийский	0,68	62,8
Зеленоградский	9,59	52,1
Гурьевский	22,52	59,0
Светловский	3,09	15,2
Светлогорский***	2,40	17,0
<i>Дальняя пригородная зона</i>		
Гвардейский	7,01	67,8
Полесский	4,96	150,5****
Правдинский	6,43	191,1
<i>Периферийная зона</i>		
Гусевский	4,00	184,7
Краснознаменский	3,78	97,0
Неманский	3,35	156,2
Нестеровский	4,78	233,9
Озерский	4,17	158,0
Славский	6,60	151,1
Черняховский	4,80	120,5

Примечание: *Без городских округов «Калининград», «Пионерский», «Советский», где отсутствует сельское население.

**Включая Ладушкинский и Мамоновский городские округа.

***Янтарный городской округ.

****Жирным шрифтом выделены показатели, превышающие 100%.

Составлено на основе данных: *Демографический* ежегодник Калининградской области 2018 год. Калининград : Калининградстат, 2018. URL: <https://kaliningrad.gks.ru/population> (дата обращения: 10.02.2021) ; *Муниципальные образования* Калининградской области. Социально-экономическое развитие в 2015-2019 годах. Калининград : Калининградстат, 2020. 240 с.

Таблица 6, рисунки 4 и 5 отражают территориальные особенности и динамику сельского расселения в пригородной и периферийной зонах Калининградской области.

Таблица 6

Сравнительная характеристика динамики сельского расселения пригородных и периферийных муниципальных районов Калининградской области, 2010 – 2020 годы

Людность поселков, чел.	Численность населения, 2020 год в % к 2020 году	
	Два пригородных муниципалитета: Гурьевский и Зеленоградский	Два периферийных муниципалитета: Краснознаменский и Нестеровский
От 2000 до 5999	132,8	—
От 1000 до 1999	125,2	102,3
От 500 до 999	130,1	90,8
От 200 до 499	105,6	89,8
От 100 до 199	107,4	91,5
От 50 до 99	104,6	91,8
От 0 до 49	102,3	86
<i>Всего</i>	121,4	91,9

Составлено на основе данных: *Численность населения городских и сельских населенных пунктов Калининградской области по состоянию на 1 января 2020 года*. Калининград : Калининградстат, 2020. URL: <https://kaliningrad.gks.ru/population> (дата обращения: 25.02.2021).

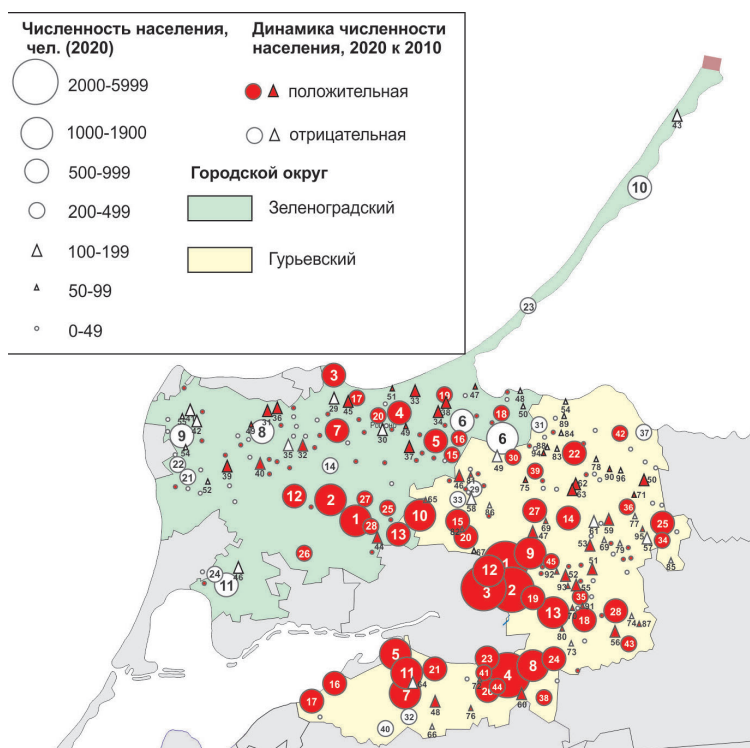

Рис. 4. Динамика сельского расселения Гурьевского и Зеленоградского муниципальных районов Калининградской области, 2010 – 2020 годы

Составлено на основе данных: *Численность населения городских и сельских населенных пунктов Калининградской области по состоянию на 1 января 2020 года*. Калининград : Калининградстат, 2020. URL: <https://kaliningrad.gks.ru/population> (дата обращения: 25.02.2021).

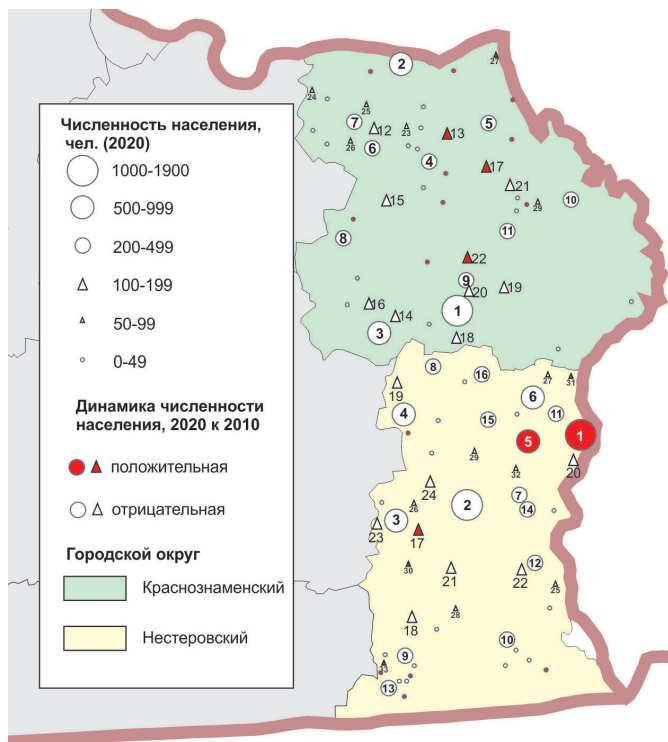

Рис. 5. Динамика сельского расселения Краснознаменского и Нестеровского муниципальных округов Калининградской области, 2010—2020 годы

Составлено на основе данных: *Численность* населения городских и сельских населенных пунктов Калининградской области по состоянию на 1 января 2020 года. Калининград : Калининградстат, 2020. URL: <https://kaliningrad.gks.ru/population> (дата обращения: 25.02.2021).

Динамика расселения пригородной (рис. 4) и периферийной (рис. 5) зон качественно различается. В пригородной зоне все группы поселков, сгруппированные по людности, за 2010—2020 годы увеличили численность населения, причем, ожидаемо, более крупные — в больше мере, чем мелкие. На периферии возросла численность населения только в группе людностью от 1000 до 1999 человек, при этом по одному поселку в каждом из двух округов сократилось число жителей, а в одном, расположенном на российско-литовском пункте пропуска Чернышевское — Кибартай, выросло. В пригородном Гурьевском округе увеличили численность населения все четыре поселка людностью 2—5 тыс. человек и 8 из 9 поселков людностью 1—2 тыс. человек, в Зеленоградском — оба поселка людностью 1—2 тыс. человек (рис. 4). Все крупные поселки расположены в непосредственной близости (не далее 25 км) от областного центра, причем многие непосредственно примыкают к нему.

Расположение населенного пункта в пригородной зоне само по себе, естественно, еще не гарантирует рост численности его населения. Так, теряют население многие поселки западной части Зеленоградского округа, менее обеспеченные транспортным сообщением, в противовес растущим населенным пунктам, расположенным на транспортных путях между Калининградом и курортами морского побережья. Сокращается население и в поселках Куршской косы, удаленных от Калининграда.

В Гурьевском округе (более приближенном к областному центру) населенных пунктов, теряющих население, в процентном отношении меньше, чем в Зеленоградском. Такие поселки, как правило, особенно невелики по размерам, расположены в стороне от важнейших автодорог и на большем удалении от Калининграда.

На периферии численность населения в большинстве поселков за 2010—2020 годы сократилось (в Краснознаменском округе в 38 из 53 поселков, имеющих население, в Нестеровском — в 42 из 53). Снизилось число жителей и в городах — административных центрах. Поселки с растущей или стабильной людностью расположены в основном в более инфраструктурно обустроенных северных частях округов, вблизи их административных центров.

Региональная политика в Калининградской области уже обратила внимание на поддержку развития экономики периферийных муниципальных образований. С 2020 года в 11 восточных муниципалитетах действует программа льготного финансирования «Восток»⁶. Согласно ее условиям на этой территории инвестиционные проекты могут получить 50 млн рублей на 7 или 10 (для проектов в аграрном секторе) лет под 1% годовых. Из областного бюджета на эти цели выделено 150 млн рублей. Можно надеяться, что принятые меры составят часть более комплексной программы по развитию периферийных территорий Калининградской области и будут разрабатываться для большинства других субъектов РФ, для которых характерны процессы поляризации экономики и расселения.

Заключение

Во многих регионах еще имеются экономические (обусловленные наличием трудовых ресурсов) факторы оттока населения из села, который, безусловно, будет происходить, восполняя потребности городов в рабочей силе. Непосредственным фактором оттока являются различия в качестве жизни городского и сельского населения. Поляризация расселения будет продолжаться, пока условия труда и быта сельского населения не станут конкурентными городскому образу жизни (по экологическим соображениям превосходящие его). Речь не идет о превращении села в город, а о формировании конкурентной среды обитания, отличающейся от городской, в сельской местности.

Для формирования более благоприятных условий труда и быта на селе необходимо более полно использовать возможности нового этапа научно-технической революции, которая пока охватывает в большей мере города, чем села. При этом стратегии развития сельской местности не могут не различаться в зависимости от социально-экономических типов регионов, их географического положения, природных факторов. Следует активизировать исследования сельских территорий для научного обоснования предложений по их развитию, для чего требуется формирование применительно к изменившимся социально-экономическим условиям теоретических и методических основ георуралистики, пока сильно отстающей от георурбанистики. Необходима разработка концепций развития сельского расселения применительно к различным типам регионов, отличающихся в природном, социально-экономическом и экистическом отношении (некоторые типологические различия субъектов РФ и микрорайонные особенности в Калининградской области показаны в данной статье). Целесообразно полнее использовать опыт регионов, уже добившихся определенных успехов в решении проблем развития сельской местности, включая как отечественный, так и зарубежный опыт. Нынешнее усиление внимания к экологии должно способствовать изучению возможностей сельской местности как более благоприятной по сравнению с городами среды обитания.

Для Калининградской области (как и для большинства других регионов Средней полосы России) актуальным является усиление внимания к периферийным территориям при формулировании задач стратегического и пространственного плани-

⁶ В Калининградской области возобновляется программа льготного финансирования «Восток». URL: <https://xn-90aifddrld7a.xn-p1ai/novosti/news/v-kaliningradskoy-oblasti-vozobnovlyatsya-programma-lgotnogo-finansirovaniya-vostok/> (дата обращения: 23.04.2021).

рования. Речь идет как о стимулировании предпринимательской активности, так и о приоритетном развитии социальной, транспортной, коммунальной инфраструктуры. Вместе с тем следует ожидать, по крайней мере в течение ближайших лет, дальнейшего перераспределения населения из сельской местности периферийных муниципалитетов в пределы Калининградской агломерации и предусматривать соответствующие меры по приему мигрантов.

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 20-55-76003 «Социальные инновации и повышение ценности местности в сельских регионах».

Список литературы

1. Ковалев С. А. Сельское расселение. М., 1963.
2. Шешельгис К. К. Единая система расселения на территории Литовской ССР : автореф. дис. ... д-ра архитектуры. Минск, 1967.
3. Хорев Б. С. Проблемы городов. М., 1971.
4. Заславская Т. И. Миграция сельского населения. М., 1970. 348 с.
5. Алексеев А. И., Сафронов С. Г., Савоскул М. С., Кузнецова Г. Ю. Основные тенденции эволюции сельского расселения России в XX — начале XXI века // ЭКО. 2019. № 4 (538). С. 26—49.
6. Нефедова Т. Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 1—12.
7. Зайончковская Ж. А. Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 1—15.
8. Мкртчян Н. В. Миграции в сельской местности России: территориальные различия // Население и экономика. 2019. № 1 (3). С. 39—52. URL: 10.3897/porecon.3.e34780 (дата обращения: 23.04.2021).
9. Kvartiuik V., Petrick M., Bavorova M. et al. A Brain Drain in Russian Agriculture? Migration Sentiments among Skilled Russian Rural Youth // Europe — Asia Studies. 2020. Vol. 72, № 8. P. 1352—1377. doi:10.1080/09668136.2020.1730305.
10. Kashnitsky I. Russian periphery is dying in movement: A cohort assessment of internal youth migration in Central Russia // GeoJournal. 2020. Vol. 85, № 1. P. 173—185. doi:10.1007/s10708-018-9953-5.
11. Нефедова Т. Г., Мкртчян Н. В. Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2017. № 5. С. 58—67.
12. Gunko M., Nefedova T. Coping with employment issues through commuting: Evidence from central Russia // Moravian Geographical Reports. 2017. Vol. 25, № 2. P. 118—128. doi:10.1515/mgr-2017-0011.
13. Зубаревич Н. В. Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2013. № 3. С. 26—38.
14. Mikhaylov A. S., Mikhaylova A. A., Lachininskii S. S., Hvalej D. V. Coastal countryside innovation dynamics in North-Western Russia // European Countryside. 2019. Vol. 11, № 4. P. 541—562. doi:10.2478/euco-2019-0030.
15. Bondarenko L. V. Urban and rural socioeconomic disparities: Scientific views and domestic practices // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 88, № 5. P. 320—329. doi:10.1134/S1019331618050027.
16. Федоров Г. М. Научные основы концепции геодемографической обстановки. Л., 1991.
17. Федоров Г. М. Об актуальных направлениях геодемографических исследований в России // Балтийский регион. 2014. № 2. С. 7—28.
18. Быченко Ю. Г., Шабанов В. Л. Современная миграция сельского населения: особенности, направления, последствия // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 2 (41). С. 137—142.

19. *Зайончковская Ж. А.* Миграция населения СССР. России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 1—15.
20. *Федоров Г. М.* Экономико-демографическая обстановка в сельской местности Калининградской области // Народное хозяйство Калининградской области: проблемы и пути развития. Калининград, 1977. С. 100—108.
21. *Белова А. В.* Роль малых и полусредних городов в решении проблем регионального развития // Балтийский регион. 2011. № 1 (7). С. 126—133.
22. *Кузнецова Т. Ю.* Геодемографическая типология муниципальных образований области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2016. № 1. С. 15—27.
23. *Левченко А. В.* Генезис и современное состояние территориальной организации сельского расселения Калининградской области // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко. М., 2013. С. 302—322.
24. *Левченко А. В.* Трансформация системы расселения бывшей Восточной Пруссии (Калининградская область) // Региональные исследования. 2006. № 4. С. 77—86.
25. *Романова Е. В., Виноградова О. Л.* Сельские районы Калининградской области (оценка социального благополучия) // Балтийский регион. 2014. № 1. С. 91—102.
26. *Волошенко К. Ю., Михайлова А. А.* Инновационные факторы и условия устойчивого развития сельских территорий // Балтийский регион. 2012. № 3. С. 103—115.
27. *Волошенко К. Ю., Федоров Г. М.* Перспективные направления институциональных изменений в сельском хозяйстве Калининградской области // Региональные исследования. 2018. № 2. С. 89—100.
28. *Дудин М. Н.* Особенности развития сельского хозяйства Калининградской области // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 10. С. 92—100.
29. *Никифорова И. В., Пурьжова Л. В.* Современное состояние сельского хозяйства Калининградской области // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 74—82.
30. *Fedorov G., von Braun J., Korneyevets V. (eds.).* Agrar- und Ernährungswirtschaft im Oblast Kaliningrad. Situation and Strategien zur Entwicklung. Kiel, 1997.

Об авторах

Геннадий Михайлович Федоров, доктор географических наук, директор центра геополитических исследований Балтийского региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия

E-mail: GFedorov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4267-2369>

Себастьян Киндер, профессор, директора департамента экономической географии, Тюбингенский университет Эберхарда и Карла, Германия.

E-mail: sebastian.kinder@uni-tuebingen.de

Татьяна Юрьевна Кузнецова, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник центра геополитических исследований Балтийского региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия

E-mail: TIKuznetsova@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1523-2280>

THE EFFECT OF GEOGRAPHICAL POSITION AND EMPLOYMENT FLUCTUATIONS ON RURAL SETTLEMENT TRENDS

G.M. Fedorov¹

S. Kinder²

T. Yu. Kuznetsova¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236016, Russia

² Eberhard Karls University Tübingen
Geschwister-Scholl-Platz, Tübingen, 72074, Germany

Received 01.06.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-8

© Fedorov, G. M., Kinder, S.,
Kuznetsova, T. Yu., 2021

Structural changes in the economy and spatial and inter-settlement differences in living standards and quality of life lead to fundamental alterations in the national settlement system. Settlement polarisation is gathering momentum, along with the movement of rural population from Russia's east and north to its southern and metropolitan regions. These processes benefit urban agglomerations. Typological differences between regional settlement systems, still poorly understood but essential for strategic and spatial planning, are growing. This article draws on the concept of the geographical demographic situation; it uses official statistics on Russian regions and Kaliningrad municipalities and settlements to explore the connection between rural settlement trends and employment fluctuations caused by structural shifts in Russian regional economies. It is shown how settlement polarisation affects differences in settlement trends of meso- and microdistrict levels. Regions are identified that have a capacity for rural-urban migration and corresponding rural employment structure and trends.

Keywords:

rural population, Russia, Kaliningrad region, population density, settlement pattern changes, employment rate

References

1. Kovalev, S.A. 1963, *Sel'skoe rasselenie* [Rural settlement], Moscow, Publishing house of Moscow State University M. Lomonosov, 371 p. (in Russ.).
2. Sheshelgis, K.K. 1967, *Edinaya sistema rasseleniya na territorii Litovskoi SSR* [Unified system of settlement on the territory of the Lithuanian SSR.], PhD Thes., Minsk, Belarus, Polytechnic Institute, 43 p. (in Russ.).
3. Khorev, B.S. 1971, *Problemy gorodov* [Problems of cities], Moscow, Mysl, 415 p. (in Russ.).
4. Zaslavskaya, T.I. 1970, *Migratsiya sel'skogo naseleniya* [Rural migration], Moscow, Mysl, 348 p. (in Russ.).
5. Alekseev, A.I., Safronov, S.G., Savoskul, M.S., Kuznetsova, G. Yu. 2019, The main trends in the evolution of rural settlement in Russia in the XX — early XXI century, *ECO*, no. 4 (538), p. 26—49 (in Russ.).
6. Nefedova, T.G. 2018, Factors and tendencies of changes in rural settlement in Russia // *Vestnik Assotsiatsii rossiiskikh geografov-obshchestvovedov* [Bulletin of the Association of Russian Geographers and Social Scientists], no. 7, p. 1—12 (in Russ.).
7. Zayonchkovskaya, Zh.A. 2000, Migration of the population of the USSR. Russia in the 20th century: evolution through cataclysms, *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting problems], no. 4, p. 1—15 (in Russ.).

To cite this article: Fedorov, G. M., Kinder, S., Kuznetsova, T. Yu. The effect of geographical position and employment fluctuations on rural settlement trends, *Balt. Reg.*, 2021, Vol. 13, no 4, p. 129—146. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-8.

8. Mkrtchyan, N.V. 2019, Migration in the Russian countryside: territorial differences, *Nasele-nie i ekonomika* [Population and economy], no. 1 (3), p. 39–52. doi: <https://dx.doi.org/10.3897/popeco.3.e34780> (in Russ.).
9. Kvartiuk, V., Petrick, M., Bavorova, M., Bednaříková, Z., Ponkina, E. 2020, A brain drain in russian agriculture? migration sentiments among skilled russian rural youth, *Europe — Asia Stud-ies*, vol. 72, no. 8, p.1352–1377. doi: <https://dx.doi.org/10.1080/09668136.2020.1730305>.
10. Kashnitsky, I. 2020, Russian periphery is dying in movement: A cohort assessment of internal youth migration in central Russia, *GeoJournal*, vol. 85, no. 1, p. 173–185. doi: <https://dx.doi.org/10.1007/s10708-018-9953-5>.
11. Nefedova, T.G., Mkrtchyan, N.V. 2017, Migration of rural population and dynamics of agricultural employment in the regions of Russia, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*, no. 5, p. 58–67 (in Russ.).
12. Gunko, M., Nefedova, T. 2017, Coping with employment issues through commuting: Ev-idence from central Russia, *Moravian Geographical Reports*, vol. 25, no. 2, p. 118–128. doi: <https://dx.doi.org/10.1515/mgr-2017-0011>.
13. Zubarevich, N.V. 2013, Rural Settlement Transformation and Rural Service Networks, *Iz-vestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographic series], no. 3, p. 26–38 (in Russ.).
14. Mikhaylov, A.S., Mikhaylova, A.A., Lachininskii, S.S., Hvalej, D.V. 2019, Coastal coun-tryside innovation dynamics in North-western Russia, *European Countryside*, vol. 11, no. 4, p. 541–562. doi: <https://dx.doi.org/10.2478/euco-2019-0030>.
15. Bondarenko, L.V. 2018, Urban and rural socioeconomic disparities: Scientific views and domestic practices, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 88, no. 5, p. 320–329. doi: <https://dx.doi.org/10.1134/S1019331618050027>.
16. Fedorov, G.M. 1991, *Nauchnye osnovy kontseptsii geodemograficheskoi obstanovki* [Scien-tific foundations of the concept of geodemographic situation], Leningrad, 180 p. (in Russ.).
17. Fedorov, G. 2014, Current Issues in the Geodemographic Studies in Russia, *Balt. Reg.*, no. 2, p.4–21. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2014-2-1>.
18. Bychenko, Yu.G., Shabanov, V.L. 2012, Modern migration of the rural population: features, directions, consequences, *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Social and Economic University], no. 2 (41), p. 138 (in Russ.).
19. Zayonchkovskaya, Zh.A. 2000, Migration of the population of the USSR. Russia in the 20th century: evolution through cataclysms, *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting problems], no. 4, p. 1–15 (in Russ.).
20. Fedorov, G.M. 1977, The economic and demographic situation in the countryside of the Kaliningrad region. In: *Narodnoe khozyaistvo Kaliningradskoi oblasti: problemy i puti razvitiya* [National Economy of the Kaliningrad Region: Problems and Ways of Development], Kaliningrad, p. 100–108 (in Russ.).
21. Belova, A.V. 2011, The role of small and semi-medium-sized towns in solving the problems of regional development, *Balt. Reg.*, no 1, p. 111–117. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2011-1-14>.
22. Kuznetsova, T. Yu. 2016, Geodemographic typology of municipalities of the region, *IKB-FU's Vestnik. Natural and medical sciences*, no. 1, p. 15–27 (in Russ.).
23. Levchenkov, A. V. 2013, Genesis and the current state of the territorial organization of rural settlement of the Kaliningrad region. In: Alekseev, A. I., Tkachenko, A. A. (eds.) *Voprosy geografii. Sb. 135: Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya* [Geography issues. Sat. 135: Geography of population and social geography], Moscow, p. 302–322 (in Russ.).
24. Levchenkov, A.V. 2006, Transformation of the settlement system of the former East Prussia (Kaliningrad region), *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 4, p. 77–86 (in Russ.).
25. Romanova, E. A., Vinogradova, O. L. 2014, Measuring social well-being in the rural areas of the Kaliningrad region, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 69–78. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2014-1-6>.
26. Voloshenko, K. Yu., Mikhailova A.A. 2012, Innovative factors and conditions of sustainable development of rural territories, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 79–87. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2012-3-7>.

27. Voloshenko, K. Yu., Fedorov, G.M. 2018, Promising directions of institutional changes in agriculture of the Kaliningrad region, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 2, p. 89–100 (in Russ.).

28. Dudin, M.N. 2016, Features of the development of agriculture in the Kaliningrad region, *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], no. 10, p. 92–100 (in Russ.).

29. Nikiforova, I.V., Puryzhova, L.V. 2017, The current state of agriculture in the Kaliningrad region, *IKBFU's Vestnik. The humanities and social science*, no. 2, p. 74–82 (in Russ.).

30. Fedorov, G., von Braun, J., Korneyevets, V. (eds.) 1997, *Agrar- und Ernährungswirtschaft im Oblast Kaliningrad. Situation and Strategien zur Entwicklung*, Wissenschaftsverlag Vauk Kiel KG, 124 p.

The authors

Prof. Gennady M. Fedorov, Director, Centre for Baltic Geopolitical Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia

E-mail: GFedorov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4267-2369>

Prof. Sebastian Kinder, Head of Department of Economic Geography, Eberhard Karls University Tübingen, Germany

E-mail: sebastian.kinder@uni-tuebingen.de

Dr Tatyana Yu. Kuznetsova, Leading Research Fellow, Centre for Baltic Geopolitical Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia

E-mail: TIKuznetsova@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1523-2280>

ТРАНСПОРТНАЯ СВЯЗНОСТЬ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ ПЕРИФЕРИЙНОСТИ: ПРИМЕР СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

И. С. Гуменюк

Л. Г. Гуменюк

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 05.08.2021 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-9

© Гуменюк И. С., Гуменюк Л. Г., 2021

Обеспечение качества жизни в сельских населенных пунктах в настоящее время все больше зависит от транспортного сообщения данных населенных пунктов с ближайшими городами и региональными центрами. На примере Калининградской области исследуется характер транспортной связности сельских территорий с городами региона. Используя параметр временной доступности, авторы изучают влияние транспортной связности на динамику численности населения и перспективы социально-экономического развития сельских населенных пунктов, характеризующихся разным транспортно-географическим положением. Отмечая в целом высокий уровень транспортной связности в регионе, авторы фиксируют, что для 10% сельских населенных пунктов региона характерно низкое значение данного параметра. Также отмечены незавершенность процесса демографического насыщения Калининградской городской агломерации и сложности в формировании субрегиональных центров в восточной части региона в силу недостаточной емкости потребительского рынка. Наиболее негативным трендом, выявленным в результате исследования, является нарастающий процесс локационного сжатия социально-экономического пространства региона на периферийных приграничных территориях.

Ключевые слова:

транспортная связность, система расселения, сельские населенные пункты, Калининградская городская агломерация, локальные центры, периферия

Введение

В современных исследованиях систем расселения и географии населения фокус внимания сосредоточен преимущественно на проблематике развития городов. Это связано с объективными процессами усиления городов как центров социально-экономического развития, аккумулирующих человеческие, экономические, финансовые и политические ресурсы (что и вызывает больший исследовательский интерес) и распространяющих влияние далеко за пределы своих географических границ. Сельская местность и население, проживающее в ней, реже становятся объектом научного внимания. Вместе с тем происходящие в сельской местности трансформационные процессы как в хозяйственном комплексе, так и в социальной среде при-

Для цитирования: Гуменюк И. С., Гуменюк Л. Г. Транспортная связность как фактор преодоления периферийности: пример сельских поселений Калининградской области // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 4. С. 147–160. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-8.

водят к изменению модели функционирования сельских поселений. Многие села практически выпали из современной производственной системы (в силу утраты своих функций в сельском хозяйстве и первичной переработке сельскохозяйственной продукции), оставаясь лишь местом постоянного проживания для населения. Наличие работающих предприятий или сельскохозяйственная специализация в современных условиях больше не являются решающими факторами развития сельских поселений. С другой стороны, в новых социально-экономических условиях Россия не может, как в период плановой экономики, повсеместно поддерживать развитие всех поселений путем строительства необходимой инфраструктуры и директивным открытием предприятий в населенных пунктах. Решающим фактором становится экономико-географическое положение, в первую очередь с позиции удаленности от города и транспортно-географического места населенного пункта.

Сельские поселения, расположенные в зоне активного влияния крупных городов, под воздействием процессов субурбанизации и рурурбанизации трансформируются, образуя пригородные населенные пункты, в которых население ведет «распределительный образ жизни» [1]. Сельские поселения, удаленные от городов, в свою очередь, выпадают из активной хозяйственной деятельности, что приводит к процессу локационного социально-экономического сжатия пространства [2; 3]. Для Калининградской области с ее скромными размерами и высоким, в сопоставлении со среднероссийским, уровнем транспортной освоенности территории также характерны все эти тенденции трансформации сельской системы расселения. Сельские поселения, расположенные в периферийных районах области и удаленные от городов, нуждаются в новом импульсе развития, который может быть обеспечен путем повышения транспортной доступности.

Изученность вопроса

Различные аспекты протекающих в сельской местности трансформационных процессов в России рассматривались в публикациях А. А. Алексеева [4; 5], Т. Г. Нефедовой [6; 7], А. И. Трейвиша [8; 9], Н. В. Мкртчяна [10]. Стоит отметить исследования, посвященные отдельным регионам (например, Тверской [11], Волгоградской областям [12]) или федеральным округам России [13–15]. С другой стороны, интересными являются работы, выполненные на локальном уровне, в которых детально изучаются специфика взаимосвязей между городом и конкретными сельскими поселениями [1; 16]. Отдельно стоит отметить исследования сельской местности применительно к Калининградской области [17–21].

Вопросы транспортной доступности в российских публикациях в большей степени изучаются на национальном или межрегиональном уровнях. Из последних опубликованных работ по этой тематике стоит отметить исследования, рассматривающие транспортную доступность как индикатор регионального развития [22], а также работу по изучению транспортной связности и освоенности восточных регионов России [23].

Зарубежные ученые уделяют вопросам транспортной связности гораздо больше внимания как в теоретическом [24; 25], так и в практическом аспектах [26; 27]. Географически актуальными для нас являются исследования транспортной связности в масштабах всего Балтийского региона¹ и отдельных стран (например, Финляндии [28] и Польши [29]). Отдельным аспектам транспортной доступности, а именно доступности населения к социальным услугам разного типа посвящена публикация

¹ *Accessibility of the Baltic Sea Region Past and future dynamics. Final Report, November 2018* URL: https://vasab.org/wp-content/uploads/2019/07/VASAB_Accessibility_Report_2018.pdf (дата обращения: 11.09.2021).

М. Компила и коллег [30]. Они не только обобщают результаты ранее проведенных исследований по выявлению максимально допустимых расстояний, на которых должны располагаться населенные пункты от городов (как центров предоставления услуг разного типа), обеспечивая тем самым доступ населению к базовым социальным услугам (школы, больницы, публичные библиотеки, железнодорожные станции и пр.), но и обосновывают свой собственный критериальный подход предельно допустимых расстояний к центрам разного порядка (табл. 1).

Таблица 1

Типология центров услуг с соответствующими критериями населения и расстояния

Центры услуг	Оптимальная численность населения в зоне обслуживания, чел.	Идеальное расстояние до центра обслуживания, км	Минимальная численность населения в зоне обслуживания, чел.	Максимально допустимое расстояние до центра обслуживания, км
Локальные, обеспечивающие доступ к таким объектам, как начальные школы, небольшие медицинские учреждения, службы по уходу за детьми, спортивные сооружения, небольшие рынки и т. д.	10 000	2,5	5000	5
Субрегиональные (муниципальные), обеспечивающие доступ к таким объектам, как средние школы, больницы, театры, культурные объекты, супермаркеты, специализированные рынки и т. д.	100 000	10	50 000	25
Региональные, обеспечивающие доступ к таким объектам, как специализированные центры образования и здравоохранения, крупные спортивные и культурные объекты, государственные организации, другие высокотехнологичные услуги и т. д.	1 000 000	50	500 000	100

Источник: [30].

Данный подход, на наш взгляд, обосновывает не только качество жизни в населенных пунктах, попадающих в соответствующие зоны доступности к центрам разного уровня, но и отражает потенциал развития самих центров. Если численность населения в зоне влияния центра избыточна, это будет негативно сказываться на качестве предоставляемых услуг и возможности доступа к ним для всех жителей. С другой стороны, недостаточное количество населения, по сути, приведет к неэффективному функционированию объектов и, как следствие, скажется на потенциале социально-экономического развития самих центров разного уровня. Стоит отметить, что оценку транспортной доступности в равной степени можно проводить через различные параметры. Наиболее часто встречаемыми являются критерии расстояния (расстояние от населенного пункта до центра), времени (время в пути между населенным пунктом и центром), стоимости (усредненная стоимость поездки из населенного пункта в центр), качества (удовлетворенность качеством предоставляемых услуг общественного транспорта или качеством транспортной инфраструктуры) или организационно-инфраструктурные условия (частота рейсов общественного транспорта между населенным пунктом и центром, возможность

использования различных видов транспорта, их комбинаций для перемещения между населенным пунктом и центром). Использование тех или иных критериев объясняется исследовательскими задачами или научной специализацией ученых. Для экономико-географических исследований чаще всего характерно применение критериев расстояния и времени.

Методы исследования

В рамках данного исследования базовым критерием оценки транспортной доступности стал временной интервал, описывающий общее время в пути, которое необходимо затратить для доступа из населенного пункта в город по дорогам общего пользования с учетом соблюдения всех нормативных требования скоростного движения. При этом авторы рассматривали в качестве транспортного средства личный автомобиль, а на функционирующую в регионе систему пассажирского автобусного сообщения. Время в пути рассчитывалось без учета загруженности автомобильных дорог, являющейся переменным значением. Учет последнего требует проведения серии практических замеров времени движения по дорогам общего пользования (производимых в разное время суток и разные дни), что в рамках данного исследования произвести крайне сложно. Выбор авторов в пользу данного критерия вместо критерия расстояния объясняется тем, что критерий расстояния в большей степени представляет собой количественный параметр транспортной доступности, а время — качественный, учитывающий в том числе и нормативное состояние дорожной инфраструктуры. С использованием ГИС-инструментария были подготовлены картограммы, отражающие линии изохрон для городов Калининградской области. Опираясь на ранее проведенные исследования и методические рекомендации Европейской комиссии², авторы исследования выбрали следующие оптимальные временные интервалы для городов разного иерархического уровня. Для регионального центра — Калининграда — временной интервал доступности составил 60 мин, для остальных городов региона, почти все³ из которых — это центры муниципальных образований с оказанием соответствующих видов услуг, — 30 мин. Для всех городов расчеты производились из географических центров городов.

Информационную базу исследования составили статистические данные о динамике численности населения в период с 2010 (результаты всероссийской переписи населения) по 2020 год (статистические данные по численности населенных пунктов на 1 января 2020 года) по 1068 населенным пунктам Калининградской области (исключая города и пгт Янтарный)⁴. Принимая во внимание несовершенство такого показателя, как численность поселения по данным статистики (ввиду фиксации на-

² *Dijkstra L., Poelman H.* A harmonised definition of cities and rural areas: The new degree of urbanization// Regional Working Papers WP 01/2014. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/work/2014_01_new_urban.pdf (дата обращения: 19.08.2021).

³ Исключением является город Приморск, не имеющий статуса центра муниципального образования, и поселок городского типа Янтарный, который, будучи центром муниципального образования, не имеет статус города. Но для Янтарного, выполняющего функции муниципального центра, временные изохроны также были рассчитаны.

⁴ Необходимо отметить что данные официальной статистики по количеству населенных пунктов разнятся с данными официальных органов власти (в приложении № 1 распоряжения от 5 февраля 2020 года № -12рп «Об определении перечня сельских населенных пунктов Калининградской области и перечня сельских агломераций Калининградской области», подписанного губернатором Калининградской области А. А. Алихановым, определено 1042 сельских населенных пункта). Данный факт, скорее всего, объясняется разными методическими подходами к учету населенных пунктов. Но так как авторы базируют свое исследование в том числе на статистических данных по численности населения, за основу взята именно количественная оценка официальных статистических органов.

селения, имеющего регистрацию по месту жительства в поселке и не обязательно фактически проживающего в нем), авторы исследования вынуждены оперировать именно им ввиду его доступности и охвата. Более информативными для таких исследований могли бы стать данные сотовых операторов [31], а также результаты социологических опросов. Но такие данные (распределение населения на основе данных сотовых операторов) отсутствуют в открытом доступе или требуют больших временных затрат для сбора, анализа и интерпретации (масштабных социологических исследований).

Также исследование базируется на проведенных авторских расчетах расстояния и времени в пути (по дорогам общего пользования) от каждого населенного пункта до центра муниципального образования (в котором расположено поселение) и административного центра — Калининграда. Данный анализ проводился с использованием электронных поисково-информационных картографических служб «Яндекс.Карты» и «Google Maps» и обеспечивал корректировку результатов ГИС-расчетов.

Результаты исследования

Если посмотреть распределение населения Калининградской области по проживанию в населенных пунктах разного типа, то, по данным статистики на 1 января 2021 года, 1 018 624⁵ человек распределялись следующим образом: 493 256 (49% от общей численности) проживают в административном центре — Калининграде, 298 814 (29%) — в 22 городах региона, оставшиеся 226 554 (22%) человек — жители сельских населенных пунктов.

В Калининградской области, по данным статистики на 1 января 2020 года, насчитывается 1068 населенных пунктов, из которых 467 (43,7%) имеют население менее 50 человек. По данным переписи 2010 года, таких поселков было меньше — 444 (41%). Более чем в половине населенных пунктов региона (559) за период с 2010 по 2020 год население уменьшилось. Поселений численностью более 1000 человек в регионе всего 36 (3,3%), а более 500 человек — 112 (10,5%). Самыми многочисленными населенными пунктами являются Васильково (4527 человек), Малое Исаково (3266) и Большое Исаково (3262). Все три поселка непосредственно примыкают к границам административного центра — Калининграда, что и объясняет такой результат. С другой стороны, 19 сельских поселений, по данным на 2020 год, официально не имели населения; преимущественно такие поселения расположены в периферийных муниципалитетах региона — Краснознаменском, Озерском, Правдинском и Черняховском районах. Необходимо отметить, что наряду с фактически «умершими» (официальная численность проживающих — 0 человек) поселениями на 1 января 2020 года насчитывается 112 поселков, численность которых составляет менее 10 человек. Определенно их можно отнести к числу «умирающих». Таким образом, число безлюдных поселков в регионе в ближайшие годы может быть около 10% от общего числа поселений.

Калининград, являясь крупнейшим городом региона, предоставляет доступ к соответствующим региональному центру объектам и услугам. Временной интервал доступности, по которым строилась картодиаграмма, составил 60 мин. Это оптимальное время, которое жители готовы тратить, чтобы ежедневно добираться на работу в Калининград, получать специализированные услуги. В 60-минутном временном интервале от Калининграда (рис. 1) расположены 11 городов, поселок

⁵ Оценка численности постоянного населения на 1 января 2021 года и в среднем за 2020 год / Росстат. URL: https://web.archive.org/web/20210319185917/https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/wJkrbrPg/Popul2021_Site.xls (дата обращения: 27.09.2021).

городского типа (Янтарный) и 510 поселений (чуть меньше половины всех поселений региона). Совокупная численность населения последних на 1 января 2020 года составила 131,5 тыс. человек. При этом за период с 2010 по 2020 год официальная численность населения выросла на 13,5 тыс. человек (неофициальные экспертные оценки данного роста гораздо выше, оцениваются на уровне 50 тыс. человек). Совокупно с учетом жителей областного центра, остальных городов и поселений, расположенных в часовой доступности, численность населения данной зоны, по официальным данным, составляет почти 700 тыс. человек. Можно отметить, что в соответствии с типологией центров М. Компела и др. (табл. 1) Калининград как региональный центр имеет потенциал для дальнейшего роста численности населения. Данный рост происходит как под воздействием активных процессов внутрирегиональной миграции из периферийных в приагломерационные центральные муниципалитеты региона, так и при активной внешней миграции, которая осуществляется преимущественно в эти же муниципалитеты [32].

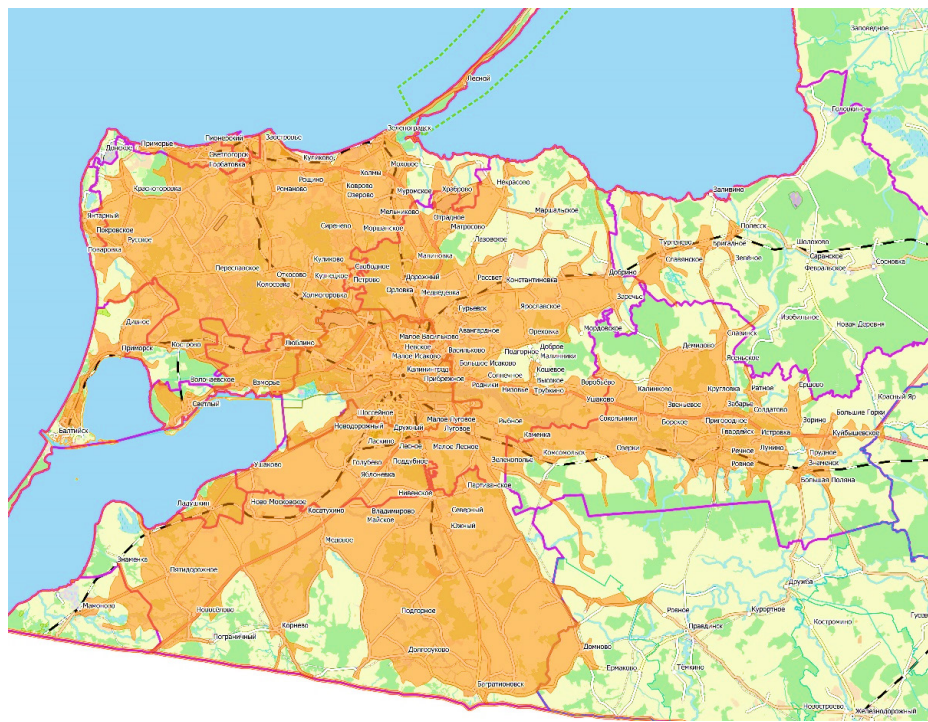

Рис. 1. Транспортная связность с административным центром — Калининградом (60-минутная доступность по автомобильным дорогам общего пользования)

Стоит также отметить что 60-минутный временной интервал может быть одним из методологических вариантов выделения и обоснования границ Калининградской городской агломерации, о формировании и развитии которой пишут многие отечественные исследователи [33; 34].

Если анализировать транспортную доступность всех населенных пунктов Калининградской области к центрам муниципального уровня, то за оптимальный временной интервал целесообразно брать 30-минутную доступность по дорогам общего пользования от населенного пункта до ближайшего центра. При этом стоит отметить, что в большей степени транспортные потоки между населенным пунктом ориентированы на город, выполняющий функции центра муниципального образо-

вания (что связано с разнообразными аспектами предоставления государственных и муниципальных услуг), но вместе с тем формируются и устойчивые потоки от населенного пункта до ближайшего города, способного предоставлять доступ к объектам и услугам, не требующим административной привязки (спортивные и досуговые секции и кружки, специализированные магазины и рынки, объекты культуры и досуга и т. д.).

Для визуализации транспортной доступности центров муниципального уровня, нами была построена картограмма (рис. 2) 30-минутной доступности каждого города региона (в том числе Калининграда), включая пгт Янтарный, выполняющий функции муниципального центра. В зоне 30-минутной доступности до муниципального центра расположены 940 из 1068 населенных пунктов региона, общая численность населения которых составляет 208 тыс. человек (92% от всей совокупности населения, проживающего вне городских населенных пунктов региона).

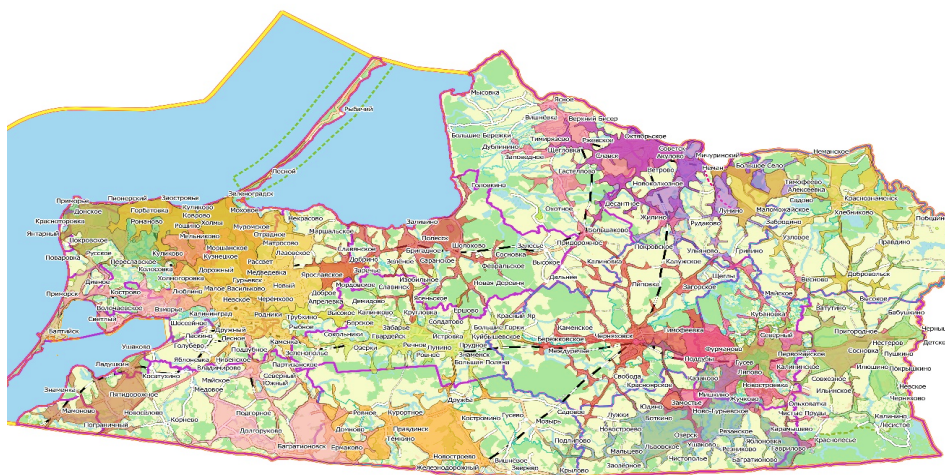

Рис. 2. Транспортная доступность локальных центров (городов) Калининградской области (30-минутная доступность по автомобильным дорогам общего пользования)

С одной стороны, это отражает высокий уровень транспортной связности региона, благодаря которому практически все его сельское население за 30 мин может добраться до ближайшего города — центра оказания муниципальных услуг и предоставления доступа к соответствующим городским объектам. С другой стороны, если анализировать устойчивость муниципальных центров региона с точки зрения оптимального числа обслуживаемого населения, обнаруживается риск деградации таких центров ввиду недостаточной численности населения. Например, второй по численности город региона — Советск — в 30-минутной транспортной доступности аккумулирует чуть более 50 тыс. человек, включая численность самого города (38,5 тыс. человек), а также численность близкорасположенных к нему городов Славска и Немана. С учетом того, что 50 тыс. населения — минимально допустимая планка, Советск как субрегиональный центр не имеет необходимого ресурса для развития своих функций (из-за предельно низкого уровня потребительского рынка). В еще более худшей ситуации оказываются города Черняховск и Гусев, каждый из которых по отдельности не обладает достаточным человеческим потенциалом в 30-минутной зоне доступности (в обоих городах численность населения в этой зоне около 40 тыс. человек). Осложняется это еще и тем, что они близко располо-

жены друг к другу (временной интервал около 28 мин), вследствие чего происходит взаимное наложение муниципальных функций этих центров. В результате ни у одного из городов нет достаточного потребительского рынка, способного формировать запрос должного объема на выполняемые субрегиональные функции.

Остальные города, расположенные на периферии региона, будучи по статусу центрами муниципальных образований, по сути, выполняют функции локальных центров. Например, в 10-минутной транспортной доступности до города Озерска с учетом численности самого города проживают около 5 тыс. человек, что составляет минимальное значение для локальных центров. Для города Краснознаменска этот показатель — 4,2 тыс. человек, для Нестерова — 7,5 тыс. человек. Таким образом, для этих городов возможности развития лимитируются небольшим объемом потребительского рынка, а статус города является исключительно административным, не подтверждаемым функциональными возможностями.

Наиболее плачевная ситуация с перспективами развития наблюдается в населенных пунктах, расположенных далее 30-минутного интервала от какого-либо города. Таких поселений в регионе насчитывается 118 (почти 10%), а официально зарегистрированного населения в них совокупно около 18 тыс. человек (хотя, конечно, фактическая число проживающих в них на порядок меньше). В 22 из них число официального населения меньше 10 человек, что фактически означает «смерть» данных поселков. Самыми многолюдными поселками, попавшими в эту категорию, являются Коренево (1965 человек) Багратионовского ГО и Комсомольск (1352 человека) Гвардейского ГО. При этом данную группу поселений условно можно разделить на две категории.

Первая категория — поселения, расположенные в центральных муниципалитетах (Черняховский, Гвардейский, Гурьевский и Зеленоградский районы), но вне основных региональных транспортных коридоров. В результате, несмотря на относительно близкое расположение от основных центров, транспортная связность таких поселений низкая, в первую очередь из-за качества региональной транспортной инфраструктуры. Показателен в этом плане поселок Комсомольск Гвардейского ГО, который находится на равном удалении от Калининграда и муниципального центра (26 км). Но поскольку поселок лежит не на основной автомобильной трассе, соединяющей Калининград и Гвардейск, время в пути до обоих центров составляет более 35 мин. Всего таких поселков 31, из которых с численностью населения более 100 человек — 14. Для этих поселений перспективы развития определяются повышением транспортной связности с ближайшими городами, что вполне по силам решить путем модернизации (повышения скоростных характеристик) соответствующих элементов транспортной инфраструктуры.

Вторая категория — поселки, расположенные в периферийных приграничных муниципалитетах Калининградской области, для которых характерна физическая удаленность и слабая транспортная освоенность (автомобильных дорог мало, а те, что есть, — низкого качества). К этой группе относятся поселки Полесского, Славского, Краснознаменского Нестеровского, Озерского, Правдинского и Багратионовского районов. Совокупно в них проживают около 11 тыс. человек, по факту оторванных от нормальных условий для жизни. Для этих поселков характерен отток населения (в период с 2010 по 2020 год совокупная численность населения по официальным данным сократилась на 0,5 тыс. человек) и фактическое «выпадение» из социально-экономического пространства региона. Все это осложняется приграничным положением большинства этих поселений. Локационное сжатие социально-экономического пространства вдоль государственной границы Калининградской области, с одной стороны, осложняет контроль за границей (хотя с возрастанием дистанционных методов мониторинга и повышением уровня мобильности погра-

ничных служб данная проблема постепенно теряет свою актуальность), а с другой — приводит к возрастанию незаконной активности в районе государственной границы (местное население само становится субъектом, нарушающим работу государственной границы). Для предотвращения процессов локационного сжатия социально-экономического пространства вдоль государственной границы необходимо принятие оперативных мер по повышению уровня транспортной связности между населенными пунктами и ближайшими городами, что выражено в реализации инфраструктурных проектов в области строительства региональных автомобильных дорог, повышения количества рейсов общественного транспорта. Только после этого в таких поселениях возможна реализация комплексных проектов, направленных на расширение их функциональной специализации путем добавления к сельскохозяйственной, например, туристической функции.

Заключение

Калининградская область в силу своей компактности и высокого уровня хозяйственной освоенности выгодно отличается по уровню транспортной связности пространства от среднероссийских значений. Вместе с тем в регионе, пусть и в меньшем масштабе, также наблюдаются и фиксируются в целом негативные тенденции «стягивания» населения в район Калининградской городской агломерации, утраты устойчивости функционирования городов, выполняющих функции муниципальных центров, деградации системы сельских населенных пунктов и фактического сжатия социально-экономического пространства региона.

В заключение хочется отметить, что Калининград как город, обладающий функциями регионального центра, еще не исчерпал потенциал для роста. При оптимальной численности населения в 1 000 000 человек в зоне фактического влияния, ограниченной авторами 60-минутным временным интервалом, в действительности проживают около 700 000 человек.

Из городов области, которые должны выполнять функции субрегиональных центров в полупериферийной и периферийной частях региона, ни один не обладает необходимым для этого человеческим ресурсом. Лучше всего дела обстоят у Советска, 30-минутный временной интервал до которого очерчивает зону, где проживают около 50 тыс. человек, что является минимальным показателем для функционирования зон подобного типа. Вместе с тем демографические тенденции последних 10 лет показывают, что численность населения данной зоны имеет устойчивую тенденцию к снижению. Это создает угрозы развитию Советска как субрегионального центра. Два других крупных города на востоке области — Черняховск и Гусев — также не имеют необходимого уровня потребительского рынка, при этом в силу географической близости выступают прямыми конкурентами за одни и те же рынки, по факту мешая развитию друг друга. Малые города Калининградской области, расположенные на периферии региона, обладая статусом центров муниципального образования, выполняют исключительно локальные функции, что напрямую сказывается на фактическом характере их развития.

В интервале 30-минутной доступности до городов области расположено 940 из 1068 сельских населенных пунктов, концентрирующих 208 тыс. человек, что составляет 92% от всей совокупности населения, проживающего вне городов. Это отражает высокий уровень транспортной связности региона. Вместе с тем около 18 тыс. человек проживают в 118 поселках, удаленных от городов далее 30-минутного интервала. С одной стороны, кажется, что данные показатели не критичны в разрезе всей системы расселения Калининградской области, с другой — это порождает процесс сжатия социально-экономического пространства на периферии региона,

одновременно являющейся пограничной зоной вдоль государственной границы РФ. Социально-экономическая деградация приграничной зоны серьезно осложняет потенциал развития приграничного сотрудничества, в том числе реализацию совместных трансграничных проектов и инициатив, поддерживаемых как Российской Федерацией, так и Европейским союзом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФФ и Калининградской области в рамках научного проекта № 19-45-393005 р_мол_а «Транспортные сети как фактор формирования комфортной среды и развития человеческого капитала в сельской местности»; при финансовой поддержке РФФФ 20-05-00399 А «Теоретическое обоснование концепции и стратегии развития Калининградской области как приоритетной геостратегической территории Российской Федерации».

Список литературы

1. Моляренко О. А. Распределенный образ жизни и контрурбанизационные процессы как факторы развития сельских и городских поселений // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 1. С. 43—63.
2. Нефёдова Т. Г., Трейвиш А. И. Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 2. С. 31—53.
3. Романова Е. А., Виноградова О. Л., Фризина И. В. Эффект сжатия социально-экономического пространства в условиях приграничья (на примере СЗФО) // Балтийский регион. 2015. № 3. С. 38—61. doi: 10.5922/2074-9848-2015-3-3.
4. Алексеев А. И., Краснослободцев В. П., Гладкова О. Н. Территориальная подвижность населения и системы расселения в сельской местности России // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2007. № 4. С. 10—14.
5. Алексеев А. И., Сафронов С. Г. Изменение сельского расселения в России в конце XX — начале XXI века // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2015. № 2. С. 66—76.
6. Нефедова Т. Г. Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2012. № 3. С. 5—21.
7. Нефедова Т. Г., Мкртчян Н. В. Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2017. № 5. С. 58—67.
8. Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 12—23.
9. Трейвиш А. И. Сельско-городской континуум: региональное измерение // Вопросы географии. 2016. № 141. С. 51—71.
10. Mkrtchyan N. V. Migration in rural areas of Russia: territorial differences. Population and Economics. 2019. Vol. 3, № 1. P. 39—51. <https://doi.org/10.3897/popcon.3.e3478>.
11. Вихрёв О. В., Ткаченко А. А., Фомкина А. А. Системы сельского расселения и их центры (на примере Тверской области) // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2016. № 2. С. 30—37.
12. Зубова О. Г., Михайлова Е. В. Основные направления оптимизации системы расселения сельского населения // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 7 (129). С. 153—158.
13. Валяев И. А., Вознесенская А. Г. Пространственный анализ поляризации системы сельских населенных пунктов нечерноземной зоны России // Региональные исследования. 2016. № 1 (51). С. 88—95.
14. Мусаева Л. З., Шамилев С. Р., Шамилев Р. В. Особенности расселения сельского населения субъектов СКФО // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. С. 1—9.

15. *Соболев А. В.* Структурно-функциональные особенности пространственного развития городских и сельских поселений Северо-Западного экономического района // Балтийский регион. 2015. № 1. С. 143—158.
16. *Алексеев А. И., Васильева О. Е., Удовенко В. С.* Сельский образ жизни: опыт изучения на примере малых сел Ленинградской области // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2020. Т. 65, № 3. С. 468—480. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.304>.
17. *Волошенко К. Ю.* Специфика и перспективы социального развития сельских территорий в Калининградской области // Регион сотрудничества. 2004. № 10. С. 15—34.
18. *Гуменюк И. С.* Географическая специфика локальной мобильности сельского населения Калининградской области // Балтийский регион — регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений : матер. IV междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2020. С. 134—143.
19. *Левченко А. В.* Трансформация системы сельского расселения бывшей Восточной Пруссии (Калининградская область) // Региональные исследования. 2006. № 4. С. 77—86.
20. *Романова Е. А., Виноградова О. Л.* Сельские районы Калининградской области (оценка социального благополучия) // Балтийский регион. 2014. № 1. С. 91—102.
21. *Юстратова В. О.* Оценка современного состояния транспортной доступности сельских населенных пунктов Калининградской области // Балтийский регион — регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений : матер. IV междунар. науч.-практ. конф. 2020. С. 134—140.
22. *Lavrinenko P. A., Romashina A. A., Stepanov P. S., Chistyakov P. A.* Transport accessibility as an indicator of regional development // Studies on Russian Economic Development. 2019. Vol. 30, № 6. P. 692—699.
23. *Неретин А. С., Зотова М. В., Ломакина А. И., Тархов С. А.* Транспортная связность и освоенность восточных регионов России // Известия РАН. Сер. географическая. 2019. № 6. С. 35—52. doi: 10.31857/S2587-55662019635-52.
24. *Miller E. J.* Accessibility: measurement and application in transportation planning // Transport Reviews. 2008. 38:5. P. 551—555. <https://doi.org/10.1080/01441647.2018.1492778>.
25. *Páez A., Scott M. D., Morency C.* Measuring accessibility: positive and normative implementations of various accessibility indicators // Journal of Transport Geography. 2012. Vol. 25. P. 141—153. <https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2012.03.016>.
26. *Hirai H., Kondo N., Sasaki R. et al.* Distance to retail stores and risk of being homebound among older adults in a city severely affected by the 2011 Great East Japan Earthquake. Age and Ageing. 2015. 44:3. P. 478—484. <https://doi.org/10.1093/ageing/afu146>.
27. *Pilkington H., Prunet C., Blondel B. et al.* Travel Time to Hospital for Childbirth: Comparing Calculated Versus Reported Travel Times in France // Matern Child Health J. 2018. № 22. P. 101—110. <https://doi.org/10.1007/s10995-017-2359-z>.
28. *Kotavaara O., Antikainen H., Rusanen J.* TRACC — Transport Accessibility at Regional // Local Scale and Patterns in Europe. Vol. 3. TRACC Regional Case Study Book. Part G. Finland case study. Luxembourg, 2013.
29. *Komornicki T., Rosik P., Sępnik M. et al.* Evaluation and Monitoring of Accessibility Changes in Poland Using the MAI Indicator. Warsaw, 2018.
30. *Kompil M., Jacobs C., Dijkstra L., Lavallo C.* Mapping accessibility to generic services in Europe: A market-potential based approach // Sustainable Cities and Society. 2019. № 47. P. 101372. [10.1016/j.scs.2018.11.047](https://doi.org/10.1016/j.scs.2018.11.047)
31. *Махрова А. Г., Бабкин Р. А.* Методические подходы к делимитации границ Московской агломерации на основе данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2019. № 2. С. 48—57. doi: 10.5922/1994-5280-2019-2-5.
32. *Лялина А. В.* Роль миграции в демографическом развитии Калининградской области // Региональные исследования. 2019. № 4 (66). С. 73—84. doi: 10.5922/1994-5280-2019-4-6.
33. *Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Шамахов В. А.* Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы развития приморских агломераций // Управленческое консультирование. 2019. № 6 (126). С. 10—18.
34. *Михайлов А. С., Самусенко Д. Н., Михайлова А. А., Сорокин И. С.* Роль приморских агломераций и городов в инновационном пространстве европейской части России // Известия Русского географического общества. 2019. Т. 151, № 3. С. 1—17. doi: 10.31857/S0869-607115131-176.0.

Об авторах

Иван Сергеевич Гуменюк, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8477-5342>

Лидия Геннадьевна Гуменюк, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: LOsmolovskaya@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6186-350X>

TRANSPORT CONNECTIVITY AS A FACTOR IN OVERCOMING CHALLENGES OF THE PERIPHERY: THE CASE OF RURAL AREAS IN THE KALININGRAD REGION

I. S. Gumenyuk
L. G. Gumenyuk

Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 01.06.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-9

© Gumenyuk, I. S., Gumenyuk, L. G., 2021

Quality of life in rural areas is increasingly dependent on transport links to nearest towns and regional centres. In this article, we examine transport connectivity between villages and towns in the Kaliningrad region. We use the travel time access parameter to investigate the influence of transport connectivity on the population size and the prospects of socio-economic development in rural areas with different transport and geographical situations. Although the overall transport connectivity is high in the region, up to 10 per cent of villages score low on this parameter. We conclude that the demographic saturation of the Kaliningrad agglomeration has not been completed. Moreover, the smallness of the local consumer market impedes the formation of subregional centres in the eastern part of the region. The most alarming trend is the incipient concentration of population in peripheral border areas.

Keywords:

transport connectivity, settlement system, rural areas, Kaliningrad agglomeration, local centres, periphery

References

1. Molyarenko, O.A. 2013, Distributed way of life and counter-urbanization processes as factors in the development of rural and urban settlements, *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* [Questions of state and municipal management], no. 1 p. 43–63 (in Russ.).
2. Nefedova, T.G., Treivish, A.I. 2020, Polarization and compression of the developed spaces in the center of Russia: trends, problems, possible solutions, *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], vol. 7, no. 2, p. 31–53 (in Russ.).

To cite this article: Gumenyuk, I. S., Gumenyuk, L. G., Transport connectivity as a factor in overcoming challenges of the periphery: the case of rural areas in the Kaliningrad region, *Balt. Reg.*, 2021, Vol. 13, no 4, p. 147–160. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-9.

3. Romanova, E.A., Vinogradova, O.L., Frizina, I.V. 2015, The effect of compression of socio-economic space in borderland conditions (on the example of the Northwestern Federal District), *Balt. Reg.*, no. 3, p. 28—46. doi: <https://dx.doi.org/10.5922%20/2074-9848-2015-3-3>.
4. Alekseev, A.I., Krasnoslobodtsev, V.P., Gladkova, O.N. 2007, Territorial mobility of population and settlement systems in rural areas, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, No. 4, p. 10—14 (in Russ.).
5. Alekseev, A.I., Safronov, S.G. 2015 Changes in rural settlement patterns in Russia during the late 20th — Early 21st centuries, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, No. 2, p. 66—76 (in Russ.).
- Nefedova, T.G. 2012, Major trends for changes in the socioeconomic space of rural Russia, *Regional Research of Russia*, Vol.2, no. 1, p. 41—54 (in Russ.).
6. Nefedova, T.G., Mkrtychyan, N.V. 2017, Migration of rural population and dynamics of agricultural employment in the regions of Russia, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no. 5, p. 58—67 (in Russ.).
7. Nefedova, T.G., Treivish, A.I. 2017, Resettlement of Settlement in Contemporary Russia: Urbanization or Deurbanization? *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 2 (56), p. 12—23 (in Russ.).
8. Treivish, A.I. 2016, Rural-urban continuum: regional dimension, *Voprosy geografii* [Questions of geography], no. 141, p. 51—71.
9. Mkrtychyan, N.V. 2019, Migration in rural areas of Russia: territorial differences, *Population and Economics*, no. 3 (1), p. 39—51. doi: <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e3478>.
10. Vikhrev, O.V., Tkachenko, A.A., Fomkina, A.A. 2016, Rural settlement systems and settlement centers (case study of the Tver oblast), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no. 2, p. 30—37 (in Russ.).
11. Zubova, O.G., Mikhailova, E.V. 2015, The main directions of optimization of the settlement system of the rural population, *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the Altai State Agrarian University], no. 7 (129), p. 153—158 (in Russ.).
12. Valyaev, I.A., Voznesenskaya, A.G. 2016, Spatial analysis of the polarization of the system of rural settlements in the non-chernozem zone of Russia, *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], no. 1 (51), p. 88—95 (in Russ.).
13. Musaeva, L.Z., Shamilev, S.R., Shamilev, R.V. 2012, Peculiarities of the settlement of the rural population of the subjects of the North Caucasus Federal District, *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], no. 5. p. 1—9 (in Russ.).
14. Sobolev, A.V. 2015, Structural and functional features of the spatial development of urban and rural settlements of the North-West economic region, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 108—119. <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2015-1-9>.
15. Alekseev, A.I., Vasilyeva, O.E., Udovenko, V.S. 2020, Rural way of life: The experience of studying the example of small villages in the Leningrad region, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 65 (3), p. 468—480. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.304> (in Russ.).
16. Voloshenko, K. Yu. 2004, Specificity and prospects of social development of rural areas in the Kaliningrad region, *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], no. 10, p. 15—34 (in Russ.).
17. Gumenyuk, I.S. 2020, Geographic specificity of local mobility of the rural population of the Kaliningrad region. In: *Baltijskij region — region sotrudnichestva. Regiony v usloviyah global'nyh izmenenij* [The Baltic region — a region of cooperation. Regions in the context of global changes], Materials of the IV international scientific and practical conference, Kaliningrad, p.134—143 (in Russ.).
18. Levchenkov, A.V. 2006, Transformation of the rural settlement system of the former East Prussia (Kaliningrad region), *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 4, p. 77—86 (in Russ.).
19. Romanova, E.A., Vinogradova, O.L. 2014, Rural areas of the Kaliningrad region (assessment of social well-being), *Balt. Reg.*, no. 1, p. 69—78. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2014-1-6>.
20. Yustratova, V.O. 2020, Assessment of the current state of transport accessibility of rural settlements in the Kaliningrad region. In: *Baltijskij region — region sotrudnichestva. Regiony v usloviyah global'nyh izmenenij* [The Baltic region — a region of cooperation. Regions in the context of global changes], Materials of the IV international scientific and practical conference, Kaliningrad, p. 134—140 (in Russ.).

21. Lavrinenko, P.A., Romashina, A.A., Stepanov, P.S., Chistyakov, P.A. 2019, Transport accessibility as an indicator of regional development, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 30, no. 6, p. 692—699.
22. Neretin, A.S., Zotova, M.V., Lomakina, A.I., Tarkhov, S.A. 2019, Transport connection and development of the eastern regions of Russia, *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, no. 6, p. 35—52. doi: <https://dx.doi.org/10.31857/S2587-55662019635-52>.
23. Miller, E.J. 2008, Accessibility: measurement and application in transportation planning, *Transport Reviews*, vol. 38, no. 5, p.551—555 doi: <https://doi.org/10.1080/01441647.2018.1492778>.
24. Páez, A., Scott, M.D., Morency, C. 2012, Measuring accessibility: positive and normative implementations of various accessibility indicators, *Journal of Transport Geography*, vol. 25, p. 141—153. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2012.03.016>.
25. Hirai, H., Kondo, N., Sasaki, R., Iwamuro, S., Masuno, K., Ohtsuka, R., Miura, H., Sakata, K. 2015, Distance to retail stores and risk of being homebound among older adults in a city severely affected by the 2011 Great East Japan Earthquake, *Age and Ageing*, no. 443. p. 478—484. doi: <https://doi.org/10.1093/ageing/afu146>.
26. Pilkington, H., Prunet, C., Blondel, B. et al. 2018, Travel Time to Hospital for Childbirth: Comparing Calculated Versus Reported Travel Times in France, *Matern Child Health J.*, no. 22, p. 101—110. doi: <https://doi.org/10.1007/s10995-017-2359-z>.
27. Kotavaara, O., Antikainen, H., Rusanen, J. 2013, TRACC — Transport Accessibility at Regional, Local Scale and Patterns in Europe, vol. 3 *TRACC Regional Case Study Book. Part G Finland case study*, Luxembourg, ESPON and Department of Geography, University of Oulu.
28. Komornicki, T., Rosik, P., Stępnia, M., Śleszyński, P., Goliszek, S., Pomianowski, W., Kowalczyk, K. 2018, *Evaluation and Monitoring of Accessibility Changes in Poland Using the MAI Indicator*, Warsaw, IGSO PAS, MD.
29. Kompil, M., Jacobs, C., Dijkstra, L. Lavallo, C. 2019, Mapping accessibility to generic services in Europe: A market-potential based approach, *SUSTAINABLE CITIES AND SOCIETY*, no 47. art.101372. doi: <https://doi.org/10.1016/j.scs.2018.11.047>.
30. Makhrova, A.G., Babkin, R.A. 2019, Methodological approaches to the delimitation of the boundaries of the Moscow agglomeration on the basis of data from cellular operators, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 2, p. 48—57. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/1994-5280-2019-2-5> (in Russ.).
31. Lyalina, A.V. 2019, The role of migration in the demographic development of the Kaliningrad region, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 4 (66), p. 73—84. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/1994-5280-2019-4-6> (in Russ.).
32. Kuznetsov, S.V., Mezhevich, N.M., Shamakhov, V.A. 2019, The strategy of spatial development of the Russian Federation and the prospects for the development of coastal agglomerations, *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management consulting], no. 6 (126), p. 10—18 (in Russ.).
33. Mikhaylov, A.S., Samusenko, D.N., Mikhaylova, A.A., Sorokin, I.S. 2019, The role of coastal agglomerations and cities in the innovation space of the European part of Russia, *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Geographical Society], vol. 151, no. 3, p. 1—17. doi: <https://dx.doi.org/10.31857/S0869-607115131-17>.

The authors

Dr Ivan S. Gumenyuk, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IGumenyuk@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8477-5342>

Dr Lidia G. Gumenyuk, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: LOsmolovskaya@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6186-350X>

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **двойное «слепое» рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

7. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

2) аннотацию на русском и английском языках (*150—250 слов*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых ссылок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4—8 слов*);

5) список литературы (*не менее 30 источников*);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и **на латинице** (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены **в электронной форме** в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru>.

BALTIC REGION

2021
Volume 13
№ 4

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2021.
165 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders
Immanuel Kant Baltic
Federal University
Saint Petersburg
State University

Editorial Office
Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236016

Managing editor:
Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

© I. Kant Baltic Federal
University, 2021

Editorial council

Prof. **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. **Gennady M. Fedorov**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr **Joachim von Braun**, University of Bonn, Germany; Prof. **Irina M. Busygina**, Saint Petersburg Branch of the Higher School of Economic Research University, Russia; Prof. **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof. **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Pertti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Frederic Lebaron**, Ecole normale superieure Paris-Saclay, France; Dr **Kari Liuhto**, University of Turku, Finland; Prof. **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. **Vladimir A. Mau**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. **Peter Oppenheimer**, Oxford University, United Kingdom; Prof. **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof. **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof. **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Eduardas Spiriajevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof. **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia.

CONTENTS

From the editors4

Redefining the Role of Cities in Modern Economy

Kuznetsova, O. V. National urban policy in Russia and the European experience.....7

Kuznetsov, A. V. Spatial diffusion of Asian direct investments
in the northern European EU countries.....21

Coastal Studies

Mikhaylov, A. S., Plotnikova, A. P. The coasts we live in: can there be a single
definition for a coastal zone?36

Sokolova, F. K., Lyalina, A. V. Migration attractiveness of the coastal zone of
Russia's North-West: local gradients54

Migration studies

Vorotnikov, V. V., Habarta, A. Migration from Post-Soviet countries to Poland and
the Baltic States: trends and features79

Sarabiev, A. V. Labour migrants from the Middle East Arab countries in Sweden:
a paradigm shift95

Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. Swedish Islamism as a social and political aspect
in the formation of an ethno-confessional parallel society111

Development of rural settlements in the Baltic region

Fedorov, G. M., Kinder, S., Kuznetsova, T. Yu. The effect of geographical position
and employment fluctuations on rural settlement trends129

Gumenyuk, I. S., Gumenyuk, L. G. Transport connectivity as a factor in
overcoming challenges of the periphery: the case of rural areas in the Kaliningrad
region147

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

—
2021

Том 13

№ 4

Редактор *Е. Т. Иванова*
Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *А. В. Иванов*

Подписано в печать 06.12.2021 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,4
Тираж 1000 экз. (1-й завод 50 экз.). Заказ 124
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6